

A young woman with long brown hair and blue eyes, wearing a white crew-neck sweatshirt, stands centrally in the foreground. Behind her, two men in dark suits and white t-shirts are partially visible, looking towards the camera. The background is dark and out of focus.

АЛАЙНА САЛАХ
МАЛАЯ

Алайна Салах
Малая
Серия «Опасные мужчины»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70555834
Алайна Салах. Малая:

Аннотация

- Чего ревешь?
- Я не реву. – Я машинально касаюсь щек, с удивлением обнаруживая, что они мокрые.
- На аборт пришла? Не торопись – пожалеешь. Лучше поезжай к своему мальчику и еще раз все обсудите.
- С чего вы взяли что у меня кто-то есть? – огрызаюсь я. – Может быть, я его нагуляла.
- Нагуляла? – Усмехнувшись, мужчина изучает мое лицо. – Нет. Слишком много «но». Давай довезу, куда нужно. Вернуться в эту клоаку всегда успеешь.
- Некуда мне ехать, понятно? – в отчаянии шепчу я. – И с парнем обсуждать нечего. Он сказал, что становится отцом ему рано. После этого мы расстались.
- Олябьева!!! Ты идешь?!

– Так не терпится ее выпотрошить? – Мужчина холодно смотрит на медсестру поверх моей головы. – Перестань орать. Я даю малой возможность передумать.

Содержание

Малая
Север

5
273

Алайна Салах

Малая

Малая

1

– Олябьева, – Рыжеволосая медсестра, выглянувшая из смотровой, равнодушно чиркает по мне взглядом. – Ты это? Готовься. Через пять минут пригласим.

подавив всхлип, я втягиваю голову в плечи. Не верится, что это происходит со мной. Ах, если бы можно было отмотать время назад и быть осторожнее. Внимательнее следить за циклом, пить противозачаточные.

Шаркая стоптанными кроссовками, мимо проходит девушка с огромным животом. Кроме нас двоих здесь больше никого. А жаль. Лучше бы передо мной была очередь, чтобы появилась возможность подготовиться.

Бросив на меня неприязненный взгляд, девушка подплывает к кулеру с водой и выдергивает пластиковый стаканчик. Какой у нее срок? Наверное, уже рожать вот-вот. Судя по одежде, она явно не из богатых. И все равно не боится. А я вот трусиха. Страшно жить впроголодь, без надежды на

счастливого будущее. Страшно, что, оставив этого ребенка, я не смогу дать ему всего, чего он достоин. Страшно быть нищей матерью-одиночкой, живущей на пособие и не имеющей ни образования, ни жилья, ни работы.

Откуда-то из коридора доносится скрип открывшейся двери, стук шагов. Четкий, уверенный. Прерывисто вдохнув, я смотрю себе на руки. Трясутся. Сжимаю их в кулаки. Раз приняла решение, надо быть ему верной.

Шаги приближаются и стихают неподалеку. Больничная вонь сменяется запахом крепкого мужского парфюма.

Не поднимая головы, я оцениваю носки мужских туфель, появившихся по соседству. Черные, глянцевые, без единой пылинки.

– Чего ревешь?

Голос, строгий и глубокий, заставляет меня поднять глаза. С противоположного конца кушетки на меня смотрит брюнет лет тридцати – тридцати двух. Пытливый взгляд, сильная челюсть, темный кашемировый свитер под горло. В длинных пальцах зажат престижный смартфон. Он настолько не вписывается в местный интерьер с его бледно-зелеными стенами и обшарпанными полами, что на секунду я даже забываю о своих бедах, задаваясь вопросом: что он здесь забыл?

– Я не реву. – Я машинально касаюсь щек, с удивлением обнаруживая, что они мокрые. – В смысле, все нормально.

– Не похоже. Как зовут?

Обычно я не завожу разговоры с незнакомцами, и тем бо-

лее, когда они настолько бесцеремонно спрашивают, как меня зовут. Но день сегодня не обычный, а потому я не пытаюсь сопротивляться.

– Линда. – Я издаю нервный смешок. – Дурацкое имя. Мама сильно хотелось выпендриться.

– Красивое, – не соглашается незнакомец. – Я Север.

– У вас имя, кстати, не лучше.

Говорю и прикусываю язык. Только нестабильное эмоциональное состояние могло побудить меня быть настолько бестактной.

– Извините, – мямлю я, виновато улыбнувшись. – Я просто...

– На аборт пришла?

Ничего не ответив, я отворачиваюсь. Какими бы дорогими не были его ботинки, это не дает ему право лезть ко мне в душу.

– Зачем торопишься. Лучше поезжай к своему мальчику. Еще раз все обсудите.

– С чего вы взяли что у меня есть мальчик? – огрызаюсь я. – Может быть, я его нагуляла.

– Нагуляла? – Усмехнувшись, Север точно изучает мое лицо: лоб, глаза, подбородок. – Нет. Слишком много «но».

– Вы телепат?

– Олябьева! – знакомый сварливый окрик заставляет меня вздрогнуть. – Давай заходи.

Обернувшись, я смотрю на рыжеволосую медсестру. На ее

руках надеты резиновые перчатки.

– Давай я тебя лучше довезу, куда нужно, Линда, – продолжает Север, будто в наш диалог только что не вмешался третий. – Вернуться в эту клоаку всегда успеешь.

– Некуда мне ехать, понятно? – в отчаянии шепчу я. – И с парнем обсуждать нечего. Он сказал, что становится отцом он не планирует еще лет пять. После этого мы расстались.

– В таком случае ему стоило лучше предохраняться.

– Олябьева!!!

– Так не терпится вырезать плод из матки? – Мужчина холодно смотрит на медсестру поверх моей головы. – Перестань орать. Я даю малой возможность передумать.

Та что-то возмущенно бормочет себе под нос, но на удивление не спорит – лишь оглушительно хлопает дверью.

– Я не передумаю... – бормочу я, вскакивая. – Спасибо вам. Но я даже не знаю, где сегодня буду спать, не говоря уже о том, чтобы растить ребенка.

Вытерев слезы, я в сопровождении тяжелого взгляда Севера иду к смотровой. К горлу подкатывает тошнота, колени подкашиваются. Господи, пожалуйста, дай мне сил пережить этот день.

2

Смотровую я покидаю с растерянной улыбкой на лице. Во рту так сухо, словно я не пила целую вечность, поэтому я

первым делом иду к кулеру.

– Быстро ты, – нагоняет меня знакомый голос. – Рад, что передумала.

Обернувшись, я обнаруживаю, что недавний собеседник сидит на том же самом месте и смотрит на меня.

– Я не беременна. – Мой голос дрожит от радости. Лишь когда я произношу это вслух, то сама окончательно в это верю. – Мне предложили сделать повторное УЗИ, и оказалось, что там ничего нет. Это просто чудо какое-то. В другой клинике врач заявила, что срок уже шесть недель.

– Что ж, тогда поздравляю. – Его губы трогает улыбка. – Я так понимаю, для тебя это большое облегчение.

– Огромное. – Заулыбавшись, я поворачиваюсь, чтобы налить воды и тут же морщусь. Не фильтрованная, а обычная, из-под крана. – А вы свою жену ждете?

– Я не женат. У меня была запланирована здесь встреча, но, выяснилось, что ее не будет.

– И вы решили дождаться продолжения моей истории? – говорю я, даже на секунду не допуская мысль, что этот дорогой во всех смыслах мужчина готов тратить свое время на такие глупости.

– Так и есть. – Сощурившись, он оглядывает меня с новым интересом. – И как выяснилось, не зря.

Поперхнувшись от неожиданности, я прячу глаза. Шок постепенно отпускает, и на смену ему приходит смущение. Этот Север, что, со мной флиртует? Да нет, быть такого не

может. Зачем ему? Женщины, с которыми он привык общаться, обитают явно не в потрепанных женских консультациях.

– Ладно. Спасибо вам за компанию и приятно было познакомиться. – Задернув молнию на толстовке, я выразительно смотрю на дверь. – Я пойду.

– Полчаса назад тебе негде ночевать.

– Так и есть. Но это ведь не ваша забота.

– Не моя, – согласно кивает он, поднимаясь. – Но сегодня меня тянет на благотворительность. Пойдем, довезу, куда нужно.

Заметив мой настороженный взгляд, он морщится.

– Перестань так смотреть. Разумеется, я тебя пальцем не трону.

С этими словами он толкает входную дверь, пропуская меня вперед. Я успеваю заметить крошечную татуировку между его большим и указательным пальцем, похожую на иероглиф или скрипичный ключ.

– Спасибо, – еле слышно сиплю я, окончательно робея. Его предложение подвезти особенно заманчиво, с учетом того, что на улице идет дождь и я понятия не имею куда ехать. Правда есть одно «но». Отец учил меня никогда, ни при каком раскладе не садится в машины к незнакомцам. По этой причине я не пользуюсь такси.

Возле входа припаркован огромный темный внедорожник. С первого взгляда ясно, что он принадлежит Северу.

Отец Родиона недавно приобрел себе такой же.

– Едешь? – Подняв брови, мой новый знакомый кивает на пассажирскую дверь.

Я мешкаю с ответом, но порыв ветра, сорвавшийся с крон облезлых берез и обжегший шею, заставляет быстро сдаться. В салоне по-крайней мере тепло.

Вжавшись в молочную обивку сиденья, я напряженно смотрю вперед. И что дальше? Куда ехать? Возвращаться в квартиру Родиона после случившегося точно не вариант. Никогда не смогу забыть с каким возмущением он смотрел, когда я сообщила новость о беременности. Так, словно я одна во всем виновата.

– Холодно? – Север, опустившийся на соседнее кресло, оценивающе оглядывает меня. При дневном свете его глаза кажутся темнее, чем показались изначально. – Решила, куда ехать?

– Парню звонить не буду. – Удерживать его взгляд дается сложно. Я не привыкла общаться с незнакомцами, тем более – с такими. Какими – таким, пока не могу объяснить даже самой себе. – Сел телефон.

– Есть зарядка, – не отводя от меня глаз, он кивает на консоль. – Какой у тебя?

– Та же модель, что и у тебя... То есть у вас.

– Общение на «ты» меня вполне устраивает. Давай его сюда.

С трудом разорвав зрительный контакт, я лезу в карман.

Пальцы нагрелись и мелко подрагивают. Я чувствую, что Север все еще на меня смотрит.

– Неплохой телефон для той, кому негде ночевать. – Усмехнувшись, он забирает телефон из моих рук и кладет на панель. Экран моментально вспыхивает значком зарядки.

– Это подарок, – поясняю я, прочистив горло. – Сама я не могу себе такого позволить.

Взгляд моего собеседника на секунду становится задумчивым, после чего, он наконец отворачивается, чтобы включить дворники.

– Пара минут – и можешь звонить. – Кивком указывает на мой мобильный.

– Пока не могу придумать, кому. – признаюсь я. – С Родионом у нас все кончено.

– То есть к твоему парню мы не едем?

– Нет.

– А жаль. Хотелось пару раз дать ему по ребрам.

Я ошарашенно смотрю на него, ища подтверждение тому, что он шутит.

– Я не шучу, – словно подслушав мои мысли, говорит он. – Каждый должен нести ответственность за свои поступки. Думаю, будь твой отец в курсе сложившейся ситуации, он бы поступил также.

– Мой отец сидит в тюрьме, – горько усмехаюсь я.

Север бросает на меня быстрый взгляд.

– Даже так? Извини.

– Уже три года как, – зачем-то говорю я. – А вы сможете... То есть сможешь довезти меня до ближайшего фастфуда? Я немного проголодалась.

– Немного? – Север с иронией на меня косится. – Ты не ела примерно сутки.

Окончательно смутившись, я отворачиваюсь к окну. Как он узнал? Определенно, это самое странное знакомство за всю мою жизнь.

– У тебя взгляд голодный и губы бледные, – поясняет он, трогаясь. – Предлагаю поехать в нормальное место. Тоже хочу перекусить.

Я хмурюсь, плохо понимая, радует ли меня перспектива пообедать в его компании. В голове по-прежнему звучат отцовские заветы не вступать в контакты с незнакомцами, перебиваемым здоровым желанием провести время в тепле и полноценно поесть.

Чтобы дать себе возможность подумать и потянуть время, решаю спросить о другом.

– Что означает твоя татуировка?

– Эта? – Север бегло смотрит себе на запястье.

– А есть и другие? – не подумав, брякаю я, и поймав его ироничный взгляд, краснею.

– Да, эта.

– Это что-то вроде масонского знака.

Яснее от такого ответа не становится, но продолжать расспросы я не решаюсь. А то еще подумает, что мне интересны

другие его татуировки.

– Хочу макароны с котлетой, – говорю я вслух, отчего во рту собирается слюна.

– Ну с этим проблем точно не будет. Есть неплохое место в паре кварталов. Поедем туда.

3

Когда машина останавливается у входа «Тео», я не могу не улыбнуться. Надо же такому случиться: Север выбрал мое любимое заведение.

– Уже была здесь? – угадывает он. – Так и думал.

– Бывала иногда, – подтверждаю я, вежливо улыбаясь знакомой администраторше. С плохо скрываемым любопытством она переводит взгляд с меня на Севера. Раньше я приезжала сюда только с Родионом.

– Пойдем. – Его рука проходит сантиметрах в десяти от моей лопатки без намерения коснуться. За такую деликатность я ему благодарна. Не люблю, когда трогают чужие.

Стоит официанту опустить на стол меню, желудок выдает громкий урчащий звук. Организм, оправившийся от стресса, начинает жадно требовать свое.

– Можно мне, пожалуйста, пасту с индейкой, – говорю я, подавив прилив стыда. Из двух зол стоит выбирать меньшее. Если я не поем прямо сейчас, то шлепнусь в голодный обморок.

– Почти макароны с котлетой, – усмехается Север, глядя в меню. – Закажи еще что-нибудь. Не обеднею.

– Чай васильковый, – робко добавляю я. – И... еще эклер.

Приняв заказ у Севера, официант исчезает. Сразу становится неуютно. Во-первых, мой собеседник не пытается заводить беседу, предпочитая пристально меня разглядывать, во-вторых, дневной свет, усиленный лучами потолочных бра, слишком подчеркивают очевидное: я сижу за столом с незнакомцем, ставшим свидетелем одного из самых ужасных дней в моей жизни, рассчитывая, что он оплатит мой обед. Папа провалился бы сквозь землю, узнав, до чего я докатилась.

– Спасибо большое. – Оторвавшись от накрахмаленной скатерти, я заставляю себя взглянуть на Севера. Почему такой мужчина как он вдруг решил возиться с неудачницей вроде меня – загадка. Он явно не заинтересован мной как женщиной.

– Твои макароны еще не принесли, – без улыбки отвечает он. – Рано благодарить.

– Не только за макароны. А за то, что в самый паршивый день в моей жизни вы... то есть ты, оказался рядом. Я догадываюсь, что у тебя есть дела поинтереснее, чем нянчиться со мной.

– Ну почему же? Для меня это интересный опыт – стать свидетелем судьбоносных событий. Я рад, что мы встретились.

– Расскажи что-нибудь о себе. – С улыбкой прошу я, до конца не уверенная, что имею право на такую фамильярность. – Обо мне ты и так знаешь слишком многое.

Его лицо пересекает кривая усмешка.

– Ты знаешь мое имя, номер моей машины и то, что я никогда не был женат. Неплохо для часового знакомства.

– Ты не говорил, что никогда не был женат. Ты сказал, что у тебя нет жены.

– Значит, теперь ты знаешь еще больше. Так что? Решила, куда поедешь после?

Потупившись, я качаю головой.

– Нет пока. Но это не значит, что нужно за меня переживать. Ты уже и так сделал для меня очень много. Seriously, я не пропаду.

– Сколько денег у тебя на карте? – Прямота этого вопроса заставляет меня вздрогнуть.

– Немного.

– Немного – это сколько?

– Примерно столько, чтобы оплатить это обед. – Поняв, что звучу жалко, я решаю пояснить: – Обычно я не бедствую. Просто так совпало.

Так совпало, что новость о моей несуществующей беременности пришлась на конец месяца, когда деньги, выделяемые мне Родионом, подошли к концу.

– Держи. – Север открывает бумажник и кладет на стол две купюры. – Хватит на то, чтобы снять гостиницу. Пригла-

шать к себе не входит в мои планы. – Заметив мое за пунцовевшее лицо, он с усмешкой добавляет. – Ничего личного, малая. Просто люблю спать один.

– Я не могу их взять. – От растерянности я даже прячу руку под стол.

– Почему?

– Потому что это ваши... то есть твои деньги. А мы друг другу никто.

– Бери. – В его голосе отчетливо слышится металл. – Или милосердие теперь не в чести?

– Если сомневаешься, то лучше не делать, – цитирую я очередной завет отца. – Не хочу злоупотреблять твоей добротой.

– Тогда будешь мне должна. – Насмешливо сощурившись, Север откидывается на спинку кресла. – Так тебя устроит?

– Напоминает сделку с дьяволом, – с нервным смешком замечая я. – Попросишь взамен мою душу?

– Это самый крайний случай, – Север смеется. Кажется, делает это искренне, судя по яркому, почти озорному блеску в серо-зеленых глазах. – Я отойду ненадолго. – Приложив телефон к виску, он встает. – Несут нашу еду, так что тебе будет, чем заняться.

С трудом дождавшись, пока официант уйдет, я торопливо наматываю спагетти на вилку. Господи, как же вкусно. Достаточно суток голода, чтобы заново ценить все, что стало казаться привычным.

Проглотив кусочек индейки, я невольно смотрю на купюры, по-прежнему лежащие в центре стола. Они действительно мне нужны, так как способны подарить самое ценное – время. Возьми я их сейчас – получу сутки уединения для того, чтобы успокоиться и решить, как быть дальше. Я привыкла во всем полагаться на Родиона, но факт моей ложной беременности обнажил неприглядные факты: наши отношения вовсе не так надежны, как мне казалось, если в критический момент он безоговорочно выбрал не нас, а себя.

Я пытаюсь отвлечь себя едой, но взгляд как примагниченный, снова возвращается к деньгам. Купюры новые, словно только-только вышедшие из-под печатного станка. Рука тянется к ним, но застывает, когда перед глазами встает укоризненное лицо отца. Дескать, ай-яй-яй, не тому я тебя учил, Линда.

Да, брать чужое ты меня не учил, пап. Но и как выжить в большом городе, оставшись без жилья и денег, ты не научил меня тоже.

подавив прилив стыда, я хватаю купюры и запихиваю их в карман джинсов. На душе сразу становится спокойнее: вопрос с ночевкой решен. Когда заработаю – обязательно разыщу Севера и все ему верну. Я не беру чужое, а кредитуюсь.

Спустя пару минут Север возвращается за стол. Если исчезновение денег и стало для него очевидным, он не подает вида.

– Даже порозовела, – замечает он, увлеченно принимаясь

за салат. – С собой что-нибудь закажи.

Я собираюсь решительно отказаться, однако наметившееся движение у входа заставляет меня перевести взгляд. В дверях ресторана стоит Родион. Вернее, уже не стоит, а идет напрямик к нам с Севером.

– Здесь мой парень. – Из-за паники мне с трудом удастся говорить членораздельно. – Понятия не имею, как он узнал.

4

Север прослеживает направление моего взгляда и удовлетворенно хмыкает.

– То есть преподать урок ответственности все же удастся.

– Линда, что происходит, а? – Голос Родиона звенит отчаянием. – Ночевать ты не пришла, телефон выключен... У меня чуть крыша не поехала... Я полдня твоих одноклассников обзваниваю, а в итоге нахожу тебя с каким-то...

Его взгляд рикошетом проходит по Северу.

– Хорошо, что на твоём телефоне локатор включен. Ещё бы пара часов – и я бы стал звонить в полицию.

Первый шок от его появления сходит, заставляя вспомнить, что Родион уже больше суток не имеет на меня никаких прав и, следовательно, отчитываться перед ним я тоже не обязана.

– Какое тебе дело, где я нахожусь? – Я придаю голосу отстранено-снисходительную интонацию, невольно копируя

речь Севера. – Ты свою позицию относительно наших отношений высказал. Больше нам говорить не о чем.

– Давай не будем обсуждать наши отношения в присутствии посторонних... – Родион раздраженно косится на моего соседа по столу. – Поедем домой и обо всем поговорим.

– Лучше дождись, пока мы пообедаем, – подает голос Север. – Твоя девушка голодна, я тоже.

Мои пальцы стискивают скатерть. Меньше всего мне бы хотелось стать причиной конфликта.

– А ты бы... – Родион разворачивается к Северу с явным намерением вступить в перепалку, но осекается. – Слушай, а я тебя знаю.

На лице моего компаньона не отражается ни единой эмоции. Даже удивления.

– И откуда же?

– Ты дружил с моим старшим братом. Пару раз даже дома у нас был. Ты, наверное, уже не помнишь. Лет восемь-десять.

– Твой брат – покойный Глеб Винокуров? – сощурившись, уточняет Север.

Я наблюдаю за происходящим, затаив дыхание. Господи, что за день! Мой новый знакомый, оказывается, был дружен с покойным братом моего парня.

– Да. – Родион заметно оживляется. – Я даже помню, на какой ты тачке ездил. На черном мерине заряженном с огромной банкой. Глеб рассказывал, что обвес под тебя лично в Ингольштадте изготавливали.

Кивнув, Север с усмешкой смотрит на меня. В его взгляде читается: выдыхай, малая, разборок не будет.

– Ты извини, что так сразу с наездом... Но ты сам пойми: я все утро ищу свою девушку и в итоге нахожу ее в компании другого мужика. Вы вообще откуда друг друга знаете?

– Случайно познакомились в клинике.

Родион впивается в меня глазами. Дескать, ты уже сделала аборт? И он, получается, в курсе?

– Выяснилось, что я не беременна, – бормочу я, краснея. – Долго объяснять.

– Давай поговорим нормально, а, Линда? – Забыв о существовании Севера, Родион смотрит на меня с мольбой. – Знаю, что повел себя как конченный дебил. Просто я не был готов к таким новостям и запаниковал.

В его глазах читается неподдельное отчаяние, и это заставляет стену моих обид и недоверия пошатнуться. Вчера мы оба были на взводе и наговорили друг другу много лишнего. Не только Родион, но и я. Возможно, действительно есть смысл прояснить ситуацию в более приватной обстановке и на более спокойный тонах.

Не зная, как быть, я нахожу взглядом Севера. Он понимает все без слов и, отодвинув пустую тарелку, кивает.

– Да без проблем. Поезжайте.

Я чувствую невероятное облегчение. Кажется, мое скорая ничуть его не обижает. Не хочется выглядеть грубой, после того как он был со мной настолько заботлив и мил.

– Подождешь, пока я дойду до туалета? – Поднявшись, я вопросительно смотрю на Родиона.

Он облегченно улыбается, словно не был уверен, что ему удастся меня увести.

– Конечно, малышка.

Чтобы не заставлять никого ждать, я ускоряю шаг, но обрывки их диалога с Севером успевают меня догнать.

– Я не видел тебя на похоронах Глеба.

– Меня тогда не было в стране.

– У меня сеть магазинов спортивной техники. Ты вроде всегда экстримом увлекался. Запиши мой номер. Для друга моего брата всегда лучшие цены.

5

– Спасибо. – Потупив взгляд, я проскальзываю в приоткрытую Родионом дверь. После нашей ссоры он особенно старается быть обходительным.

Очувившись в салоне, я неожиданно обмякаю. Исполненный боли монолог, который я почти сутки прокручивала в голове, забывается, заставляя меня растерянно смотреть перед собой. Была бы я какой твердой и решительной как моя подруга Полина, Родиону пришлось бы неделю умолять с ним заговорить. Но я слишком мягкая, слишком неуверенная в себе. Увидела его взволнованным и моментально забыла о собственной обиде и о том, что по его вине собиралась

совершить непоправимое.

– Малышка моя. – Жадно притянув меня к себе, Родион зарывается лицом в мои волосы. – Не делай так больше, пожалуйста. Не сбегай. Я ни спать, ни есть не мог. Знаешь же, как сильно я тебя люблю.

От этого признания тело превращается в камень, а к горлу подкатывают не выплаканные слезы.

– А каково было мне по-твоему? – Мой голос плаксиво дрожит. – Ты сказал, что этот ребенок тебе не нужен. Наш ребенок, Родион.

– Малыш, ну для чего сразу рубить с плеча? Ты ведь видела, что я был на эмоциях. Становится отцом действительно не входило в мои планы на ближайшее время. У меня в бизнесе столько головняков... Еще расширяться надо.

Из-за того, что Родион считает необходимость развития бизнеса достаточной причиной для убийства ребенка, меня прорывает.

– Но в мои планы тоже не входило становится мамой! Это означает бросить университет и распрощаться с мыслями о карьере на ближайшие несколько лет. Но я была готова на эти изменения, потому что речь шла о нашем ребенке! Ты говорил, что мои проблемы – это твои проблемы, а в итоге заявил категоричное «нет». Хотя ты прекрасно знаешь о моей ситуации... Знаешь, как сильно я завишу от тебя. Именно ты и твоя семья настояли, чтобы после заключения папы я продолжила учебу и не разменивалась на подработку. И ты

не мог не понимать, что для меня означают слова о том, что беременность сейчас не к месту. Одной мне ребенка содержать не по силам, по крайней мере сейчас. Мне элементарно жить негде!

– Я знаю-знаю... – Родион покрывает быстрыми поцелуями мой лоб, щеки, подбородок. – Прости. Просто эта новость стала для меня шоком.

– Мы живем вместе три года и регулярно занимаемся сексом, – не сдаюсь я. – Неужели ты ни разу допускал мысль о том, что я могу забеременеть?

– Малышка, я не хочу ссориться. В итоге ведь все обошлось, и ты не беременна.

Нахмурившись, я выпутываюсь из его объятий.

– Но я могла бы быть. Еще пару часов назад меня могли выпотрошить в смотровой. Я думала, что у нас серьезные, годами проверенные отношения.

– Так и есть...

– Я больше в этом не уверена. Если я останусь с тобой, и мы продолжим заниматься сексом, нет гарантий, что в один прекрасный день я не забеременею по-настоящему. И если мне действительно придется сделать аборт, я не смогу тебя простить. Только я знаю, чего мне стоило это решение. Я редела всю ночь.

– Малышка, я тебя поэтому и искал... – На лице Родиона появляется смущенная улыбка. – Чтобы сказать, что я готов принять ответственность... Если ты еще раз забеременеешь,

мы обязательно будем рожать.

Кровь туго пульсирует в ушах. Я не ослышалась? Он изменил свое мнение и готов стать отцом?

– Почему у тебя глаза на мокром месте? – Родион ласково трется об меня кончиком носа. – Я тебя очень люблю, малыш, и сделаю все, чтобы ты была счастливой. Не сомневайся. А теперь давай поедem домой?

Онемев от наплыва эмоций, я молча киваю. Родион крепко обнимает меня и наконец могу обнять его ответ. Еще с утра я думала, что моя жизнь кончена, а к обеду счастливо улыбаюсь. Может быть, эта встряска была нам необходима, чтобы понять, чего мы хотим друг от друга в действительности?

– Хочешь, заедем в бутик и купим тебе классную шмотки?

Обняв его крепче, я мотаю головой. Не хочу. Хочу поехать в нашу квартиру, сходить в душ и провалиться в глубокий восстанавливающий сон.

Через боковое окно я вижу, как дверь ресторана распаивается и на улицу выходит Север. Прикуривает сигарету и, быстро напечатав что-то в телефоне, поднимает голову. Наши взгляды встречаются. Его губы трогает легкая улыбка, после чего он, глубоко затянувшись, вышвыривает окурок и идет к своей машине.

– Я тебя так быстро сердце колотится. – Родион касается губами моего виска. – Ну что, едем?

Откинувшись на сидении, я машинально запускаю ладо-

ни в карманы джинсов. Если мое сердце и билось быстро, то сейчас и вовсе срывается в сумасшедший галоп. Деньги Сера так и остались у меня.

6

По приезде в нашу с Родионом квартиру меня моментально срубает сон. В сравнении с суровым внешним миром, которому нет никакого дела до двадцатилетней студентки, здесь все знакомо и ощущается безопасным. Мы живем вместе с тех пор, как стали встречаться, и я считаю это место своим вторым домом после родительского.

Просыпаюсь от звука голосов, доносящихся из гостиной. Судя по низким приказным нотам, к нам в гости заехал отец Родиона.

Повернувшись к отливающим синевой окну, я гадаю, стоит ли выходить здороваться или лучше попытаться заново уснуть. Выбираю второе, и не потому, что я такая вежливая, а потому что жутко хочется пить.

– Добрый вечер, Максим Аркадьевич. – Улыбнувшись в качестве извинения за свой заспанный вид, я прижимаюсь к Родиону. – Как ваши дела? Будете чай?

– Сделай, – соглашается он, как и всегда без приветствия.

Я давно не принимаю такую манеру общения на свой счет, ибо отец Родиона ведет себя так со всеми. Вежливым на моей памяти он пытался быть только с моим отцом.

– Выспалась? – негромко спрашивает Родион, потрепав меня по руке. Этот быстрый жест расшифровывается как: приготовить отцу чай и оставь нас ненадолго. Скоро подойду.

Я не спорю. Знаю, что у Винокуровых так заведено: когда говорит глава семьи, не позволительно отвлекаться. А на Родиона, как на наследника и единственного сына, это правило особенно распространяется. После смерти старшего брата он старается быть достойной ему заменой.

– А что с помещением? Договор подписали? – требовательно звучит голос Винокурова-старшего, пока я бреду на кухню.

– В понедельник должны.

– Это я уже на прошлой неделе слышал. Хреново работаешь. Каждый потерянный час – это проебанные деньги.

Я нарочито громко хлопаю шкафами, делая вид, что увлечена приготовлением чая и не слышу их диалога. Хотя за Родиона в этот момент очень обидно. Он ведь очень старается. Неужели нельзя хотя бы изредка его поддержать? Покойного Глеба я видела всего пару раз, когда была подростком, но запомнила его стиль общения, так как они сильно напоминающий манеру его отца. Они и внешне были похожи: оба рыжеволосые и коренастые. Родион-то совсем другой: высокий, худощавый, с правильными аристократичными чертами лица – вылитый Леона Андреевна. И характер у него под стать – очень спокойный. Поэтому несправедливо требовать от него быть таким же как Глеб.

– Все будет к среде, пап, я же сказал. – отвечает Родион, имитируя жесткость тона, которая обычно ему не присуща. – В остальном у меня все готово и даже коллектив укомплектован.

– Работа пяти минут, – не задерживается с брезгливым вердиктом Максим Аркадьевич. – Через три месяца сезон начинается, а ты точку продажи до сих открыть не можешь. Это, блядь, что за работа...

– Ваш чай! – вклиниваюсь я, опуская чашки на стол. – Если нужно покрепче, я добавлю заварки.

Улыбка на моем лице способна осветить здоровенное подземелье. Уж слишком хочется смягчить тягостную атмосферу.

– Кстати, пап. Знаешь кого мы сегодня с Линдой встретили? – Голос Родиона звучит с преувеличенным энтузиазмом. – Помнишь друг был у Глеба на мерине сто сороковом? Север?

При звуке имени недавнего знакомого я вздрагиваю. Вернее, вздрагиваю я от напоминания о том, при каких щекотливых обстоятельствах мы познакомились.

– Может и был, – не слишком заинтересованно бросает тот. – К чему рассказ?

– Мы немного поболтали. Знаешь, чем сейчас занимается?

– Ты что, блядь, как девочка, загадками разговариваешь? – раздраженно рявкает Винокуров-старший. – Нор-

мально отвечай.

Лицо Родиона покрывается пятнами унижения. Я машинально опускаю взгляд под стол и вижу, что его ладони сжаты в кулаки. Очень хочется его обнять, но я решаю отложить это до момента, как его отец уйдет.

– Он владеет турбазой, – покорно отвечает Родион, выдержав паузу. – У него полный интересующий нас комплект: дома в аренду, стрельбище, прогулки на лошадях. Снегоходы и квадроциклы у него уже есть, но Север пообещал обратиться, если возникнет потребность в новых.

– Обещал обратиться, – передразнивает его Максим Аркадьевич, однако сейчас его голос на удивление не звучит зло или раздраженно. – Тебе контракт готовый под нос сунули, а ты сидишь на заднице и ждешь, пока он сам себя подпишет. Как лох, ей богу. Сегодня же ему звони и назначай встречу. Хоть домой пусть к вам на чай приезжает. Пробеешь такого клиента – самолично казню.

7

Пап, привет! У меня все хорошо. Скоро сессия, и я, как обычно, немного нервничаю. Не хочется тебя подвести. Ты обязательно должен мной гордиться. Как минимум, моим красным дипломом:)

Вчера я сумела затащить Родиона на выставку современной живописи. Он сопротивлялся, как мог, но по итогу ему

все понравилось. Даже предложил купить картину, которая мне особенно понравилась. Рыбак в лодке. Я отказалась, потому что стоила слишком уж дорого. Он и так тратит на меня много. На прошлой неделе сережки бриллиантовые подарил без повода.

После выставки гуляли по набережной и купили у старушки цветы. Она на радостях минут пять желала нам здоровья и счастья. Было очень трогательно.

Так что не переживай, у нас все отлично. Совет, как говорится, и любовь.

На днях я вспоминала, как ты когда-то советовал приглядеться к Родиону. Все твои слова, как и обычно, попадают в цель, пап. Даже не знаю, что со мной было, если бы не его любовь и забота. Рядом с ним ждать твоего возвращения гораздо легче.

Скучаю по тебе каждый день. Твоя Линда.

Бережно сложив исписанный лист пополам, я убираю его в шкатулку, где хранятся другие мои письма папе. Когда приходит день передачи корреспонденции, я отдаю их всем скопом. Пусть кто-то назовет такой способ переписки старомодным, но мне важно общаться с папой именно на бумаге, а не в напечатанных сообщениях. Кажется, что так моя любовь будет чувствоваться острее.

– Малышка, ты идешь? – звучит голос Родиона снизу. – Я уже есть хочу.

Вдев в уши новые серьги и схватив сумку, я сбегаю вниз

по лестнице. Сегодня пятница, что означает очередной выход в свет. На этот раз мы идем в нашумевший бар с рейтингом восемнадцать плюс, где столы обслуживают полуобнаженные официантки. Я поначалу скривила нос, но Родион заверил, что его интересуют только коктейли и «ни на кого кроме меня у него не стоит».

Чувствовать себя непринужденно в заведении, кишасим голыми телами, оказывается сложнее, чем я себе представляла. Официантки банально разгуливают между столами в одних трусах, заставляя посетителей плотоядно тарашиться на их задницы и груди. Приходится заказать коктейль покрепче, чтобы хоть немного расслабиться.

– Эта черненькая ничего такая, – скалится Макар, обглаживая взглядом ягодицы девушки, обслуживающей наш столик. – Пожалуй, заберу ее с собой после смены.

– А может быть она не пойдет, – возражаю я, желая встать на ее защиту. – То, что она здесь работает, не означает, что она проститутка.

– Да они здесь все шлюхи, – хохочет он. – У них и такса есть. Платишь сорок косарей и пилишь ее всю ночь, хоть в рот, хоть в жопу.

– Макар, – осекает его Родион. – Будь посдержаннее в выражениях.

– Извини, Линда. – Макар делает шуточный поклон. – Я хотел сказать, что за сорок тысяч любую из этих прекрасных леди можно отвезти к себе в апартаменты и до самого утра

предаваться плотским утехам.

Я прячу улыбку. Макар вызывает во мне смешанные чувства. Часто его грубость граничит с аморальностью, но Родион считает его своим лучшим другом, и это не позволяет мне относиться к нему совсем плохо.

– Я отойду в туалет. – Потрепав меня по колену, Родион встает. – Макар, не обижай мою малышку. Вернусь – проверю.

– Да что я, изверг, что ли? – притворно возмущается тот.

– А ты на голых девушек не засматривайся. – Я шутливо грожу Родиону пальцем.

– Знаешь же, что они для меня просто деревья.

– Вскружила ты голову нашему пацану, – хмыкает Макар, проводив его взглядом. – Так и до свадьбы не далеко.

Я пожимаю плечами. Что вообще на такое ответишь?

– Сколько вы уже вместе? – не унимается он. – Года два?

– Почти три.

– Приличный срок. Если хочешь сделать парню подарок на годовщину... – Макар кивает в центр зала, где дефилируют официантки, – Сними шлюху и организуй тройник. Родион тебе всю жизнь за такое благодарен будет.

К щекам приливает жар. Кем он себя возомнил, чтобы такое предлагать? У нас с Родионом в постели и без третьих лиц все прекрасно.

– Я планировала организовать нам спа-день, но за совет спасибо, – говорю я без улыбки.

– Поверь, мой спа гораздо лучше, – со смешком парирует он. – Вон та рыжая, например, сосет на пять с плюсом.

– А можно мы...

Я хочу сказать, что нам стоит сменить тему, но осекаюсь, заметив метрах в десяти от нас знакомую фигуру. Сердце волнительно подпрыгивает. К соседнему столу подошел Север.

– Нет, а что такого-то? – размыто доносится до меня голос Макара. – Мужчины существа полигамные и Родик не исключение. Рано или поздно начнет крутить головой по сторонам...

– Чушь, – бормочу я, продолжая наблюдать за своим случайным знакомым. Как он пожимает руки двоим мужчинам, сидящим за столом, и как, одернув брюки, садится. Не думала, что мы когда-нибудь еще встретимся. А у меня как раз есть наличка, чтобы ему вернуть.

– Да я точно тебе говорю. Заниматься сексом с одной и той же девушкой скучно...

– Извини, – перебиваю я, поднимаясь. – Мне нужно отойти.

В сопровождении непонимающего взгляда Макара я извлекаю из сумки кошелек и, отсчитав нужную сумму, направляюсь к соседнему столу.

От волнения ладони нагрелись, но разве есть вариант не подойти? Я взяла деньги в долг и должна их вернуть.

– Привет! – нервно шаркнув каблуком, я смотрю на Се-

вера, вальяжно развалившегося на диване. – Еще помнишь меня?

Три пары глаз как по команде устремляются на меня. Я перестаю дышать. Его приятели, наверняка невесть что обо мне вообразили.

Глаза Севера проходятся по мне снизу вверх, на лице появляется ослепительная улыбка. В прошлый раз на фоне стресса я не обратила внимание на то, что он умеет так красиво улыбаться.

– Помню конечно, малая. А вот увидеть так скоро не ожидал.

– Извините, если отвлекла, – Смущенная его пристальным вниманием, я быстро оглядываю остальных. – Много времени у вас не отниму, обещаю. Вот, держи.

С этими словами я протягиваю Северу деньги.

– Возвращаю, как и обещала.

Он смотрит на купюры с непониманием, но потом, словно вспомнив, о чем идет речь, насмешливо кривится.

– Нет, Линда. Условия были другие. Ты остаешься мне должна.

Покраснев до корней волос, я мотаю головой.

– Возьми, пожалуйста. Мне не нужно чужое.

– Север, ну ты чего девушку смущаешь? – весело басит его приятель. – Предложи ей сесть.

– Думаю, она здесь не одна. – Взгляд Севера рикошетом проходит по моим голым коленям, перемещаясь к столу,

где сидит Макар.

– Да, я со своим парнем, – подхватываю я. – Но это не он, если что...

Смутившись неуместным пояснением, я смотрю себе под ноги. Как быть дальше – не имею ни малейшего понятия. Деньги по-прежнему у меня, и брать их Север не собирается. Бегать за ним с криками «Пожалуйста, возьми» я не стану. Выход один: возвратиться за наш стол.

– Еще раз извините, что отвлекла. – Попятившись назад, я испуганно вздрагиваю, когда на мою талию вдруг ложатся чужие руки.

– Не бойся, малышка, это свои, – звучит над ухом веселый голос Родиона. – Я тебя сначала потерял, но потом увидел, с кем ты, и решил подойти. Всем доброго вечера.

– Винокуров-младший, – негромко произносит Север, представляя его своим друзьям. Судя по тому, как те понимающе кивают, фамилия Родиона им знакома. – И двух недель не прошло, как мы снова встретились.

– А я как раз твой номер искал. Хотел еще раз обсудить вопрос сотрудничества.

– Не сегодня. – Север кивает на стоящую перед ним бутылку виски. – Присаживайтесь.

– Не помешаем? – вежливо осведомляется Родион, но энтузиазм в его голосе выдает то, что предложение его обрадовало. Для него встреча с Севером – это шанс выполнить обещание, данное отцу и заключить выгодный контракт.

– Мешали – я бы не предложил, – усмехается Север.

– А Макар как же? – бормочу я, оглядываясь.

– Он пошел телок клеить, – беспечно отмахивается Родион, садясь. – Малышка, что тебе заказать?

8

– Специфическое, конечно, заведение, – весело комментирует Родион, когда очередная голая официантка, покачивая загорелыми ягодицами, проплывает мимо.

– Нормальное место, – затянувшись кальяном, замечает приятель Севера. – Еда хорошая, музыка не орет. А то, что девчонки голые ходят – приятный бонус.

– Еда, кстати, действительно неплохая. – Повернувшись, Родион касается кончика моего носа. – Ты как, малышка? Все нормально?

– Да, – вежливо улыбаюсь я. – Все хорошо.

Он задает этот вопрос в третий раз за последние десять минут и вряд ли ждет развернутого ответа. Видно, что Родион чувствует себя не в своей тарелке. Участники этой компании старше его как минимум лет на пять-семь. Хотя дело даже в возрасте, а в том, что Север и его приятели другие. Они выходцы из иного мира, менее легкомысленного, более непонятного и строгого.

– А вы, кстати, в «Ное» были? – Родион тянется к коктейлю. – Тоже отличное место.

– Вроде не был, – откликается второй мужчина. Игорь, если я правильно запомнила.

– Это который на другой стороне от дамбы, – поясняет Север.

– Точка костромских? Теперь понятно, почему я не был.

Видимо, это какая-то их общая шутка, потому что все трое смеются. Я украдкой смотрю на Родиона в надежде, что он наконец решит уйти. Ясно ведь, что общих тем у нас мало, сколько бы он не пытался их нащупать. Ему лишь вежливо отвечают, но дальше этого диалог не идет.

– А ты, Линда, чем занимаешься? – Взгляд Игоря падает на меня.

– Я? – от неожиданности я запинаясь. – Учусь.

– Только учишься или с работой совмещаешь? Спрашиваю, потому что у самой дочь подрастает. Интересно, чем сейчас молодежь увлекается.

– Линда учится на стилиста, – приобняв меня, поясняет Родион. – Мы решили, что ей не стоит работать.

Наградив его тяжелым взглядом, Игорь тянется к виски. Мне становится неудобно. Ответ Родиона ему по какой-то причине не понравился.

– Он же ее спросил, – закинув руку на подголовник, Север ос значением смотрит на меня.

Я отвожу глаза. За последний час мы пересекались взглядами трижды, и по какой-то причине моя реакция была точно такой же. Словно у нас двоих есть тайна, о которой дру-

гим не стоит знать.

– Желаете что-нибудь еще? – раздается грудной женский голос. Рядом с нашим столом появилась полуголая официантка с копной ярко-рыжих волос. – Тарелку с фруктами, шампанского, виски...

Она выразительно пробегается острыми ногтями по своей ключице, беззвучно договаривая свой вопрос. Даже мне становится ясно, что этим жестом она только что во всеуслышанье предложила себя.

– У нас пока все есть, Галя, – отвечает Игорь. – Через полчаса подойди.

Я с увлечением кручу в руках бокал, чтобы ненароком не наткнуться на прелести этой девушки. Странное дело. Ходит голой она, а стеснительно почему-то мне.

– А ты? – вильнув задом, красотка подходит к Северу, развалившемуся на диване. – Хочешь чего-нибудь?

Родион теребит меня за колено. Мол, смотри-смотри.

Смотреть на то, с каким рвением местный персонал обслуживает гостей, мне не интересно, но глаза я все же поднимаю.

Здрав голову, Север смотрит на рыжую с насмешливой улыбкой.

– Спасибо, милая. Мне пока тоже всего достаточно.

Такая его реакция приносит мне облегчение. Макар бы не преминул отпустить сальную шутку или вовсе пригласить ее за наш стол.

Но облегчение мое оказывается преждевременным. Не желая сдаваться, девушка находит его ладонь и по-свойски кладет себе на ягодицу.

– Воу, – приглушенно смеется Родион. – Кажется, Север ей очень понравился.

Я не могу не пошутить, не улыбнуться. Кадр белоснежной ягодицы и контрастом лежащей на ней смуглой ладони с прожилками вен и черной татуировкой меня ослепил.

– Точно? – Девушка наклоняется к Северу, так что ее волосы падают ему на лицо.

Я вижу, как рука на ее заднице грубо сжимается, сминая белую кожу, и отвожу глаза. Сердце тарыхтит: бух-бух-бух. Все это происходит в каком-то метре от нас.

– Абсолютно. В зале полно других голодных клиентов.

Несколькими секундами спустя разговор за столом возобновляется, сигнализируя о том, что мы девушка ушла, но даже тогда я не решаюсь поднять взгляд. Сцена с рукой смутила меня сильнее, чем можно было предположить.

– Малышка, ты чего притихла? – Родион гладит меня по голове. – Если хочешь – можем уйти.

– Хочу, – с готовностью выпаливаю я. – Прямо сейчас.

– Тогда дай мне пять минут, ладно? – Родион понижает голос. – Я только с Севером парой слов перекинусь. Нужно контакт его взять для дела.

Подхватив сумку, я встаю. Желая всем хорошего вечера и, ни на кого не глядя, выскакиваю на улицу. Тут подожду.

Даже если у Родиона с Севером есть общие дела – у меня больше нет никаких.

9

– Остановись здесь, пожалуйста. Я сама дорогу перейду. – Я нервно смотрю в окно, за которым собралась длинная пробка.

– Дождь же идет, – пытается возразить Родион. – Ничего страшного не случится, если опоздаешь минут на десять.

– Только не на эту пару. Преподавательница и так меня недолюбливает и постоянно ищет повод занизить оценку.

– Это еще почему? – Он хмурится. – Синий чулок, что ли? Так давай с ней поговорим. У отца в министерстве связи есть. Пусть ей внушение сделают, чтобы не третировала лучших студентов.

– Не надо ни с кем разговаривать. – Потянувшись, я быстро целую Родиона в щеку. – Я побегу, ладно? Позвоню после лекций.

Накинув на голову капюшон, я спешу к переходу, ведущему к главному университетскому зданию. Дождь, как назло, усиливается, быстро заполняя собой воронки луж. В одну из них я неловко попадаю кроссовкой и едва не стону от досады: внутри ощущается противное хлюпанье.

А самое обидное, что мой героизм оказывается напрасным. Когда я, промокшая до нитки, подлетаю к двери ауди-

тории, выясняется, что я все равно опоздала.

– Меня поражает отношение нынешних студентов к учебе, – язвительно комментирует мое появление Ольга Михайловна. – Некоторые из них думают, что университет – это магазин с модными тряпками, в который можно заявится под настроение, а преподаватель – продавец, который обязан радоваться каждому их появлению.

В сопровождении десятков взглядов я пробираюсь на задние ряды, выискивая свободное место. Ждать, что кто-то приветливо вскинет руку и предложит сесть рядом, не приходится. За четыре года учебы мне не удалось обзавестись ни подругами, ни приятелями. Точнее, не обзаводится ими – мое сознательное решение.

Папа всегда говорил, что друзья – это люди, которых мы выбираем сердцем, а не те, что подвернулись нам в определенных обстоятельствах.

Я имела возможность убедиться в том, что он прав. Это произошло на первом курсе, когда я, вопреки советам папы, сблизилась с девушкой, учащейся в моем потоке. Аня оказалась мне веселой, умной и легкой, и мы с первых дней нашли общий язык. После лекций зависали в кофейне, сидели вместе на лекциях, часто созванивались. Я настолько прониклась нашим общением, что даже пригласила ее на день рождения, где, кроме Полины и Родиона, больше никого не было.

Спустя время Родион сообщил, что Аня к нему клеится

и в качестве доказательства показал ее сообщения. «Клеится» – оказалось самым мягким определением такой переписки. Помимо недвусмысленных предложений заехать в гости и посмотреть фильм, Аня не поленилась прислать фотографию груди в полупрозрачном бюстгальтере. К снимку прилагалась провокационная приписка: «Никому не скажем».

Пусть с Аней мы общались недолго, после такого я чувствовала себя глубоко преданной. Папа, как всегда, был прав: не стоило обзаводиться друзьями из страха прослыть одиночкой, не имеющей компании. К тому же, есть Родион и Полина, которым я целиком доверяю.

С тех пор в университете я почти ни с кем не общалась, предпочитая делать акцент на учебе.

Отсидев четыре пары, я, как и обещала, звоню Родиону, чтобы узнать, как скоро он за мной приедет. Он не отвечает, что бывает лишь в случаях, когда он занят работой. Поэтому следом набираю Полине, которую не слышала уже почти неделю. Для нашей дружбы подобный перерыв – большой срок.

Огромная трагедия моей жизни заключается в том, что год назад семья моей единственной подруги Полины решила переехать в другой город и забрать ее с собой. Теперь мы имеем возможность общаться либо по телефону, либо в мессенджерах.

Полина тоже молчит, окончательно закрепляя за этим днем статус «паршивого». На лекцию я опоздала, выговор от

преподавателя получила, дождь за окном так и не кончился, кроссовки все еще влажные.

Хорошо, что Родион перезванивает до того, как я успеваю окончательно расклеится. Правда новости он приносит не слишком ободряющие.

– Малышка, ты закончила уже, да? Слушай, мне нужно по делам срочно съездить. Времени в обрез. Было бы отлично, если ты добралась до дома сама.

Я молчу, обдумывая то, как могу это сделать. Путь от университета не близкий, а на улице льет как из ведра. Такси я не пользуюсь.

– Черт, все время забываю, что ты на такси не едешь... – с досадой бормочет Родион до того, как я успеваю ответить. – Надо что-то придумать.... Может Макару попросить тебя подхватить...

– Нет! – с протестом вылетает из меня. – Макара вызывать не нужно. Что-нибудь сама придумаю.

Перспектива ехать в одной машине с хамоватым приятелем Родиона меня не прельщает настолько, что лучше пройтись под дождем пешком.

– Я, короче, Северу позвонил... – продолжает Родион. – Тогда в баре номер у него взял... Говорю, давай сотрудничество обсудим нормально. Условия есть для тебя интересные. Он сказал, что будет у себя на базе и предложил заехать. Я отказываться не стал. Он все-таки мужик занятой, а разговор в моих интересах.

– Конечно, – натянута откликаюсь я, отмечая, что имя Севера по-прежнему вызывает во мне смятение. – Поезжай.

– А ты как? – в голосе Родиона слышно сомнение. – В общем... присядь пока в кафе и дождись меня. Вместе на базу к Северу скатаемся. Он уж точно не будет против.

10

– Вы к Северу Евгеньевичу? – уточняет охранник, мельком взглянув на наши автомобильные номера. – Проезжайте.

Тяжелые ворота неспешно разъезжаются, впуская нас на парковку, аккуратно врезанную посреди стены пышных со-сен.

Опустив окно, я с наслаждением втягиваю терпкий хвой-ный воздух. Когда-то у родителей был дом в сосновом бо-ру, в котором мы проводили каждые выходные, поэтому этот аромат ассоциируется с детством.

– Нормальное такой место Север заимел. – Выйдя из ма-шины, Родион с интересом оглядывается. – Не база, а целый курорт. Жаль, я раньше о нем слышал, а то давно бы настоял на сотрудничестве.

Жмурясь от закатного солнца, пробивающегося сквозь де-ревья, я достаю телефон, желая запечатлеть потрясающий вид. Промокшие кроссовки и прочие неурядицы отходят на второй план в свете долгожданного свидания с природой.

– Север, привет! Мы подъехали... Я с Линдой... К ангару?

Лады. Сейчас найдем.

Я успеваю сделать несколько снимков до того, как Родион берет меня за руку.

– Нам нужно найти какой-то ангар, – поясняет он, увлекая меня по асфальтированной дорожке вглубь леса. – Север там. Занят, судя по голосу.

На короткую секунду перед глазами вновь появляется кадр белоснежной ягодицы с рукой на ней. Я невольно замедляю шаг. Может, стоит остаться в машине?

– Надеюсь, мы не потеряемся. И здесь нет волков.

– Трусишка, – смеется Родион, целуя мою ладонь. – Не переживай. Я тебя спасу.

– Давай лучше ангар поскорее найдем, я, – бормочу я, глядя по сторонам. – Может стоило у охранника уточнить, где он находится? А то по этой базе можно сутками плутать.

– А вот как раз квадрик навстречу едет. – Он кивает на темную точку, появившуюся из-за деревьев. – Как раз и спросим.

Точка стремительно приближается, превращаясь в здоровенный квадроцикл камуфляжной расцветки.

– Так это Север за рулем. – Родион радостно машет. – У него, кстати, Бомбардьер. У нас в салоне такой же стоит, только черный.

– Садитесь, – остановив квадроцикл, Север кивает на ряд кожаных сидений позади себя. В карго-штанах и черной футболке он выглядит немного непривычно.

– А что, так далеко ехать? – шутит Родион. – У меня был план пройти десять тысяч шагов.

– Кажется, твоя девушка замерзла. – Север смотрит на мой подбородок, затем – на ноги.

Я растерянно моргаю. Откуда ему известно? Он и насчет моего голода как-то угадал.

– Малышка, ты разве замерзла? – Родион трогает меня за плечо. – Сегодня вроде бы тепло.

– Да не особо, – мямлю я. – У меня просто кроссовки немного влажные. Я же утром в лужу наступила.

– Надо было сказать. – Родион помогает мне взобраться на квадроцикл. – И куртка, как назло, осталась в багажнике.

– Держи. – Север протягивает мне толстовку.

После секундной заминки я забираю ее у него из рук.

– Спасибо.

Толстовка пахнет его туалетной водой и чем-то крепким, мужским. Я застегиваю молнию до подбородка. Становится так тепло, что вспыхивают щеки. Я ни разу не носила мужских вещей. Лишь однажды на пару минут надела папину куртку.

– Классно тут у тебя, – говорит Родион, когда мы, разогнавшись, несемся по извилистой дороге вглубь лесной чащи. – Но посетителей пока немного, да? Ни одного не встретили. Может тебе рекламу дать?

– Гостей хватает, – отвечает Север, не отводя взгляд от дороги. – База уже неделю закрыта на техническое обслужи-

вание. Вас пустили в порядке исключения.

– А у тебя здесь баня-сауна тоже есть? Мы с Линдой приедем как-нибудь с ночёвкой. – Родион приобнимает меня за плечи. – Ты же любишь лес, да, малышка?

Я киваю, чувствуя себя неловко. При Севере Родион ведет себя не как обычно. Более развязно, что ли.

– Оставайтесь, если хотите. – Север мельком смотрит на нас. – Повар пока здесь, Николай затопит баню.

Я вопросительно смотрю на Родиона. Он же не собирается принять приглашение? Мы так не договаривались.

Считав мою реакцию, он делает большие глаза. Мол, ну чего ты сразу в штыки все воспринимаешь? Мне для дела нужно.

– Спасибо, Север. «Надо подумать», – говорит он вслух. – Я ведь с Линдой. Она уж очень переживает за свою учебу. На красный диплом идет, моя умница.

– Молодец. – Взгляд Севера находит меня в боковом зеркале. – В остальном смотрите сами. Никого не напряжете.

– Ну что, малышка, останемся? – моментально подхватывает Родион. – В баньку сходим, отоспимся. Ой, да хватит делать такое недовольное лицо. – Он шутливо толкает меня в бок. – Завтра в восемь утра будешь в универе.

Приходится согласиться. Не потому, что передумала и хочу остаться, а потому что Родион не оставляет мне выбора. Понимаю, что ему важно наладить отношения с Севером и получить одобрение отца. Но все же лучше бы он обсудил

возможность ночевать здесь со мной наедине.

11

– Ну чего ты такая напряженная? – Родион ласково мнет мои плечи. – Классно же все. Природа, лес, баня. Дома новые, кругом чистота.

– И мне не во что переодеться, – буркаю я, не желая так быстро прощать его оплошность. – Нет ни крема, ни зубной щетки.

– Зубная щетка тут есть. Я проверил.

Развернув, Родион целует меня в лоб.

– Малышка, ну извини, что так вышло. Я ничего заранее не планировал – ты же знаешь. Но глупо было упускать возможность с ним подружиться... – Он кивает себе за спину. – Отец мне весь мозг потом сожрет.

– Он тебе и так его сожрет, – вздыхаю я.

– Тоже верно. Но это и мой бизнес тоже. И я заинтересован продать Северу квадроциклы и плюсом впарить обслуживание с экипировкой. Рядом река – а это значит, что я смогу продать и гидрики. Зимой – снегоходы. Здесь огромные деньги.

– Я это понимаю. Но не думаю, что твоя договоренность пострадала бы, если бы ты посоветовался со мной. Я тебе не враг, и, если бы ты сказал все то же самое, но полчаса назад – никакого конфликта между нами не было бы.

– Ты же знаешь меня. – Родион виновато улыбается. – Я когда нервничаю – плохо соображаю.

– А зачем ты нервничаешь?

– Ну ты же видишь, какой Север и с кем он общается. Я пиздюк на его фоне. Не хочется сильно облажаться.

Родион говорит это так просто и искренне, что меня за-тапливает теплом и сочувствием. Если бы отец не имел привычки сравнивать его с покойным братом, Родион чувствовал себя гораздо увереннее.

– Просто будь собой. – Я глажу его по щеке. – Ты хорош такой, какой есть. Тебе не нужно пытаться быть таким как Север или Глеб.

Родион находит мои ладони и по очереди целует каждую.

– Всегда поддержишь. Спасибо. Ты в баню с нами пойдешь?

– Нет. – Высвободившись, я сажусь на край огромной двуспальной кровати. – Здесь останусь.

– Ну а что ты будешь делать? Телевизор смотреть? Побудь с нами. Север шашлык обещал. У него повар, кстати, известный работает. Раньше шефом в «Дионисе» был.

Не знаю, откуда во мне взялось это желание наказать его и себя. Я ведь почти месяц изводила Родиона просьбами вывезти меня на природу, а сейчас вдруг решила торчать в четырех стенах.

Задвинув поглубже невесть откуда взявшееся упрямство, я соглашаюсь.

– Посижу, только недолго. Завтра рано вставать.

– Вот и отлично. – Просияв, Родион тянет меня за руки, помогая встать. – Тогда идем?

– Ты иди, а я подойду чуть позже. В душ схожу.

– Может все-таки в баню?

Я кручу головой. Ни под каким предлогом я не буду разгуливать в полотенце в присутствии Севера.

В ванной комнате обнаруживается мягкий махровый халат, в который я с удовольствием закутываюсь после душа. Надо отдать должное Северу: в его гостевых домах все продумано для комфорта гостей. Есть и полы с подогревом, и одноразовые комплекты с шампунем, пастой и зубной щеткой, причем приличных марок; в холодильнике стоит минеральная вода, на террасе имеются пледы.

Полюбовавшись умиротворяющим видом на реку, я спускаюсь вниз. По моим расчетам Родион должен успеть обсудить с Севером интересующие его вопросы, и мое появление никому не помешает.

– А вот и моя красавица идет. – На распаренном лице Родиона сияет улыбка, в руке зажата бутылка с пивом. – А мы уже первый заход в парную сделали. Точно с нами не хочешь?

Мотнув головой, я осторожно присаживаюсь на скамейку рядом. Север сидит напротив, по пояс замотанный в полотенце. Он тоже пьет пиво. Я отмечаю татуировку у него под ключицей, и то, что он равнодушен к спорту. На его теле

много отчетливо прорисованных мышц. Очень и очень много.

– А вода есть? – спрашиваю я, уставившись на деревянную голову медведя, торчащую из стены.

– Есть в холодильнике.

– Сейчас принесу. – Родион вскакивает. – Тебе газированную?

– Без газа, – отвечаю я, уставившись ему в спину.

Я готова смотреть куда угодно, лишь бы не на Севера. Я пока сама не могу понять, в чем причина моего столь робкого поведения. Он не первый мужчина, которого я вижу голым по пояс. Возможно, дело все же в его физическое форме. Тела как у него принято считать образцом сексуальности, и я боюсь, что прямой взгляд будет расценен как интерес. А Север мне неинтересен. Как мужчина, по-крайней мере.

Но посмотреть на Севера все-таки приходится, потому что он решает задать вопрос.

– Как тебе тут?

– Хорошо. – Пригладив мягкую ткань халата, я одариваю его вежливой улыбкой. – Вид на реку меня впечатлил. И в целом все... Очень достойно.

– Сон здесь отменный. – Не сводя с меня глаз, он делает глоток. – Можно выспаться за каких-то три часа.

На его лоснящейся от пота груди переливаются блики подвесной лампы. Я снова отвожу взгляд. Так комфортнее.

– Держи. – Родион ставит передо мной запотевшую бутыл-

ку минеральной воды. – Север, ну что? Идем на второй круг?

– Не торопись. Успеется.

– Люблю баню, – поясняет Родион, садясь рядом. – Могу часами в парной сидеть – и все мало.

– Глеб таким же был. – На лице Севера появляется улыбка ностальгии.

– Вы давно дружили? – не удержавшись, спрашиваю я. Невозможно постоянно молчать и тарашиться в стол.

– Лет пять-семь, наверное, да? – Это Родион.

– Дружили мы давно, – отвечает Север, проигнорировав его вопрос. Намеренно, как мне кажется. – Состояли в одном автоклубе, когда еще совсем пацанами были. Постоянно что-то с тачками делали. Пружины обрезали, кулисы меняли. Денег тогда на что-то путевое не было, вот и приходилось извращаться. Глеб, кстати, был первым, кто приехал в клуб на иномарке.

– Точно, – голос Родиона звенит почти мальчишечьим восторгом. – У него субару синяя была.

– Да. – Опустошив бутылку, Север убирает ее под стол. – Вот с тех пор и общались. Лет пятнадцать назад было.

– Слушай, а тебе сколько лет?

– Мне тридцать два.

– Как Глеб. На семь лет меня старше.

Ничего не ответив, Север встает. В углу предбанника зазвонил его телефон.

Мельком оценив широкую спину и крепкие ягодицы под

полотенцем, я перевожу взгляд на свой маникюр. Легкое дуновение ветра касается босых ступней, следом хлопает входная дверь.

– Все хорошо? – Родион касается губами моей щеки. – Еще часок посидим и спать пойдем, ладно?

– Ты уже с ним поговорил? – Я кошусь на дверь.

– Наполовину. Сейчас вернется и обсудим детали. Ты точно в парную не пойдешь?

– Точно. – Я делаю большие глаза. Мол, сколько можно спрашивать.

– Я тогда пойду, ладно? – Родион заискивающе улыбается. – А то я после пива засыпать начинаю.

– Да, конечно. Иди.

Оставшись в одиночестве, я достаю телефон и навожу его на голову медведя. Надо скинуть эту штуку Полине. Она обожает скульптуры из дерева.

«Это где такая прелесть?» – приходит от нее спустя минуту.

Я хочу ответить «На гостевой базе у одного знакомого», но в итоге пишу просто «На гостевой базе». Пусть с Севером мы и знакомы, но знакомый он Родиона, а не мой.

– Скучаешь? – Голос, раздавшийся из дверей, заставляет меня вздрогнуть.

– Нет. – Я машинально гашу экран, как если бы меня застали за неподобающим занятием. – С подругой переписываюсь.

Кивнув, Север достает из холодильника новую бутылку минералки.

– А ты не слишком разговорчивая, да?

Смутившись неожиданным вопросом, я неловко пожимаю плечами.

– Смотря с кем.

– Со мной, например. – Повернувшись, он озорно улыбается. – Совсем ведь не помогаешь.

– У вас с Родионом свои дела. Не хочу мешать.

– А похоже, что ты мешаешь?

– Нет, но... – Я замолкаю, потому что из парной во влажном молочном облаке вылетает Родион.

– Уф-ф, отлично так раскочегарилось. – Подойдя к столу, он жадно пьет. – Баня просто отличная, брат. Всем своим порекомендую.

– Буду признателен, – сдержанно произносит Север.

– Слушай, я уж вернусь к нашей теме, ладно? – Усевшись рядом, Родион закидывает мокрую руку мне на плечо. Выглядит он взбудораженным. То ли горячий пар на него так подействовал, то ли сильно волнуется.

– База у тебя супер. Сюда можно минимум двадцать единиц техники поставить. Скажу прямо: сотрудничество с тобой мне очень и очень интересно. Просто назови свои условия.

Криво усмехнувшись, Север откупоривает новую бутылку пива и подносит ее к губам.

– Сотрудничество предлагают многие. – Его взгляд проходит по моим щиколоткам. – Вопрос заключается в том, что эксклюзивного ты можешь мне предложить.

12

У меня немеет язык. Он ведь не подразумевает, что это я – то самое эксклюзивное предложение? Да нет, нет конечно. Просто так совпало: его выразительный взгляд и эта двусмысленная фраза.

– Я уже говорил: для друга моего брата – самые лучшие цены. И скидки от объемов, конечно. – Судя по веселому тону, Родион ничего необычного в поведении Севера не заметил.

Я испытываю облегчение. Если не заметил Родион, значит, мне действительно показалось.

– Можем даже так сделать: ты скидываешь мне цены, по которым тебе отгрузили последнюю партию, а я делаю дешевле.

– Имей в виду, что на каждую единицу техники у меня имеется бесплатная гарантия, – замечает Север, отпивая пиво.

– Каким сроком?

– Три года.

– М-м. – Родион становится задумчивым. – Тебе предложили отличные условия. Давай так: завтра я приеду в офис

и еще раз все обсужу с поставщиками. У нас прямое дилерство по региону. Думаю, решим.

– Договорились.

Слушая этот разговор, я окончательно расслабляюсь. Да, все в порядке. Север вовсе не беспринципный злодей, желающий отовсюду извлекать выгоду. Мне просто стоит поменьше смотреть сериалы.

– Слушай, а давай-как я прямо сейчас Валере позвоню. – Родион тянется за телефоном. – Надо ковать железо, пока горячо. Дашь мне пару минут, ладно?

С этими словами он встает и выходит на улицу, так же как Север недавно. Я обиженно хмурюсь. А на меня даже не взглянул.

– Боишься меня?

Я заставляю себя поднять глаза.

– Нет, с чего ты взял?

– Когда я упомянул про эксклюзивные условия, ты выглядела так, словно готова сбежать. – Север криво усмехается. – Думала, речь о тебе?

– Я? Нет конечно... – Густо покраснев, я хватаюсь за бутылку минералки, но она, как назло, оказывается пустой.

– Если бы я захотел тебя трахнуть, то нашел бы другой способ. Точно не такой.

Сердечный ритм разносится по телу дребезжащей вибрацией. Север действительно это сказал? Озвучил факт гипотетической возможности заняться со мной сексом?

– Ты снова покраснела.

– Это потому, что ты говоришь вслух возмутительные вещи. – Неожиданно психанув, я заставляю себя не отводить взгляд. – Ты намеренно меня смущаешь. Ничего такого я не думала, ясно? Я уже имела возможность убедиться, что проблем с сексом у тебя нет.

Я выпаливаю это на одном дыхании, и сама же пугаюсь сказанного. Не переборщила ли? Все же Север старше меня почти на десять лет, и Родион заинтересован в контракте с ним. Стоит лучше держать себя в руках.

Однако, судя по улыбке, появившейся на его лице, Севера мои слова, кажется только веселят.

– Ты про ту проститутку? Приятно, что заметила.

– Я думала, она официантка. – Почему-то меня не отпускает желание ему дерзить.

– Она проститутка, работающая официанткой. Не велика разница. Шлюхи меня не интересуют.

– Но это не помешало тебе трогать ее задницу, – язвительно вставляю я.

– Ты такая дерзкая, когда твоего мальчика нет рядом. – Север иронично щурится. – Так зачем прятать характер? Думаешь, разлюбит?

– Ничего я не прячу... – Бормочу я, костеря себя за резкость и подыскивая способ сменить тему.

Впрочем, Север делает это сам.

– Принести тебе воды? – Он поднимается еще до того, как

Я успеваю кивнуть, и идет к холодильнику.

Я нервно кошусь на входную дверь. Чего Родион так возится? Неужели нельзя было созвониться с поставщиками завтра?

– Газированную, так ведь?

Я поворачиваюсь, чтобы ответить «Да», и в то же мгновение по позвоночному столбу проносится горячее покалывание. Под полотенцем, прикрывающим бедра Севера, угадываются очертания эрекции.

– Так что? – Он невозмутимо приподнимает брови, словно ничего необычного не произошло.

– Все равно, – сиплю я, уставившись перед собой. Без преувеличения, последние полчаса – самые странные и неудобные в моей жизни.

– Газированная, – звучит надо мной голос Севера, а в нос проникает запах его парфюма, смешанный с ароматом хвои. – Извини, малая. Ничего не могу с этим поделать. Такая реакция на пар.

13

Неделю спустя

– Опаздываете. – Это первое, что говорит отец Родиона, когда мы заходим к ним в дом. – Леона! Выходи. Дети пришли!

Именно из-за последней фразы я не могу относиться к

Максиму Аркадьевичу плохо, даже несмотря на его специфическую манеру общения и жесткость в отношении близких. Потому что он относится ко мне, как к своей. И еще, потому что заботится обо всех членах своей семьи как умеет. Этим он напоминает мне папу. Каждое его, даже самое спорное на первый взгляд действие, было продиктовано заботой обо мне.

– Здравствуйте, дорогие. – Леона Андреевна, как и всегда безупречная, раскрывает объятия, в которые мы с Родионом по очереди заступаем. От нее пахнет ирисами – легко, почти неуловимо, чтобы это было уместно для домашнего застолья. Этот аромат любила моя мама, и сейчас я в очередной раз испытываю приступ ностальгии. Они с Леоной чем-то похожи, вот только мать Родиона – преданная спутница и настоящая хранительница очага, а моя, к сожалению, не такая.

– Красивые серьги, Линда, – с улыбкой отмечает она.

– Спасибо. Это Родион подарил. – Я невольно отвожу глаза. Никак не освоюсь в роли дорогой иждивенки.

– Отменный вкус он унаследовал от меня.

– А лучше бы унаследовал мое умение зарабатывать деньги, – небрежно вставляет Максим Аркадьевич. – Давайте уже за стол сядем. Есть охота.

Все, включая меня, делают вид, что ничего обидного сказано не было, и молча рассаживаются. Каждую субботу Винокуровы устраивают семейный ужин, и всякий раз стол ломится от блюд, половина из которых остаются нетронутыми.

Съесть такое количество еды четверым попросту не под силам. Складывается ощущение, что домработница продолжает готовить и для покойного Глеба.

– Как твоя учеба? – спрашивает Леона, наливая мужу вина. – Скоро сессия?

– Да. Через две недели начнется, поэтому...

– Линда по полночи не спит из-за одной ненормальной преподши, которая ее не влюбила, – встревает Родион. – Вообще, для работы с людьми нужно проводить психологическое тестирование на адекватность.

Меня неожиданно берет бешенство. И все же Север прав. Родион часто не дает мне закончить фразу. Будто его собственные высказывания гораздо важнее моих.

– Перестань отвечать за меня, – шиплю я, ущипнув его за колено.

– В смысле? – Он смотрит на меня с удивлением. – Ты разве не все сказала?

– Нет, не все. Мне тоже есть что о себе рассказать, представляешь?

– Ладно, ладно. А ты чего такая злая-то? – продолжает он недоумевать. – Ничего ведь страшного не случилось.

– Случилось то, что ты регулярно меня затыкаешь и тем самым прилюдно обесцениваешь. – Я стараюсь говорить тихо, но судя по взглядам, устремленным на нас, родителям Родиона слышно все до единого слова.

– Регулярно тебя затыкаю? Ты меня с кем-то путаешь.

– Так, оба замолчали! – рывкает Максим Аркадьевич. – Хватит по ерунде собачиться. Домой к себе вернетесь и спокойно все обсудите.

Я прикусываю язык. Конечно, он прав. Некрасиво ругаться у них в гостях. Видимо, стресс перед экзаменами сказывается. Нервы натянуты как струны у гитары. Чуть тронь – зазвенят.

– А знаете кого я видела недавно? – с преувеличенным воодушевлением щебечет Леона, явно желая побыстрее сменить тему. – Твою маму, Линда. Я приехала на массаж, а она выходила от косметолога. Не знала, что она в городе.

– Ясно, – бормочу я, не найдясь с более вразумительным ответом.

– А вы с ней не виделись, да? Я думала, ты в курсе, что Инна приехала. – Она виновато улыбается, выглядя растерянной.

– Хватит лезть не в свое дело, Леона. – Максим Аркадьевич плещет воду в бокал, разливая ее по скатерти. – Лучше со стола попроси убрать.

Сейчас я ему даже благодарна за резкость. Тема моего не общения с матерью слишком болезненна.

Когда вскрылся факт ее измены и было принято решение о разводе, папа поставил вопрос ребром: дочь должна выбрать кого-то одного. Другого варианта нет. Я знала, что он не шутит. Для отца не существует полумер: ты ли с ним, либо против него. Решение далось мне не просто – даже несмот-

ря на то, что наши с ним отношения были несравнимо ближе, чем с мамой. В конечном итоге, я, конечно, выбрала его. Просто, потому что не могла позволить, чтобы его одновременно предали два самых близких человека.

– Кстати, пап. – Голос Родиона звенит торжеством. – Баталова я под себя подписал. Все поставки теперь наши. Только что подтверждение от него получил. – Он крутит в воздухе телефоном.

– Кто такой Баталов?

Я смотрю на него с любопытством. Я тоже впервые слышу эту фамилию.

– Так Север же. У которого база, – с победной улыбкой поясняет Родион. – Мы с ним теперь вроде как дружим. Завтра вместе наш новый квадроцикл обкатывать едем. Чего так смотришь, малышка? – Он весело мне подмигивает. – Ты тоже с нами едешь.

14

– Ты как будто съезжать от меня собралась, – шутит Родион, когда я вручаю ему две большие спортивные сумки. – Что там?

– Запасной комплект одежды, на случай если попадем под дождь, ноутбук, пижама, сланцы, косметика, два купальника, – перечисляю я. – Мы же два дня там пробудем.

– А кажется, будто минимум месяц. Ладно, поехали. –

Он захлопывает багажник. – Макар нас на выезде из города ждет.

– Он тоже едет с нами? – Я гримасничаю, не в силах скрыть своего недовольства. – Не мог заранее предупредить?

Родион хмурится.

– Ты чего такая раздражительная в последнее время? Даже если бы предупредил – что изменилось? Ты бы дома осталась?

– Возможно, – буркаю я. – Я планировала расслабиться на природе, а не слушать его пошлые шутки.

– Ты слишком предвзято ко всем относишься. – С этими словами Родион садится в машину.

Меня захлестывает возмущение. Это я-то предвзято отношусь к людям? С чего он взял?

– Не знаю, для чего ты это сказал, но прозвучало обидно, – цежу я, громко хлопнув пассажирской дверью. – Не помню, чтобы кого-то осуждала или критиковала.

– Ты не осуждаешь и не критикуешь, но и близко никого не подпускаешь. – Судя по тому, что Родион не смотрит в мою сторону, он тоже злится. – Мои друзья тебе не нравятся, а своих у тебя нет.

Меня словно отхлестали по щекам – так больно ранит его замечание.

– У меня есть друзья. Это ты и Полина. Дружить со всеми подряд я не умею.

– Я об этом и говорю. Что ты слишком избирательна и

езде видишь подвох. Твои одноклассники тебе не нравятся, Макара ты терпеть не можешь, Севера тоже.

– Да с чего ты взял, что все они мне не нравятся? – выкрикиваю я, заводясь. – И причем тут вообще Север? Я его толком не знаю.

– Ты всех подозреваешь в чем-то. Когда с Севером в бане сидели, тоже вела себя так, словно делаешь своих присутствием одолжение. Хотя прекрасно знала, что я хочу вести с ним бизнес.

Не был бы Родион за рулем, я бы могла расцарапать ему лицо – настолько приводит в бешенство его беспочвенные обвинения. Да, я не такая как он. Не могу запросто подсесть к кому-то и завести разговор, так же как не могу весело трепаться с полуголым малознакомым мужчиной. Меня по-другому воспитывали. И что теперь? Предать меня за это анафеме?

Минут десять мы едем в полной тишине, после чего Родион примирительно трогает меня за колено.

– Ладно, не злись, малышка. Мы в последнее время оба на взводе. Я – из-за работы, ты – из-за экзаменов. Давай не будем ругаться и постараемся хорошо провести время?

Не разжимая губ, я мычу «угу». Злость утихла, но обида осталась. Я-то полагала, что умение вести себя сдержанно в компании посторонних мужчин – это скорее достоинство, нежели недостаток. Но Родион, по-видимому, считает по-другому.

– Привет. – Выйдя из машины, Родион пожимает Макару руку.

– Нехеровое такое место. – Оглянувшись, тот восхищенно присвистывает. – Как я раньше о нем не слышал?

– Север особо не рекламируется. Это база, так сказать, для своих.

– Приветик, Макар! – Повесив на плечо сумку, я расплываюсь в широкой фальшивой улыбке. – Как же здорово, что ты приехал. Давно хотелось зависнуть с тобой на природе.

По лицам парней видно, что такой наплыв доброжелательности стал для них неожиданностью. Обычно я лишь скромно киваю и отхожу в сторону, чтобы не мешать их беседе.

– Ой, смотри, малыш! А Макар тоже большую спортивную сумку взял. Надеюсь, захватил плавки? Здесь есть большой бассейн. Будем играть в водное поло.

– Линду не узнать. – Макар немного растерянно смотрит на друга. – Что это с ней?

Я подхватываю его под руку до того, как Родион успевает ответить.

– Просто по тебе соскучилась. Мы часто видимся, но мало говорим. Вот, решила наверстать упущенное. О-о-о, смотрите, кто приехал!

Переливаясь в лучах солнца, на парковку заезжает вне-

дорожник Севера. Верная сценарию мести, придуманному дорогой, я моментально выпускаю руку Макара и на глазах ошеломленного Родиона спешу встречать хозяина базы.

– Привет! – Я касаюсь губами щеки Севера. Кожу обжигает жесткость щетины, рецепторы – выраженный мужской запах. – Как дела?

В его глазах мелькает легкое удивление, смешанное с веселостью. Если бы мы были одни, он бы наверняка выдал что-то вроде: «Вот даешь, малая».

На адреналине я не испытываю привычных дискомфорта и смущения. Сейчас я ведома желанием ткнуть Родиона в то, как сильно он ошибался насчет меня.

– Дела отлично. – Север продолжает удерживать наш зрительный контакт, даже несмотря на то, что рядом стоят еще два человека, желающие его поприветствовать. – У тебя, вижу, тоже.

– Да, настроение супер. У меня большие планы на эти выходные, – кокетливо тараторю я. – Кататься на квадроциклах, гулять, плавать, играть в бильярд и ходить в баню. Короче, брать все, что ты можешь предложить.

Рот Севера кривится в озорной усмешке, придающей ему необъяснимое обаяние. Я чувствую, что перегибаю палку, но давать заднюю уже не в силах. Я слишком глубоко вошла в образ разбитной девчонки, призванный взбесить Родиона.

– Салют. – Родион с Макаром по очереди жмут ему руку. После моего представления оба выглядят притихшими.

– Квадроцикл стоит в ангаре. – Север кивает в сторону. – Как будете готовы – подходите.

Дома, арендованные Макаром и Родионом, находятся по соседству. Условившись встретиться через полчаса, каждый уходит к себе. Едва входная дверь захлопывается, Родиона прорывает:

– Что это было, Линда?!

– А что не так? – с притворным непониманием осведомляюсь я. – Ты выразил недовольство тем, что я недостаточно дружелюбна к твоим знакомым. Я решила это исправить. Наслаждайся.

– Ты вела себя как... проститутка. – выплевывает Родион, багровея. – Особенно с Севером.

– Мне так не показалось. Я просто поцеловала его в щеку и была милой.

Напевая себе под нос, я начинаю распаковывать вещи. Он еще догадывается, что это лишь часть моего представления и самое интересное ждет впереди. Папа как-то сказал, что мы, Олябьевы, не умеем прощать обид, пока за них не отомстим. И был абсолютно прав. А сегодня Родион не на шутку меня обидел.

15

– Ну скажи, классный агрегат? – Сняв с головы защитный шлем, Родион улыбается во весь рот. – На любую гору запро-

сто заберется и разгон приличный.

Глядя на него, я тоже улыбаюсь. Сейчас он выглядит так, словно ему семнадцать. Глаза горят, щеки покраснелись. Родион обожает экстрим.

– Хороший, да. – Кивнув, Север стягивает балаклаву и кидает ее на заднее сиденье. – Возьму еще пару для особых поклонников. С таким каждый умеет управляться, а соскребать ошметки с деревьев не хочется. Этот себе оставлю.

– По рукам. – По голосу Родиона слышно, что он горд собой. – Ну что, идем в баню?

– Мы же вроде в бассейн сначала хотели? – Я дергаю его за рукав куртки, чтобы напомнить о себе. Я плохо переношу жару, а вот поплавать люблю.

– Иди одна, – прохладно откликается он. – Я и Макар настроились на баню.

Я стискиваю зубы. Просто прекрасно. Стоило мне успокоиться и решить не конфликтовать, Родион решил со мной поквитаться.

– Я за то, чтобы сначала поплавать. – Север бросает смеющийся взгляд на меня и подмигивает. Мол, малая, не дрейфь. Я на твоей стороне.

Лицо Родиона становится растерянным. Авторитет Севера в его глазах слишком весом, чтобы отказаться. К тому же, уйти в баню с Макаром означает оставить нас наедине.

Мне вдруг становится легко и весело. Обычно во время наших разногласий с Родионом я чувствую себя опустошен-

ной. Когда единственный близкий человек выступает против тебя – возникает ощущение небезопасности. Северу одной фразой удалось избавить меня от этого чувства.

– Ну... Ладно... – Родион озирается на притихшего Макара. – Давайте сначала в бассейн.

Весь путь до нашего домика меня гложет обида, смешанная с негодованием. Разве это по-мужски – притащить меня сюда, а потом, скооперировавшись с другом, заставить чувствовать отщепенцем? Я не вожу машину и, следовательно, не могу уехать, о чем Родиону прекрасно известно. Мою просьбу пойти в бассейн он проигнорировал, а за Севером рванул по первому свистку. Некрасиво.

– Захвати мои плавки, малышка! – выкрикивает он, хлопнув дверью туалета.

Моя первая реакция – разразиться обвинительной речью и предложить самому искать свои плавки. Сначала заявил, что своей необщительностью я порчу ему бизнес, потом, когда я попыталась быть общительной, обозвал проституткой, а теперь, как ни в чем не бывало, снова зовет малышкой.

Бросив в сумку его плавательные шорты, я зло задергиваю молнию. Был бы поблизости общественный транспорт – уехала бы, не раздумывая.

– Идем? – Приобняв, Родион подталкивает меня к двери. То, что он делает вид, что ничего не произошло, злит еще сильнее. Всем было очевидно, что он хотел уколоть меня, но дал заднюю после слов Севера. Это ведь так... по-детски.

– О, брат, роскошный у тебя комплекс! – Макар, зашедший в бассейн следом за нами, выразительно оглядывается. – И как я раньше здесь не был?

– Потому что не всех сюда пускают, – парирует Север, не отрывая взгляда от телефона. – И я тебе не брат.

От такого замечания лицо Макара покрывается красными пятнами. Родион нервно смеется в попытке свести слова Севера в шутку. Я же чувствую садистское удовлетворение. Наконец-то, кто-то поставил этого хамоватого олуха на место.

Бросив сумку на шезлонг, берусь за пояс халата. На короткое мгновение вновь сомневаюсь в том, что собираюсь сделать, но потом решительно встряхиваю плечами, освобождаясь от тяжелой ткани, Этот купальник я не планировала надевать из-за его излишней откровенности, взяв на всякий случай, но соблазн позлить Родиона оказался слишком велик. Узкие шторы на тонких завязках прикрывают лишь треть груди, плавки-бразильяна скорее подчеркивают, чем прячут. Я понятия не имею, что в свое время вынудило меня заказать этот купальник в интернет-магазине – подобная обнаженка совершенно не в моем стиле. Видимо, он ждал своего часа и тот настал.

Первая реакция на собственную наготу – смущение, которое я собираюсь перебороть. Слова Родиона о том, что я зажатая и на всех смотрю с подозрением, – хороший стимул. Почему не рискнуть хотя бы раз и не выйти за привычные границы?

– А пиво есть? – спрашиваю я, повысив голос.

Требуются невероятные усилия, чтобы продолжать стоять с гордо вскинутой головой, а не сжаться под устремленными на меня взглядами. От волнения становится жарко.

– У тебя новый купальник? – доносится до меня бормотание Родиона. – Я такого не видел.

Сальный взгляд Макара проходится по моему животу. Не в силах его выносить, я отворачиваюсь. Кто вообще с ним добровольно спит? Он же просто омерзительный.

– Тебе какое? – Север поднимается с шезлонга. Его нижняя губа закушена, как если бы он прятал улыбку.

Щеки вспыхивают сильнее – привычная реакция на полуобнаженного мужчину с подобным телом.

– Что-нибудь легкое, – отвечаю я, прочистив горло.

– В бассейне не надо пить. – Родион смотрит на меня рассерженно. Обычно я совсем не пью.

– Не утонет, – доносится насмешливый голос Севера. – Глубина здесь метр шестьдесят. А рост Линды около метра семидесяти.

Я сглатываю. Этот попадающее в цель замечание прозвучало неоднозначно. Можно подумать, что он внимательно меня разглядывал.

– Ты весь день ведешь себя странно, – Воспользовавшись тем, что никто не смотрит, Родион одергивает верх моего купальника.

– А ты – нет? – говорю я холодно, возвращая «шторку» на

место. – Все для тебя и твоего бизнеса. Наслаждайся.

Забрав волосы в хвост, я иду навстречу Северу, приближающегося с бутылкой пива. Сердце волнительно ухает. Так смело я себя не вела ни разу.

– Держи. – В его глазах скачут огоньки веселья. Кажется, он понимает суть происходящего даже лучше меня.

Наши пальцы на секунду соприкасаются. Смущение за-тапливает меня, но я предпочитаю замаскировать его смешком.

– Ух. Такое холодное. – Глядя ему в глаза, я улыбаюсь, копируя киношных роковых красоток. – Почти как твое имя.

Эти слова – чистая импровизация, за которую моментально хочется себя отхлестать. Более идиотского сравнения сложно придумать. Если Север начнет хохотать в голос – его сложно будет обвинить.

Однако его лицо остается предельно серьезным, а взгляд лишь на короткую секунду касается моего развратного декольте.

– Наслаждайся, малая. Холод сегодня точно не будет лишним.

16

– А один раз Глеб на сутки пропал. Мама в слезы... Давайте, мол, в полицию звонить. – Отхлебнув пива, Родион смеется. – А ночью его друзья под руки привели. Он, оказы-

вается, пьяным перевернул тачку и менту съездил по лицу, за что его загребли. Но выпустили быстро, когда узнали, чей это сын.

– Да, Глеб вообще угарный был, – подхватывает Макар. – Он и в клубах часто драки устраивал.

Опустив пустую бутылку под стол, я раздумываю, стоит ли открывать вторую. Решаю, что не стоит. Голова и без того ватная, а тело ленивое. И мысли странные. Я бы даже сказала, крамольные. Если раньше фигура Глеба была для меня неприкосновенна в силу его смерти, то сейчас я думаю о том, что не таким уж и хорошим человеком он был. Дурным и взбалмошным. Ну а кто еще сядет за руль нетрезвым в расчете на то, что влиятельный родственник отмажет? Непонятно, почему Максим Аркадьевич регулярно шпыняет Родиона за то, что он не похож на Глеба. Не похож – и прекрасно. Родион, по крайней мере, ответственно относится к чужой безопасности и статусом своего отца не злоупотребляет.

Меня снова накрывает волной тепла, что я, позабыв о своем намерении и дальше флиртовать с Севером и Макаром, тянусь его погладить.

– Ты чего это? – обиженно буркает он, взглянув на мою руку.

– Решила, что нам пора перестать ругаться.

Родион пытается выглядеть строгим, но почти сразу сдается, и обняв меня, несколько раз целует в губы.

– Я успел по тебе соскучиться, малышка моя. Ты такая

секси в этом купальнике. Жутко тебя хочу.

– Кто-то выпил слишком много пива, – смеюсь я, польщенная неожиданным комплиментом.

– Не говори. Надо поплавать, что ли, чтобы взбодриться. Развернувшись, он с размаху кидает в Макара полотенце, что еще раз подтверждает его нетрезвость.

– Эй! Идем играть в водное поло?

Макар нехотя встает с шезлонга. Не похоже, чтобы он горел желанием лезть в воду, но остаться наедине с Севером, которого побаивается, тоже не готов.

– А ты почему не пошла? – Север, до этого момента сосредоточенно печатавший что-то в телефоне, поднимает голову.

– Потому что я недавно вышла из воды. – Я указываю на свои мокрые волосы.

– Да? Я пропустил. Был занят телефоном.

– Ай-яй-яй. А я так красиво плавала в надежде, что ты оценишь, – ляпаю я и тут же прикусываю язык. Чертово пиво. К чему этот показной флирт, если Родиона все равно нет рядом?

– Извини. – Север мне подмигивает. – Больше ни за что не пропущу.

Смутившись, я перевожу взгляд на Родиона. Смеясь и отплевываясь, он выныривает из воды с мячом в руке, оставаясь в полном неведении того, как неподобающе ведет себя его девушка.

– Не хочешь к ним присоединиться?

Север делает отрицательный кивок.

– Не мой вид спорта. Оставлю для тех, кто помоложе.

Мне сразу хочется возразить: мол, что за глупости, ты в прекрасной форме. Но я вовремя сдерживаюсь. Я и так много лишнего наговорила. Если начну отвешивать комплименты его фигуре, Север может подумать, что я его клею.

– Давно, кстати, встречаетесь?

Его вопрос кажется безобидным, поэтому я начинаю улыбаться.

– Три года.

– Приличный срок. Твой отец примерно столько же сидит, если я правильно запомнил.

– Да. Так совпало.

– Удачно совпало, если учесть, что в день нашего знакомства тебе некуда было пойти.

В любой другой раз я бы смутилась и закрылась в себе, но сейчас отчего-то испытываю потребность ответить. То ли это заслуга выпитого пива, то ли Севера, с которым мне, по какой-то причине, нравится с ним говорить. Возможно, потому что он видит меня глубже, чем другие.

– Я с Родионом не потому, что мне удобно. Я его по-настоящему люблю. Возможно, у тебя сложилось другое впечатление, потому что пару раз мы ругались...

– Тс-с-с, малая. – Север предупредительно поднимает руку. – Не нужно оправдываться. Я всего лишь сказал, что с

учетом обстоятельств для тебя все сложилось удачно. Без всяких намеков.

– Извини. – Я тянусь к новой бутылке пива. – Порой я действительно бываю мнительной. Меня так папа учил. Никому не доверять.

Север усмехается.

– Даже не подумаю с ним спорить.

Заметив, что я безуспешно вожусь с бутылкой в попытке ее открыть, он забирает ее и откупоривает одним ловким движением.

– А где твоя мать? Умерла?

– Нет. Она живая, и с ней по слухам все в порядке. – Я делаю глоток. Не люблю пиво, но сегодня его вкус кажется мне божественным. – Просто мы не общаемся.

– Ясно.

– А к чему этот допрос? – Я улыбаюсь, давая понять, что шучу.

– Мне не дает покоя наша встреча. Как я уже говорил, ты не похожа на ту, кто с легкостью решается на аборт. Понимаю, что у тебя не было других вариантов, и вот это удивляет больше всего. Сколько тебе?

– Двадцать один.

– Я в твоём возрасте уже три привода имел. – Север смеется, демонстрируя хорошие крепкие зубы. – Совмещать работу с учебой не пробовала?

– Я... – Запнувшись, я смотрю себе под ноги. Вопрос для

меня непростой и щепетильный. – Нет. Мы решили, что мне нужно закончить учебу, не отвлекаясь на заработки.

– Мы – это ты и Родион?

– Я, Родион и его отец. И папа тоже был против того, чтобы я искала подработку.

– Напомню, что твой отец сидит в тюрьме, а ты от беспомощности едва не дала себя искромсать какой-то толстой бабе.

– Не понимаю, к чему ты это...

– К тому, что когда обстоятельства загоняют в угол, не хрен полагаться на кого-то кроме себя. – Залпом опорожнив бутылку, Север с грохотом ставит ее на стол. – Подумай об этом.

– А о чем здесь думать? – Несмотря на болезненность темы, я не желаю сдаваться. – На что я могу рассчитывать, будучи занятой учебой большую часть дня? Быть официанткой? Встречаясь с сыном Винокурова? Ты же понимаешь, что...

– Понимаю. – Он кивает. – Работать официанткой, живя в такой семье, действительно не вариант.

– Я пробовала что-то подыскивать, – продолжаю я. – Но несколько часов удаленной работы оплачиваются так плохо, что нет смысла и пытаться. На эти деньги я смогу только колготки купить, а не снять жилье в случае чего.

– А отец ничего не оставил? – Север щурится.

– Ты видимо ничего не слышал о его деле, раз спрашива-

ешь такое, – говорю я с горечью. – На него повесили столько статей о финансовых махинациях, что ему до конца жизни придется расплачиваться. У нас забрали все, включая мою машину.

– Понял. – Телефон Севера звонит, поэтому он поднимается. – Если решишь пробовать встать на ноги – набери мне в понедельник. Подумаю, что смогу тебе предложить.

Я смотрю на него во все глаза. Он, что, только что намекает на возможность работать у себя?

– Да, Баян. На базе с гостями. Что-то срочное?

Мое удивление настолько велико, что я забываю о манерах и бесцеремонно встречаю в беседу.

– Подожди... У меня нет твоего номера.

– Секунду. – Продемонстрировав собеседнику указательный палец, Север ослепительно мне улыбается. – Это твое огромное упущение, малая. Давай записывай.

17

– Север предложил мне работу, – признаюсь я, промакивая уголком полотенца пот, катящийся по лицу. В знак нашего примирения я позволила затащить себя в ненавистную баню.

Не донеся до рта бутылку с водой, Родион смотрит на меня с непониманием.

– В каком смысле – предложил работу? Когда? Вы с ним

без меня виделись?

От смехотворности такого предложения я начинаю смеяться. Он, что, ревнует меня к Северу? Это же уму непостижимо. Он меня намного старше и он... другой. Зачем ему я? Да и он мне не нужен, ведь есть Родион.

– Предложил пока вы в бассейне с Макаром были. Ну как предложил. Сказал, что если я решу совмещать работу с учебой, он постарается помочь.

– Мы же вроде решили, что тебе не нужно отвлекаться от учебы. А как вообще об этом зашла речь? – Отставив бутылку в сторону, Родион разворачивается ко мне всем телом. – Ты жаловалась, что тебе денег не хватает?

Столь бурная реакция от него на столь безобидную информацию становится для меня сюрпризом. Я еще ничего не решила, а просто озвучила поступившее предложение. Вернее, захотела его обсудить. Ведь если хорошенько подумать – Север прав. Я полностью завишу от Винокуровых и в случае разлада с ними остаюсь совершенно незащищенной.

– Конечно я не жаловалась. Тех денег, что ты даешь хватает на все... Просто это твои деньги... – Потупившись, я трогаю родинку под коленом. В свое время семья Родиона достаточно категорично восприняла мою тягу к независимости и заводить об этом речь во второй раз требует усилий.

– И что – мои? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. То, что твое автоматически является твоим.

– Это все хорошо на словах... – От волнения я начинаю

кусать губу. – Но на деле я ни на что не имею право. И у меня была возможность убедиться, как это ужасно – полностью зависеть от других. В тот день, когда ты сказал, что тебе не нужен ребенок, я осталась совершенно одна...

– Малышка... – Родион болезненно морщится. – Тот случай был недоразумением, которое мы к счастью прояснили. Ты можешь полностью на меня положиться. Не нужна тебе никакая работа. Учись себе спокойно. Получишь диплом, станешь работать стилистом и директором по костюмам... Зачем тебе нужны эти копейки?

Поняв, что спорить с ним сейчас – лишь спровоцировать очередной конфликт, я тянусь к ковшику с водой, чтобы плеснуть на камни. Обсудим это в другой день, может быть, даже завтра. По-хорошему пора идти спать. Пьяный Макар уже минут сорок как ушел, Северу тоже исчез, после того, как ему позвонил охранник.

– Я тебя ревную к нему, – неожиданно признается Родион. – К Северу.

Я снова захожусь смехом.

– С ума сошел? С чего это вообще?

– Наверное, потому что он круче и сильнее, чем я.

Мое сердце тепло екает. Это одна из тех самых черт, за которые я так люблю его и ценю. За искренность и уязвимость. Родиону ничего не стоит признать, что кто-то лучше, умнее, талантливее, чем он. Он делает легко и спокойно.

Улыбнувшись, я ласково глажу его щеки.

– Зачем себя с ним сравнивать. Север старше и опытнее. Это во-первых. А во-вторых, я люблю только тебя.

– Еще раз скажи. – Родион закрывает глаза.

– Я люблю только тебя, – повторяю я, целуя его в губы.

Промычав нечленораздельное, он кладет ладони мне на поясницу и тянет к себе.

– Эй! – шутливо возмущаюсь я, когда он пытается стянуть с меня плавки. – Полегче с руками, молодой человек. Мы вообще-то в общественном месте находимся.

– Да какое, на фиг, общественное место? – шепчет Родион, покусывая мою ключицу. – Макар дрыхнет, Север ушел. А я тебя ужасно хочу.

Нахмурившись, я кошусь на дверь. Заниматься сексом я предпочитаю в безопасных условиях и предпочтительно в кровати.

– Я здесь не могу... Жарко.

– Тебе ничего не придется делать. Я просто тебе отлижу... – С этими словами Родион спускается с полога и встает передо мной на колени.

– Может не надо? – лепечу я, когда его голова проталкивается между моих ног.

– Вернешь должок, когда будем спать ложиться, – шутит он.

Зажмурившись, я упираюсь ладонью в раскаленную бревчатую стену. Возбуждение захлестнуло и меня. Мы еще ни разу не делали этого так. В чужой бане.

– Ты такая вкусная...

Оттянув лиф купальника, я ласкаю соски. Кровь горячо бурлит в венах. Запретная локация и высокая температура подстегивают мое либидо. Обычно, чтобы получить оргазм, мне необходимо что-то представлять, но сейчас, пожалуй, можно обойтись и без этого.

Странный звук вклинивается в чувственную симфонию моих ощущений. Мне требуется усилие, чтобы открыть глаза – настолько не хочется ее прерывать.

Увиденное повергает меня в шок. В распахнутых дверях стоит Север. Полностью одетый в отличие от меня. Его взгляд касается моей обнаженной груди, спускается ниже и возвращается к глазам. Он беззвучно выговаривает какое-то слово, после чего молча выходит.

18

– Да тебе это сто процентов показалось, – заявляет Родион, зевнув. – Ну скрипнула дверь и скрипнула. Это просто ветер. Иди лучше ко мне.

– Я в душ хочу. – Мотнув головой, я выскальзываю из кровати. Признаться, что Север застал нас в самый интимный момент, я почему-то не смогла, и сказала лишь половину правды: мол, почудилось чужое присутствие.

Лицо Родиона недовольно вытягивается.

– А как же утренний секс?

Пробормотав «потом», я скрываюсь за дверями ванной комнаты. Заниматься сексом я абсолютно не готова. Со вчерашнего вечера меня преследует картина того, как в парную заходит Север и смотрит на меня голую, цедя что-то сквозь зубы. Самый позорный момент за всю мою жизнь. Родион первый и единственный мужчина, видевший меня без одежды, и я была уверена, что так и останется. А Север застал нас в момент занятия сексом. Лицезрел меня ласкающей грудью, с раздвинутыми ногами.

– Слушай, а может домой поедем? – жалобно пишу я, выглянув из-за двери.

Родион, успевший натянуть футболку, смотрит на меня вопросительно.

– Зачем? Погода же супер. Сейчас возьмем велосипеды и доедем до реки. Ты же вроде сама хотела?

Не найдясь, что возразить, я снова скрываюсь в ванной. Надеюсь, у Севера найдутся неотложные дела и сегодня мы не увидимся. Мысль о работе на него я успела отместить. Это точно плохая идея.

Переодевшись в футболку и шорты, я выхожу на крыльцо. Родион, разгуливающий с телефоном чуть поодаль, заметив меня, поднимает руку в пригласительном жесте.

– Малышка, пошли к Макару зайдем! Он от похмелья мучается, и собирается как черепаха.

Лицезреть пьяного Макара у меня ни малейшего желания, поэтому Родион уходит один. Глубоко вздохнув, я за-

прокидываю голову. Погода сегодня и впрямь исключительная. Небо чистейшее и ветра нет. Было бы обидно торчать в пыльной городской пробке.

Я всегда мечтала жить в своем доме, подальше от суеты. Именно время проведенное на родительской даче, запомнилось мне как самое теплое и уютное. Зимой мы с папой наряжали во дворе елку и затапливали камин. В новогодний вечер приезжали его друзья и сразу становилось весело и шумно: говорили громкие и длинные тосты, много шутили, запускали салюты. Папу все любили и уважали, а потому на подарки не скупилась. Планшеты, смартфоны, ноутбуки, умные часы, найденные под елкой – все это было в порядке вещей. Но любила я то время не за подарки, разумеется, а за ощущение теплого домашнего счастья.

Жалобное мяуканье выдергивает меня из воспоминаний, заставляя оглядеться. Рядом никого нет, однако спустя несколько секунд мяуканье повторяется. Его источник обнаруживается среди веток толстого клена, растущего вдоль ограды. Маленький черненький комочек с перепуганными глазами.

– Эй! – окликаю я мягко и ласково, чтобы его не спугнуть. – Кис-кис-кси. Иди ко мне.

Я демонстрирую котенку раскрытые ладони, чтобы не быть заподозренной в злом умысле. Малыш забрался высоко и теперь не знает, как спуститься.

Котенок тянет лапку вниз, неуверенно хватая ей воздух,

и, не решившись, возвращает обратно.

– Бедный. – Я оглядываюсь, прикидывая, как могу ему помочь, после чего иду в дом за стулом.

– Вот так.... – Вкопав ножки в землю, я тяну ладонь вверх. – Давай-ка сюда, трусишка.

Котенок настороженно сглазет на меня, склонив голову.

– Долго я так не простою, – предупреждаю я. – Даю десять секунд на раздумья.

– Не ожидал увидеть акробатических номеров так рано. – Знакомый, слегка насмешливый голос едва не заставляет меня слететь со стула.

– Господи... – Вцепившись дерево обеими руками, я прикрываю глаза. Сердце напряженно барабанит. – Север... Ты меня напугал.

– Тогда мы квиты. – Задрав голову, он оценивающе смотрит на меня, отчего я моментально краснею. – Не хотелось бы, чтобы кто-то из моих гостей свернул себе шею. Что ты делаешь?

– спасаю котенка, – говорю я, ощущая напряженную дрожь в ногах.

– Кошек здесь быть не должно. Слезай. – Эту фразу он говорит требовательно. – Охранник им займется.

Вытянув руку, я предпринимаю последнюю попытку подзвать к себе котенка, но упрямец как сидел на месте так и сидит.

– Ладно... – бормочу я себе под нос. – Это действительно

была плохая идея.

При попытке опустить ногу, бедра упираются в ладони Севера.

– Давай осторожнее. – Тепло его дыхания касается моей поясницы, а затем – волос. В нос затекает его запах, распространяя по телу вибрацию.

– Я сама. – От волнения я чересчур резко дергаю плечами. Я планировала не встречаться, а в итоге практически стою в его объятиях. – Большое спасибо.

– Что, и даже не глаз не поднимешь?

Неимоверным усилием я заставляю себя посмотреть на Севера. Судя по непринужденной улыбке, он в отличие от меня не испытывает даже толики смущения из-за вчерашнего инцидента.

– Спасибо, – повторяю я немного тверже.

– Все в порядке.

– Это вопрос?

– Это утверждение. Нет причин меня смущаться. – Его взгляд спускается к моей груди и возвращается к глазам. – Мне все понравилось.

Низкие доверительные ноты в его голосе производят на меня странный эффект. Низ живота окатывает горячим, едва остывшие щеки снова вспыхивают.

– Мне нужно идти к Родиону, – бормочу я, отшатываясь. – Стул тут пусть останется, ладно? Чтобы охраннику было проще спустить котенка.

– Ну как? Сильно топила? – Десяток взволнованных взглядов устремляются на Игошину, выходящую из аудитории рядом со мной.

– Измучила... – преувеличенно тяжело вздыхает та. – До сих пор руки трясутся.

– Бедняжка...

– Зато все позади.

– Ой, и правда трясутся. Много дополнительных вопросов задавала?

Оставив Инну жаловаться на коварство преподавательницы, я продираюсь сквозь толпу. До моих трясущихся рук здесь нет никому дела. Неудивительно с учетом того, что я ни с кем не общаюсь. И если обычно мне было в этом комфортно, то сейчас начинает хотеться, чтобы хоть кто-то неравнодушный спросил: «Линда, а ты как сдала?»

Экзамен стал для меня самым настоящим испытанием. Ушла я с оценкой «хорошо», хотя основную часть задания выложила без запинки и не ответила лишь на один из пяти дополнительных вопросов.

Пара кругов, намотанные вокруг университета, немного приводят меня в чувство, и возмущение перестает так бурлить. Папа говорил, что во всем нужно искать плюсы и один несомненный плюс я нашла. Наконец закончилась сессия, и

я могу ненадолго быть свободной.

Родион не берет трубку, поэтому я звоню Полине. Слушая гудки, вдруг понимаю, что очень расстроюсь, если и она не ответит. Я только что закрыла сложную сессию и этим хочется поделиться с кем-то, кто может за меня порадоваться. Поделиться прямо сейчас.

Когда Полина все-таки отвечает, я испытываю облегчение. Даже смеяться начинаю.

– Ты чего это? – удивляется Полина.

– Просто рада тебя слышать, – заверяю я. – Еще я сессию закрыла наконец. Только что сдала последний экзамен.

– О! Тогда принимай поздравления! Справилась с той гримзой, которая тебя мучала?

Я вздыхаю.

– Справилась, увы, только на четверку.

– Вот же сучара! – искренне негодует Поля. – Не трахают ее, похоже.

Я захлебываюсь смехом. Всегда завидовала ее умению выражаться бойко и с перчинкой. Сама я так не умею – максимум поворчу в мыслях.

– Я тебя люблю, ты в курсе?

– В курсе конечно, – самодовольно фыркает она. – Ну и какие планы на каникулы?

– Даже не знаю. – Поймав свое отражение в стеклянной стене, я пожимаю плечами. – Родион пока весь в работе. Обрабатывает крупный заказ.

– Так если ты свободна, может ко мне прилетишь?

От неожиданности я перестаю вышагивать назад и вперед. Прилететь повидаться с Полиной? Звучит заманчиво. Особенно с учетом того, что мы не виделись больше года. Последний раз она прилетала на день рождения бабушки и у нас был катастрофически мало времени для общения.

– Ну чего ты? Давай решайся, – поторапливает Поля. – Съездим на ипподром, в бар ходим. Мама с папой по тебе соскучились. Ну и я разумеется.

– Я тоже соскучилась, – от прилива эмоций мой голос садится. Ох, как было бы здорово вновь оказаться с ними со всеми за одним столом! Пить чай с малиновым вареньем, которое всегда есть в запасе у тети Иды, смотреть старые фильмы и вспоминать казусы из нашего детства. Даже от одной этой мысли становится тепло.

– Я очень хочу приехать, – торопливо добавляю я. – Сегодня обговорю все с Родионом и напишу, хорошо?

– Конечно. Только, чур, никаких гостиниц. Ночевать будешь у нас. Ради такого, я даже готова поспать на диване.

Вызов я заканчиваю с широченной улыбкой на лице. И разочарование от заниженной оценка моментально забывается от мысли, что скоро смогу встретиться с Полиной. Идея поездки захватывает меня настолько, что я сразу звоню Родиону, но он снова не берет трубку. Поколебавшись немного, я вызываю такси. Что в конце концов может со мной случиться за какие-то десять минут езды?

Когда я захожу в нашу квартиру, то помимо кроссовок Родиона обнаруживаю еще одну пару дорогих ботинок. Теперь становится ясно, почему он не брал трубку. У нас в гостях его отец.

– А ты как добралась? – удивленно спрашивает Родион, когда я вхожу в гостиную. Судя по его расслабленному лицу, разговор с отцом проходит мирно.

– На такси. – Я улыбаюсь Максиму Аркадьевичу.

– Как экзамен? – спрашивает тот вместо приветствия.

Мое сердце преисполняется благодарностью. Приятно, что он помнит.

– Четверка, к сожалению.

– Это плохо, что ли? – переспрашивает он, не слишком впечатленный трагедией упущенного балла. – Ну если что, свободная неделя у тебя есть.

Помявшись, я решаю озвучить свои планы на каникулы. Какая разница сделать это сейчас или потом? Максим Аркадьевич все равно узнает.

– Подруга пригласила меня погостить. – Немного волнуясь, я сжимаю запястье Родиона. – Та, которая с родителями переехала. Я думала слетать дня на три-четыре.

– Плохая идея, – моментально отрезает его отец. – У Родиона работы выше крыши, а тебя одну никто не отпустит.

– Но... – Я невольно кручу головой по сторонам, ища поддержки стен и Родиона. – Это ведь моя близкая подруга... Жить я буду у нее, с ее родителями.

– Слетаете в другой раз вместе в Родионом, – звучит все так же безапелляционно. – К нам приезжай. Походите с Леоной по магазинам.

К глазам подкатывают слезы. Почему? Я не понимаю... Мне ведь уже двадцать один, и я сама способна принимать решения.

– Малышка, отец прав. Давай в другой раз. – Родион успокаивающе гладит мою руку. – А в эти каникулы придумаем что-нибудь другое.

Не в силах совладать с обидой и разочарованием, я вскакиваю с дивана и убегаю в спальню. Как же это унижительно – не принадлежать себе и быть зависимой от чужого слова. Если бы у меня были свои деньги, я бы не раздумывая...

Захлопнув дверь, я вжимаюсь лбом в стену. Все снова упирается в деньги, которых у меня нет.

«Когда обстоятельства загоняют в угол, не хрен полагаться на кого-то кроме себя», – неожиданно всплывают в голове слова Севера.

Меня словно током ударяет. Плевать, что он видел меня голой. Он предлагал свою помощь, а мне как раз нужна работа, способная приносить заработок.

Достав из кармана телефон, я лихорадочно листаю записную книжку в поисках его номера. Кровь бешено пульсирует в висках. Я наймусь на любую должность, которую он предложит. И ни Родион, ни его отец меня не остановят. Хватит. Я им не кукла.

– Я сегодня домой сама приеду, – торопливо бросаю я, перед тем как захлопнуть автомобильную дверь.

Боковое окно моментально опускается и оттуда на меня смотрит недоуменное лицо Родиона.

– В каком смысле сама? Ты же не любишь такси?

– В прошлый раз же приехала. – Я оглядываюсь на здание университета, желая поскорее уйти. – Привыкну постепенно. Хочу потом прогуляться немного.

– С кем?

– С чего столько вопросов? – огрызаюсь я. – Ты и твоя семья теперь за каждым моим шагом будете следить?

– Да нет конечно. – Он выглядит еще более растерянным. – Почему ты так реагируешь? Я спросил, так как ты ни с кем не общаешься. И вообще ведешь себя странно. Сначала собралась в библиотеку после окончания сессии, теперь отказываешься, чтобы я тебя встретил.

– Если бы я имела возможность полететь к Полине на каникулы, то в никакой библиотеке не стала бы торчать. Но благодаря решению твоего отца я этого лишена, поэтому буду проводить свои каникулы так, как могу!

Выкрикнув это, я разворачиваюсь и со всех ног бегу к переходу. Осознание глубины своей несвободы вызывает острый приступ удушья. Думаю, именно так ощущается клау-

строфобия. До вчерашнего дня я не понимала, что вся моя жизнь целиком зависит от Винокуровых. Они решают, работать мне или нет, решают, куда я могу поехать. И даже свой досуг мы проводим всегда на усмотрение Родиона. В этой семье я бесправная тень.

Ощупав щеки и убедившись, что они сухие, я сворачиваю к библиотеке. На крыльце топчется пара студентов – заочников. Дневное отделение ближайšie пару недель под страхом смертной казни не затащишь.

Да и для меня сегодняшний поход – просто повод уйти из дома. Я планирую провести за книгами не больше часа. После у меня назначена встреча с Севером.

«А я уже начал сомневаться, что ты позвонишь, малая, – сказал он, когда я трясась от волнения и слез ему позвонила. – Решила-таки стать самостоятельной?»

Мы условились встретиться в кафе неподалеку от университета и обсудить то, чем я могу заниматься. Вернее то, за что он сможет мне платить.

Высидев на жесткой библиотечной скамье от силы минут двадцать, я возвращаю книги Галине Викторовне и иду в кофейню. Дождусь Севера там. Думать об учебе все равно не получается.

Заказав малиновый раф, занимаю укромный столик в углу и на всякий случай накидываю на голову капюшон. Необходимость обманывать Родиона заставляет чувствовать себя неудобно, но другого выхода я пока не вижу. Очередное ка-

тегоричное «нет» меня сокрушит.

– Вот ты где, – звучит надо мной насмешливый голос. Вздрыгнув, я отрываю взгляд от телефона. По моим расчетам, Север должен был появиться не раньше, чем через полчаса. – Прячешься от кого-то?

– А... Нет, – смутившись, я стягиваю капюшон. – Привет. Ты рано.

– Ты тоже. – Уверенным движением он выдвигает стул и окликает официанта. – Есть что-нибудь мясное в меню? Стейк? Отлично. Несите.

– Голодный просто, – поясняет он, глядя на меня. – Что с глазами?

– А что с ними? – Я бросаю взгляд на экран телефона, жалея, что успела оглядеть себя в зеркале.

– Как будто плакала. Ладно, давай к делу. – Подавшись вперед, он собирает ладони в замок, заставляя меня невольно взглянуть на его татуировку. – Ты решила работать. Вопрос. Что умеешь делать?

Я издаю нервный смешок.

– Я боялась этого вопроса. Не уверена, что я хоть что-то умею.

– Ну с посудой, наверное, справляешься? – Лицо Севера пересекает кривая улыбка.

Оторопев, я смотрю на него во все глаза. Он говорит серьезно?

– Хватит так нервничать. Просто спросил. – Он отодвига-

ет меню. – У меня есть для тебя несколько вариантов. Надо решить, какой подойдет лучше.

Его энергия уверенности и спокойствия передается и мне. Под кожей ощутимо вибрирует ток бодрости, и перестает казаться, что жизнь сложна и несправедлива. Не знаю, чем я заслужила его расположение, но это безусловно большая удача.

– Я учусь на стилиста и хорошо владею дизайнерскими компьютерными программами.

– Уже лучше. Соцсети ведешь?

– Ты имеешь в виду, есть ли у меня страницы в социальных сетях? Да, есть.

– Ну вот и определились. – Север забирает опустившуюся перед ним чашку и пьет. – Будешь моим СММ-специалистом. Работа преимущественно удаленная. В офис нужно будет приезжать раз в неделю, если не потребуется чаще.

– А... – от неверия и радости, во рту немного пересыхает. Неужели я вот так просто получила работу? – Я никогда не вела... Имею в виду, за деньги.

– Научишься, – парирует он твердо и уверенно, словно не сомневается в результате. – Завтра приезжай ко мне в офис. Пообщаешься с маркетологом. Она тебе объяснит все лучше, чем я.

– Спасибо. – Опустив глаза, я осторожно приглаживаю скатерть. – Когда-нибудь я обязательно тебя отблагодарю за все, что ты для меня делаешь.

– Поаккуратнее с обещаниями, – Сощурившись, Север

смотрит на меня поверх чашки. – Ты и так моя должница. Не думай, что я забыл.

На радостях я даже забываю смутиться этой двусмысленной фразе и, слегка покраснев, прошу:

– У меня будет к тебе еще одна просьба.

Север слегка дергает подбородком. Мол, говори.

– Не мог бы ты до поры до времени не сообщать Родиону о том, что я на тебя работаю. Прости, что прошу об этом и понимаю, если ты не захочешь...

– Не надо ничего объяснять. От меня он ничего не узнает. Я с облегчением выдыхаю. Был страх, что Север не согласится быть впутанным в мои тайны.

– Но скажу по опыту скажу, – продолжает он. – Что там, где появляется один секрет – появится и следующий.

В ответ я скептически морщу нос, еще не догадываясь, что Север окажется прав.

21

После этого разговора грусть о несостоявшейся поездке к Полине канула в лету. Мной настолько овладела идея новой работы, что целые сутки я больше и думать ни о чем другом не могла. Вернувшись домой, подписалась на несколько крупных пабликов, чтобы проанализировать время и частоту выхода постов, купила курс по СММ-обучению и даже выбрала одежду, которую надену в офис к Северу. Родион, вер-

нувший домой вечером, попытался затянуть меня смотреть фильм, но я отказалась. Какой тут домашний кинопросмотр, когда на горизонте забрезжила перспективы стать свободной и взрослой?

А то, что у меня появился секрет, теперь по-хорошему будоражит, а не вгоняет в вину. Наверное оттого, что всю свою жизнь я была правильной и послушной. Сначала слепо следовала тому, что говорил папа, затем стала беспрекословно подчиняться Винокуровым. А сейчас поняла, что устала, и что чужие навязанные правила ничуть не помогают мне двигаться по жизни. Кто-то к двадцати годам успевает объездить полмира и сделать головокружительную карьеру, а что имею я? Нулевой опыт самостоятельной жизни, заикленность на учебе, скудный круг общения и глубокое недоверие к людям. И все это я не выбирала. Это мне навязали.

– Малышка, через пару часов будь готова. – Родион появляется в дверях спальни. – Сегодня в клуб идем.

– Без меня. – Я задумчиво оглядываю рисунок с надписью «Воронка продаж», развернутый на экране. – Не хочу никуда.

После секундной заминки Родион проходит вглубь комнаты и оценивающе смотрит на меня, сидящую на кровати с ноутбуком.

– Что с тобой происходит, Линда? Если злишься на меня за что-то – просто скажи, и мы все выясним.

– Ничего не случилось. – Прикрыв крышку, я смотрю на

него с улыбкой. – Я просто не хочу идти в клуб. Роскошь куда-то не хотеть мне еще позволительна?

– Да, конечно, но... – Запнувшись, он растерянно разглядывает мои босые ступни. – Просто раньше ты всегда была «за».

– Раньше я не знала, как отказать. Вернее, даже не думала, что так можно. А теперь понимаю, что не хочу жить так дальше. Удовлетворяя чьи угодно потребности, кроме своих.

По-прежнему выглядя растерянным, Родион садится на кровать и накрывает ладонью мое колено.

– Нет, ты конечно вправе никуда не идти. Просто... Ты точно ни на что не обижаешься? Мы с тобой в последнее время постоянно конфликтуем. Я не понимаю, с чем это связано. Ведь раньше все было хорошо.

– Может быть, и не было, – тихо замечаю я. – По крайней мере, для одного из нас. Ко мне внезапно пришло осознание, что жизнь за меня живут другие люди. Я так больше не хочу.

– Ты меня пугаешь. Неужели ты со мной совсем не счастлива?

– Твоя любовь делает меня очень счастливой. – Улыбнувшись, я глажу Родиона по волосам. – Но помимо нее в моей жизни должно быть что-то еще. Хобби, отдельный досуг. Друзья, в конце концов.

– Так я разве против твоих друзей? – Родион смотрит на меня с обвинением. – Я только за. Ты же сама ни с кем не общаешься.

Я киваю.

– Ты прав. И в ближайшее время я планирую это исправить. Так же как и начать ездить на такси. Так что скоро исчезнет необходимость меня забирать.

Судя по нахмуренным бровям и задумчивому взгляду, Родиона мой новый взгляд на жизнь не слишком-то обрадовал. Потеребив края моей домашней футболки, он потерянно интересуется:

– Ну ты меня хотя бы не разлюбила?

– Нет. – В доказательство я обнимаю его и целую в шею. Родион приятно пахнет: тепло, по родному. – Я тебя люблю. Можешь не сомневаться.

– Ладно. – Немного повеселев, он поднимается с кровати. – Тогда, что? Я один в клуб поеду?

– Да.

– Точно не передумаешь?

Я закатываю глаза. Ну что за настырный?

– Если девчонки будут вешаться – я постараюсь отбиться, – говорит он напоследок в попытке заставить меня ревновать.

В ответ я лишь улыбаюсь. Ревности отчего-то нет и в помине. Наверное потому что Родиону я полностью доверяю.

К тому моменту как он, созвонившись с Макаром, уезжает, я заканчиваю изучать злополучную воронку продаж, и решив, что образовательной части на сегодня достаточно, включаю видеоурок йоги для начинающих. Спорт – еще од-

но мое новшество. Но перед тем как расстелить коврик, решаю написать Северу, чтобы уточнить детали встречи в его офисе.

«Привет! Извини, что так поздно беспокою. Завтра все остается в силе?»

Нажав «Отправить», я ловлю себя на том, что жутко нервничаю. Приходится напоминать себе, что это всего лишь переписка по делу с работодателем.

«Да, разумеется все в силе. Привет, малая. Ничего, кстати, что я так тебя называю?»

В горле поднимается волнительное першение. Вопрос на конце этого сообщения предполагает развитие диалога, а это...

Отбросив со лба волосы, быстро печатаю:

«Нет, я не против. Звучит даже мило и слегка покровительственно. Но если бы я сказала, что против – не думаю, что ты бы перестал».

Ответа не приходит пару минут, и когда я с досадой думаю, что ляпнула лишнего, телефон снова звякает.

«Мы отлично понимаем друг друга, Линда. Жду завтрашней встречи».

Отложив мобильный в сторону, я раскатываю коврик и включаю видео. Правда задание ведущей замедлить дыхание и расслабиться полностью проваливаю. Сердце неровно колотится, щеки пылают без видимых на то причин.

– А... Не подскажите, где туалет? – От волнения сжав в кулаки пальцы, я окликаю проходящую мимо женщину.

Офис Севера совсем не похож на тот, что я себе представляла, и сейчас в своей строгой юбке и рубашке классического кроя ощущаю себя совершенно нелепо. Здесь нет ни сияющего вестибюля с мраморной стойкой, за которой сидит красавица-секретарша, ни длинного коридора, по которому снуют люди в костюмах. Место, куда я приехала, напоминает мне полицейский участок, в котором мне довелось побывать, когда задержали папу. Незатейливый интерьер и витающий в воздухе сигаретный запах.

– Туалет прямо и направо, – отвечает она, мельком на меня взглянув.

– Спасибо... А... Не подскажите, Север здесь?

Остановившись, женщина смотрит на меня уже более внимательно.

– Пока нет. Север Евгеньевич обычно бывает после обеда. А вы по какому вопросу?

Мысленно проклиная идею надеть лаковые шпильки, я делаю робкий шагок в ее сторону.

– Мы с ним общались по поводу трудоустройства. Он сказал, что мне все объяснит маркетолог.

– Так вам маркетолог или Север Евгеньевич нужен? – Она

слегка приподнимает брови, заставляя чувствовать себя пол-ной идиоткой.

– И тот и другой, – холодно отвечаю я, разозлившись и на себя, и на нее, и даже на Севера, не потрудившегося уведомить своих сотрудников о моем приходе.

– Дарину вы найдете в кабинете по правую руку отсюда. Север Евгеньевич, думаю, скоро будет, раз у вас имеется до-говоренность.

С грехом пополам я разыскиваю туалет и с облегчением в нем запираюсь. Хочется топтать ногами и ныть «Мы так не договаривались!». Уж слишком мои ожидания разошлись с реальностью. Настолько, что я испытываю слабovolьное же-лание сесть в такси и уехать.

Соберись, – требую я сквозь зубы у своего отражения. – Пора смириться, чтобы ты больше не папина принцесса. Добро пожаловать в реальный мир.

Чтобы убрать из образа офисную прилизанность, я рас-стегиваю две верхние пуговицы на рубашке и отпираю дверь. Надо найти Дарину, сидящую «по правую руку отсюда». Воз-можно, хоть она в курсе моего появления.

Завидев меня, растерянно топчущуюся на пороге, шатен-ка в рыжем вязанном платье встает.

– Вы Линда?

Я беззвучно выдыхаю. Слава богу. Она обо мне слышала.

– А вы Дарина, да? – От облегчения я начинаю улыбаться. – Маркетолог?

– Совершенно верно. – Она выдвигает простой стул с обивкой из кожзама и ставит рядом со своим. – Присаживайтесь. Север Евгеньевич сказал вкратце описать вам, чем мы занимаемся. Вы ведь соцсети планируете вести?

Кивнув, я сажусь. Пальцы Дарины начинают порхать по клавиатуре, набивая наименование сайта. Я отмечаю, что ее ногти не покрыты лаком, да и сама она выглядит очень просто, можно даже сказать, слегка безвкусно. Это кажется странным. Север производит впечатление человека, окружающего себя людьми и вещами определенного ранга.

Устыдившись таким мыслям, я с двойным усердием смотрю в экран. Какая разница, во что одета эта девушка? Главное, она приятная и умная.

– У нас есть сеть загородных мотелей, два караоке-бара и кальянная, – рассказывает Дарина, водя курсором по экрану. – У мотелей есть посадочная страница, но она едва ли выполняет свои функции. Есть ссылка на сайт в путеводителе. На этом все. А мы должны быть везде. По крайней мере, в наиболее значимых соцсетях. Профиль придется создавать с нуля. Тебе понадобятся фотографии – их я предоставлю. Давай, кстати, на «ты»? Так удобнее.

На вид она старше меня от силы года на три, поэтому я с готовностью киваю. Жаль, что не додумалась включить диктофон. Информацию, которую без умолку выдает Дарина много, и она абсолютно для меня нова.

– Караоке-бар нужно пиарить очень активно. Закупать ре-

кламу у блогеров... Кальянная недавно открылась, поэтому о ней тоже нужно заявить...

– А это все принадлежит Северу Евгеньевичу? – немного опешив, спрашиваю я. – И база, и сеть мотелей, и бары и кальянная?

Дарина пожимает плечами.

– Наверное. Ну или владеет вместе с друзьями. Я в эти дела не лезу. Так... Двигаемся дальше. Думаю, тебе нужно будет самой съездить на объекты и наделать фотоматериала. Неформального, так сказать. По крайней мере, для караоке и кальянной. Выход постов регулируешь сама, но не реже двух раз в день...

У меня голова идет кругом. Столько информации сразу и такой огромный объем работы. Потяну ли я? И сумею ли совмещать с учебой? Кажется, идея с работой была действительно не такой хорошей как мне показалось сначала.

– Ты уже здесь. – Внезапно раздавшийся голос Севера заставляет уставиться на входную дверь. Он стоит на пороге в серых брюках и кашемировом джемпере, не в пример своей сотруднице выглядя дорого и стильно.

– Да... Привет. – От смущения покачнувшись на стуле, я едва не заваливаюсь назад. – Вот, сидим разбираемся... с Дариной.

– Уже закончили, я бы сказала, – подает та голос.

– Отлично. – На лице Севера появляется его особенная мальчишеская улыбка. – Тогда пойдём ко мне. Дарина, а ты

через час забеги. Есть пара вопросов.

Встав, я благодарю Дарину за уделенное время и послушно семеню за ним. Все же странно, что Север выбрал именно это здание своим офисом. Он не похож на человека, привыкшего экономить. Его машина – лучшее тому доказательство. Так почему не рассматривает возможность облагородить интерьер или переехать в место получше? В кабинете Родиона один стеллаж стоит дороже чем весь местный ремонт.

Дверь передо мной открывается, обнаруживая очередную ничем не примечательную комнату, где помимо рабочего стола и громоздкого кожаного дивана, больше ничего нет. Кабинет Севера мало чем отличается от кабинета Дарины.

– Ну как тебе рабочее место?

– Хорошо. Правда я ожидала, что твой офис будет немного понаряднее, – признаюсь я, ища глазами, куда сесть.

– Почему он должен быть нарядным?

– Не знаю... – Запнувшись, я смотрю на его шею. – Ты ведь зачем-то носишь свитер из кашемира.

В глазах Севера мелькает веселье, смешанное с любопытством.

– Потому что он теплый и приятный к телу.

– Не только поэтому. Акрил тоже теплый и приятный к телу, но ты выбрал именно кашемир.

– Забыл, что ты учишься на стилиста. – Заняв кресло, он с улыбкой меня разглядывает. – Значит, тебя смущает отсутствие красного дерева и мрамора?

Напомнив себе, что я нахожусь здесь исключительно по его доброте и критиковать не имею права, я пытаюсь свернуть тему.

– Меня ничего не смущает. Это твой офис и только тебе решать, каким он должен быть.

– Верно. – Кивнув, Север прикладывает к виску мобильный и просит кого-то принести кофе. Возможно, я проглядела и секретарь у него все-таки есть. – Так Дарина очертила тебе план занятости? Рассказала про мотели и караоке?

– И про кальянную тоже. И что мне потребуется туда съездить. – Так и не найдя ни стула ни кресла, я опускаюсь на краешек дивана. – А я-то думала, твой бизнес – это база отдыха.

– База – лично моя. В мотелях и барах числюсь совладельцем.

– Ясно. – Под его пристальным взглядом я начинаю смущаться, и пуговицы на рубашке снова хочется застегнуть.

– Я не люблю впустую разбрасываться деньгами, – продолжает Север, все же решив удовлетворить мое недавнее любопытство. – Сам я вырос в обычной хрущевке, в комнате размером с коробку и тяги к роскоши не испытываю. Офис должен выполнять свою функцию и он ее выполняет. Вмещает сотрудников, рабочие столы и технику. Мне не нужна показуха, чтобы кого-то впечатлить. Я готов переплатить за машину, потому что мне важны комфорт и проходимость. Одежду я тоже выбираю в первую очередь удобную.

Благодаря такому объяснению, я ощущаю себя избалованной пустышкой. Почти с самого рождения я жила в пентхаусе в центре города с дизайнерским ремонтом, и в отличие от него своими трудом ни гроша не заработал.

– У тебя отличный вкус, – бормочу я, опустив глаза. – Не каждому удастся сочетать в стиль и комфорт в одежде.

– Осторожнее, малая, – усмехается Север. – Еще пара комплиментов и я начну думать, что ты меня клеишь.

23

От такого, пусть и шуточного замечания, мои ушные раковины вспыхивают. Не придумав ничего лучшего, я пытаюсь замаскировать возникшее смущение дерзостью. Перекидываю ногу на ногу и, не мигая, смотрю Северу в глаза.

– Ты всех привык ставить в неудобное положение, или это я такая особенная?

Криво улыбнувшись, он склоняет голову набок и молча разглядывает меня. Теперь помимо ушей, пылают щеки, шея и грудь. «Скажи уже что-нибудь, – мысленно умоляю я, не зная, куда себя деть. – Пока я сломя голову не выбежала из твоего дурацкого кабинета».

– Скажем так, тебя мне нравится смущать в особенности, – наконец произносит он, постукивая пальцами по столу.

– Понятно. – Кашлянув, я смотрю себе под ноги. Эта ви-

зуальная дуэль была пределом моих возможностей. – И просто к сведению: если когда-то тебе покажется, что я с тобой флиртую – будь уверен, что ты ошибся. У меня есть Родион, и я бы никогда такого себе не позволила.

– Чего не позволила? Флиртовать? Однажды ты это делала, причем очень успешно. – Взгляд Севера как бы невзначай сползает к расстегнутому воротнику моей рубашки. – Тот вечер на базе до сих пор запечатлен в моей памяти.

Сердце начинает колотиться как сумасшедшее. Вспоминается сразу все: и то, как я, болтая без умолку, набросилась на него с объятиями по приезду, и как полуголая забирала из его рук бутылку с пивом. И в особенности то, как он застал нас с Родионом, занимающихся оральным сексом.

– Тебе показалось. – Мне стоит нечеловеческих усилий снова на него посмотреть. – Это был вовсе не флирт... Вернее, ты был не причем. Я хотела досадить Родиону из-за того, что...

Я обрываюсь, не желая посвящать чужого человека в подробности ссоры и тем самым дискредитировать наши отношения.

– В общем, я вела себя глупо, и за это приношу свои извинения. Если тебе показалось, что способна проявлять интерес к другим мужчинам за спиной своего парня – то ты ошибся. Я бы никогда не стала этого делать. Тем более, с тобой.

– А что со мной не так? – В голосе Севера слышится живое

любопытство. – Просто интересно.

Мои ногти с силой впиваются в ладонь. Каким образом мы перешли от разговоров о делах к этому? Обсуждению того, почему я не рассматриваю Севера в качестве сексуально-го объекта. Я не привыкла вести столь откровенные разговоры ни с кем, даже с Полиной. Север первый человек, кто так сильно покушается на границы того, что я привыкла считать дозволенным.

– Ну во-первых, ты старше, во-вторых, ты работаешь с Родионом... – не слишком уверенно перечисляю я. – В-третьих, ты предложил мне работу.

– Хорошее объяснение, – удовлетворенно кивает он, не выходя хоть сколько-нибудь задетым. – По крайней мере, не прозвучало: «ты не в моем вкусе». Про возраст ты, допустим, просто так приплела. Разница в десять лет в нашем случае – это скорее плюс, чем минус. Возможно, у тебя будет шанс в этом убедиться.

В ушах поднимается гул. Я ровным счетом ничего не понимаю. Неужели я интересую Севера как женщина? Если нет, тогда к чему все эти вопросы и полунамекы? И что означает фраза: «возможно у тебя будет шанс в этом убедиться?» То, что вопрос с интимом между нами остается открытым?

– В общем, чтобы ты не думал обо мне плохо, я обязана была это сказать, – говорю я как можно непринужденнее. – Я люблю Родиона и всерьез никогда бы не стала флиртовать с его друзьями.

– Я тебя понял, малая. – Откинувшись в кресле, Север щурится. – Отвечу прямою на прямую. Твой Родион мне не друг, и потому у меня не возникает никакого идеологического конфликта из-за желания заняться с тобой сексом. И необязательно краснеть. Я просто говорю вслух то, о чем другие думают молча – хоть тот же обсос, приехавший с вами ко мне на базу. Всегда был правдуробом. – На его лице появляется обаятельнейшая из улыбок. – Но тебе абсолютно не о чем беспокоиться. Я тебя пальцем не трону до тех пор, пока ты сама об этом не попросишь. Отбивать девушек у кого угодно – это не ко мне.

К концу его тирады я наконец могу нормально дышать. Сейчас я могу думать лишь о том, как бы поскорее оказаться одной, чтобы осмыслить услышанное. Север только что признался, что хочет заняться со мной сексом. Вот так запросто, сидя напротив, глаза в глаза.

– Я теперь даже не знаю, стоит начинать работать на тебя после таких слов, – выдавливаю я после паузы.

– Почему нет? – парирует он абсолютно невозмутимо. – До тех пор пока ты в себе уверена, никаких проблем не возникнет.

– Я в себе уверена. – Я с вызовом поднимаю подбородок, чтобы уничтожить любое его сомнение. Да кем, он в конце концов, себя вообразил?

– Тогда тем более нечего бояться, – заключает Север, прикладывая к виску зажужжавший телефон. – Да, Кобра. В

офисе пока. Где? – Посмотрев на часы, он переводит взгляд на меня. – Давай минут через двадцать. Человека сначала до дома довезу.

Сообразив, что речь идет обо мне, я хочу заявить, что доберусь сама, но Север уже поднимается из кресла.

– Поехали, а то у меня времени в обрез. Тебя домой же?

По какой-то необъяснимой причине я не нахожу в себе сил возразить и молча киваю. Может быть, дело в исходящей от него непреклонности или в его уверенном тоне. Или в том, что я по-прежнему терпеть не могу ездить на такси.

24

– Тебе кофе сделать? – Поставив тарелку с яичницей на стол, я вопросительно смотрю на Родиона. – Ау! Ты меня вообще слышишь?

– Сделай, – кивает он, продолжая глазеть в телефон.

Поджав губы, я отворачиваюсь. Терпеть не могу, когда он ведет себя вот так. Словно я его домработница.

– Может и мне расскажешь, что там такого интересного.

– Может и расскажу, если ты наконец дашь мне дочитать! – раздраженно рывкает он.

Я застываю с чашкой в руке. Родион крайне редко повышает голос. За годы, что я его знаю, эти случаи можно по пальцам пересчитать.

– Ты чего?

– Извини, – буркает он, швыряя телефон на стол. – В интернете всякую херню пишут, вот я и взбесился.

– Что именно? – Забыв про кофе, я осторожно опускаюсь на стул. – Снова плохие отзывы про твою фирму?

Примерно раз в неделю Родион штудирует сайты в поисках мнений о работе магазина, и когда находит негативные – сильно расстраивается.

– Нет. – Воткнув вилку в желток, он с остервенением размазывает его по тарелке. – Про отца статью накатали.

– И что в ней?

– Ничего. Говорю же, всякая херня.

На этом разговор и заканчивается. Родион молча доедает приготовленный завтрак и, попрощавшись, уезжает в офис. По его отъезду я планировала освоить очередной урок онлайн-курса по СММ, но вместо этого, ведомая любопытством, плюхаюсь на диван с ноутбуком и забиваю в поисковик «Винокуров Максим Аркадьевич». Выходят несколько сайтов с данными фирмы, в которой он числится генеральным директором, какое-то старое интервью для экономического журнала, а затем неожиданно всплывает статья под названием «Винокуров Максим по кличке Аспид – преступник, живущий на свободе».

Затаив дыхание, тычу в нее.

Максим Аркадьевич Винокуров – крупный столичный предприниматель и лидер крупного организованного преступного сообщества "Змеи". Восемь лет назад был аресто-

ван по подозрению в организации серии убийств, совершенных более пятнадцати лет назад, однако был освобожден из-под стражи за неимением достаточных доказательств.

Четыре года назад он все же был признан виновным в причастности к одному покушению на убийство и приговорен к пяти годам колонии. Освобожден от наказания "в связи с истечением срока давности".

По сведениям СМИ, Винокуров в прошлом был судим и приговорен к тюремному заключению. Называлась и его кличка в криминальных кругах – Аспид, которую он получил за патологическую жестокость. Выйдя из тюрьмы, Винокуров примкнул к группировке "Котлы", державшую крупные коммерческие структуры по всем крупным городам страны.

Винокуров фигурирует в СМИ не только как преступный авторитет, но и как успешный предприниматель. По некоторым данным он имеет доли во многих столичных компаниях, в том числе и в крупнейшей строительной фирме на рынке коммерческой и жилой недвижимости...

Почувствовав головокружение, я отодвигаю ноутбук. Отец Родиона – лидер преступной группировки, замешанной в убийствах? Что за бред? Нет, характер у Максима Аркадьевича далеко не сахар, но он не может быть убийцей. Он привязан к своей семье, заботится о ней и честно ведет свой бизнес. Мой папа всегда отзывался о нем уважительно, а это о многом говорит.

Еще никогда я так сильно не ждала возвращения Родиона домой. Сплетня, найденная в интернете, повлияла на меня сильнее, чем ожидалось. Онлайн-урок я просидела как истукан, едва ли усвоив что-то. Все мои мысли крутились вокруг вероятности того, что хотя бы толика из прочитанного могла оказаться правдой.

– Как дела? – упав на диван, Родион устало вытягивает ноги. – Как я заколебался, если бы ты знала. В выходные точно напьюсь.

Не зная, как правильно завести разговор о статье, я присаживаюсь рядом и начинаю мять ему плечи.

– О-о, кайф, малышка, спасибо, – Родион благодарно хлопывает меня по ноге. – Массаж – это то, что сейчас нужно.

– Можно спрошу кое о чем? – робко выговариваю я спустя паузу.

– М-м-м?

– Ты был очень расстроен статьей о твоём отце, когда ушёл, поэтому я нашла ее в интернете.

Плечи Родиона каменеют.

– И дальше что?

Его голос тоже меняется, став отстраненным.

– Там написано, что он возглавлял преступную организацию и был осужден... – Боясь оскорбить Родиона домыслами, я осторожно глажу его по плечу. – И что он отсидел срок в тюрьме...

– Твой отец тоже сидит – и что? – Скинув с себя мои ладони, Родион резко встает. – Станем и это обсуждать?

– Я. – Не ожидая ответного нападения, я растерянно моргаю. – Причем тут вообще мой папа? Я просто увидела статью и решила спросить, что из нее могло оказаться правдой. Потому что я ничему не поверила.

Родион смотрит на меня так, словно впервые видит. Мне становится не по себе. Я не понимаю, что происходит, не понимаю, почему получила именно такую реакцию на свой вопрос, ведь еще утром он сам заявлял, что эта статья – ерунда и фейк.

– На забивай себе голову всякой херней, – наконец, произносит Родион, возвращаясь на диван. – Пишут и пишут. Макар, кстати, новый стрип-клуб на днях нахваливал. Предлагаю в него сходить.

25

– Да это не стриптиз-клуб, – в сотый раз повторяет Родион, глядя на мое насупившееся лицо. – Я просто так сказал. Это клуб с шоу-программой.

– В последнее время тебя постоянно тянет на голых женщин смотреть. Это Макар на тебя так действует?

– Только давай не будем снова из-за него ругаться. – Он примирительно трогает меня за руку. – Какая разница куда ходить, если делать это вместе? Я же с тобой в кино на ме-

лодрамы всякие постоянно хожу.

– Мелодрамы и стриптиз – разные вещи, – возражаю я. – Я не знаю, куда себя деть, когда вижу перед своим лицом голую задницу.

– Это не стрип-бар, а клуб, – измученно стонет Родион в сто первый раз. – Я просто оговорился. Seriously, малышка. У меня была очень тяжелая неделя и я хочу расслабиться в компании близких людей. Если ты откажешься идти – окей. Я тоже останусь дома.

Я вздыхаю. Он прекрасно знает, как воззвать к моей совести. В последние дни Родион много времени проводил на таможне, куда пришла крупная партия товара, домой приезжал домой не раньше десяти вечера и моментально засыпал.

– Хорошо. Но если мне придется весь вечер смотреть на женские груди – я уйду.

Родион стискивает меня в объятиях.

– Моя ты девочка! Хочешь, платье тебе новое купим?

– Как же сильно ты хочешь пойти в этот стрип-клуб, – иронизирую я, шутливо отталкивая его.

– Как будто обычно я жалею на тебя денег, – с улыбкой парирует он. – И это не стрип-клуб!

* * *

– Мулен Руж? – Я выразительно смотрю на сияющую вывеску клуба, в который мы приехали. – Может, мне стоит

вернуть такси?

Положив руку на бедро, Родион прижимает меня к себе.

– На фига мне голые телки, когда рядом такая девочка.

Выглядишь офигенно.

Толкнув его локтем, я украдкой оцениваю свое отражение в зеркальном фасаде. Сегодняшний образ нравится мне самой. Облегающее черное платье и черные шпильки, прямые волосы, черничная помада и не стареющий Шанель номер пять.

Ладно, по крайней мере появился повод нарядиться. А то я вторую неделю не вылезая из толстовки и спортивных штанов. Каникулы превратили меня в неопрятную домоседку.

На входе высокий секьюрити ставит нам руки печати, а пышногрудая блондинка-хостес проводит за стол, расположенный прямо у сцены. Оценив интерьер, я немного расслабляюсь. Заведение не производит впечатления банального стриптиз-клуба. Играет приятная, не слишком навязчивая музыка, посетители по соседству выглядят вполне респектабельно. Многие как и мы пришли парами.

– Видишь? – Придвинув ко мне меню, Родион подмигивает. – Это не порно-гадюшник.

– И официанты, к счастью, одеты, – замечаю я, намекая на наш последний поход в похожее место. – Если Макар не придет, то вечер имеет все шансы удался.

– Чего ты так к нему прицепилась в последнее время? – С голосе Родиона нет упрека – только искреннее недоумение.

– Он мне всегда не нравился, – признаюсь я. – Просто раньше я об этом молчала.

– Да, я заметил, что ты стала все активнее высказывать свое недовольство. Только никак не пойму, что на тебя повлияло.

Раскрыв меню, я неопределенно пожимаю плечами: мол, ну вот так вышло. Хотя в глубине души я знаю, кто стал катализатором подобных перемен. Можно сколько угодно это отрицать, но именно знакомство с Севером и его шокирующая прямолинейность помогли мне лучше себя услышать и не бояться заявлять вслух о своих желаниях.

– О, вы уже тут! – благоухая словно отдел парфюмерии, за стол приземляется Макар. – Классное место, да? Я здесь вторую неделю зависаю.

Его взгляд задерживается на моих голых щиколотках.

– Ты, смотрю, принарядилась.

Я некстати вспоминаю слова Севера о том, что Макар меня хочет, и испытываю потребность прикрыться. Предпочту надеяться, что хотя бы в этом он ошибся.

– Ну что, давайте, что ли, выпьем? – Родион опускает ладонь мне на колено. – Малышка, ты что будешь? Предлагаю отметить твою сессию.

Вспомнив, что неплохо потрудился не только Родион, я под одобрительные кивки Макара заказываю коктейль. Настроение у меня на удивление замечательное и даже нога сама дергается в такт играющей музыке.

– Кухня здесь прикольная, – говорит Макар, разливая виски. – А шоу-программа – вообще улет. Короче, скоро все сами увидите.

Спустя примерно час свет в зале становится более приглушенным, и под музыку из известного эротического триллера на сцену выходят два парня и две девушки, одетые в черные латексные костюмы.

Немного опьяневшая от выпитого коктейля, я издаю издевательский смешок.

– Ну вот, началось.

Однако, выясняется, что раздеваться ребята не планируют. С каждой секундой мелодия ускоряется, трансформируясь в энергичный клубный хит, под который квартет в латексе начинает красиво и слаженно двигаться.

– Как здорово! – выкрикиваю я на ухо Родиону, не переставая пританцовывать сидя. – Беру свои слова обратно. Это не стрип-клуб, а действительно классное место.

Он победно улыбается. Мол, я же говорил.

– То-то же, – звучит самодовольный голос Макара. – Но вы погодите, это только цветочки. Ягодки впереди.

Я не успеваю спросить, что он подразумевает под ягодками, потому что в этот момент в тускло освещенном проходе зала вижу знакомую фигуру. Сердце начинает колотиться в удвоенном ритме.

– О, прикиньте, здесь Север, – долетает до меня голос Родиона. – Еще и не один.

– Ага. Ничего такая телочка, – глумливо поддакивает Макар. – Он на прошлой неделе тоже здесь был, кстати. Забыл вам сказать.

26

Когда Север подходит к нашему столу в компании высокой стройной блондинки, я не знаю, куда смотреть. Словно меня уличили в чем-то непотребном. Словно то, что он пришел в клуб не один, хоть как-то меня касается.

– Как дела? – поднявшись, Родион с энтузиазмом пожимает ему руку. – Присядете?

Найдя меня глазами, Север склоняет голову в сдержанном приветствии.

– Присядем ненадолго.

Я машинально тянусь за коктейлем, чтобы запить поднявшееся раздражение. Для чего нужно было звать их за наш стол? Чтобы Макар мог и дальше тарашиться на ноги спутницы Севера?

– Что будете пить?

Север наклоняется к блондинке, видимо, чтобы это уточнить ее предпочтений, после чего объявляет:

– Шампанское и виски.

Я украдкой смотрю на ее бедро, прижатое к его ноге, на узкую щиколотку, подчеркнутую изящной лаковой лодочкой, и ощущаю новый прилив негодования. Интересно, ей он то-

же говорил, о том, как сильно хочет заняться сексом, и предлагал помочь с работой? Меценат чертов.

– Как настроение, Линда? – словно считав мою злость, он смотрит прямо на меня.

Втянув охлажденный воздух, я напускаю на себя непринужденный вид и с улыбкой отвечаю:

– У нас все прекрасно. А как твои? – И добавляю с иронией. – Ни одни выходные не обходятся без наших встреч.

– Мои прекрасно. – Его рука ложится на изголовье дивана за плечами блондинки. – Наметилась отличная традиция.

Мои мысли судорожно мечутся в попытке подобрать в ответ какое-нибудь остроумное замечание. Выпитый коктейль и раздражение смели привычное смущение.

– Извините, а вас как зовут? – подает голос Родион, обращаясь к спутнице Севера.

– Анастасия, – отвечает она, эффектно встряхивая волосами.

Даже не Настя, – мысленно язвлю я. – А что же ты по имени-отчеству не представилась?

Кстати, манеры Севера оставляют желать лучшего. Раз уж принял приглашение присесть, мог бы и сам ее представить.

Спустя пару минут на столе появляется заказанный алкоголь. Макар, до этого момента сидевший молча, заметно оживляется.

– А вы уже видели местную программу?

Взяв бокал, Север отрицательно мотает головой.

– Я нет.

– А вы? – Макар смотрит на Анастасию, изящно тянущуюся за шампанским.

– Нет, я здесь впервые. – Ее голос звучит так неестественно, словно она читает по бумаге.

Выпрямившись, она стряхивает невидимую пылинку с колена и что-то говорит Северу на ухо. В ответ он лишь пожимает плечами.

Я резко встаю и на вопросительный взгляд Родиона поясняю, что хочу в туалет. На деле мне просто необходимо пройтись, чтобы немного развеять невесть откуда взявшееся раздражение. То, что Северу нравится проводить досуг с компании пустоголовых Барби, абсолютно меня не касается. Главное, что Родион не такой.

Кстати, наверняка поэтому я и злюсь. Что обозначив свое желание заняться со мной сексом, Север словно приравнял меня к этой эскортнице.

Да-да, именно поэтому я и злюсь, – убеждаю я себя, запираясь в туалетной комнате. Потому что разочарована в нем.

К моменту, как я возвращаюсь за стол, обстановка в зале сменилась. Свет софитов погас, заиграла незнакомая, томно-размеренная мелодия.

– Очередные танцы? – уточняю я, садясь рядом с Родионом. На Севера с его девушкой принципиально не смотрю. Они мне неинтересны.

– Макар говорит, что главная шоу-программа начинает-

ся. – Родион кладет мне ладонь на колено и гладит. – Я уже говорил, что ты очень красивая?

Я не люблю, когда он пьян, но сейчас не чувствую ни намека на недовольство. Родион по крайней мере, способен на настоящие чувства и не рассматривает женщин, как кусок мяса, как это очевидно привык делать Север.

– Говорил раз пять, – подтверждаю я и ласково губами его виска. Вот это и есть настоящие отношения: основанные на уважении, нежности и взаимной поддержке. Они не имеют ничего общего с похотью, которой руководствуется Север.

– О, началось! – азартно выкрикивает Макар, заставляя всех обратиться к сцене.

От увиденного я затаиваю дыхание. На сцену выходит девушка и парень. Оба практически голые, если не считать черных латексных стрингов.

– Все нормально? – Дыхание Родиона касается моей щеки. – Макар сказал у них программа минут на двадцать, а потом будет выступление какой-то группы.

– Нормально. – Я оглядываю стол в поисках своего коктейля, и не найдя, беру первый попавшийся стакан с виски. Поморщившись, делаю глоток. Со льдом не так уж и страшно.

Север, развалившись на диване, невозмутимо смотрит на сцену, Его в отличие от меня, голые извивающиеся тела ничуть не смущают. Анастасия, глядя в зеркальце, красит губы.

Мне становится смешно. Пытается выглядеть безупреч-

нее, чем есть? В полумраке?

Виски пьянит моментально. Настолько, что я наконец могу без стеснения смотреть главную шоу-программу вечера. Вернее то, как мускулистый парень под музыку занимается сексом с девушкой. Его ладони мнут ее грудь, заставляя ее извиваться и кусать губы, его бедра, прикрытые скудной латексной полоской, трутся об ее ягодицы.

Однако, снисходительно фыркнуть и назвать это банальной пошлятиной, не поворачивается язык. Потому что выходит это у них на удивление красиво, так что кровь приливает к щекам, а под пупком разливается знакомое тепло.

– А ничего так, да? – шепчет Родион мне на ухо. – Приколно.

По его тону, я понимаю, что зрелище его завело.

Я невольно смотрю на Севера и вспыхиваю. Даже в полумрак не способен скрыть то, где находится в этот момент рука Анастасии. Ровно там, где должна быть молния на его брюках.

Отвернувшись, я снова смотрю на сцену. То ли от увиденного, то ли он выпитого виски, сердце неровно стучит.

– Я бы прямо сейчас тебя трахнул. – Сжав мое бедро, Родион тянет меня к себе. – Прямо на этом диване.

Я машинально упираюсь ладонью ему в грудь и нервно смеюсь, когда он впивается в меня поцелуем.

– Тише... Здесь же люди.

– Мы же просто целуемся.

Перехватив руку, задирающую подол моего платья, я неосознанно смотрю поверх плеча Родиона и вижу, что взгляд Севера прикован к нам. В груди екает. Это все так неправильно. Происходящее на сцене, Родион, открыто трогаящий меня и то, что Север за этим наблюдает.

Но потом в поле моего зрения попадают длинные ноги Анастасии, и внутри что-то перещелкивает. Вместо того, чтобы осадить Родиона, я страстно отвечаю на его поцелуй. Закидываю ногу на его колено, позволяя трогать себя за бедра и гладить ягодицу.

– Я тебе прямо тут засадить готов... – Пальцы Родиона проникают под полоску моих стрингов.

Дернувшись, я открываю глаза. Черт возьми, что я творю? Это не я. Я так не поступаю.

– Хватит. – Оттолкнув его руку, я вскакиваю с дивана и бегу по знакомому маршруту в сторону туалетных комнат. Тело колотит мелкая дрожь.

Еще никогда в жизни я так сильно себя не презирала. Потому что я позволяла Родиону делать это собой, так как знала, что все это время Север продолжает на нас смотреть.

Стук каблуков вторит ударам сердца. Во что ты превратилась, Линда? – звучит в ушах голос отца. Я бешено кручу головой в попытке от него избавиться. Ничего ужасного не

случилось. Я просто целовалась со своим парнем, а кто и куда в этот момент смотрел – не моя проблема.

Едва не сбив с ног выходящую девушку, я залетаю в туалетную комнату и, открыв кран, опускаю руки под ледяную воду. Звукам той самой эротичной мелодии удается просочиться даже сквозь закрытую дверь. Для себя я знаю одно: пока это шоу не кончится, за стол я не вернусь.

Злюсь на всех: на себя, на Севера, на Макара и в особенности на Родиона, за то, что уговорил прийти в это чертово кабаре. Если ему так хочется острых ощущений, можно посмотреть вдвоем порнушку, в конце концов. А не пытаться отыметь меня на глазах своих друзей.

Когда пальцы начинает ломить от холода, я выключаю воду и оценивающе смотрю на свое отражение. Глаза нездорово сверкают, с щек не сходит яркий румянец.

Входная дверь хлопает, впуская внутрь двух девушек в ультракоротких платьях.

– Я сюда больше не приду, – сетует одна из них, направляясь к кабинке. – Такое шоу точно не для девичника.

– И не говори, – подтверждает вторая и, покосившись на меня, понижает голос. – Мне в один момент стало так жарко, что я готова была требовать огнетушитель.

Судя по тому, что музыка стихла, спаривание на сцене действительно подошло к концу. Теперь предстоит самое сложное: как ни в чем не бывало вернуться к столу.

Пригладив волосы, я выхожу в темный пустой коридор

и, заметив в глубине знакомую фигуру, трусливо замедляю шаг. Что Север здесь делает? Ему тоже потребовалось освежиться? Встретившись с ним взглядом, я испытываю слабовольное желание вернуться обратно в кабинку, однако, вместо этого воинственно вскидываю голову и продолжаю идти навстречу. Это не мне должно быть стыдно, а ему. Раз привел с собой Настеньку – вот бы и смотрел на нее.

– Что? – холодно произношу я, когда Север преграждает мне путь.

Его глаза в полумраке выглядят беспросветно черными.

– Вышел убедиться, что после такого фееричного выступления, ты никуда не сбежала.

– Не сбежала как видишь, – фыркаю я и уверенно вру: – Как раз иду его досмотреть.

Север криво усмехается.

– Под выступлением я подразумевал не те полуголые пляски на сцене.

Возможно, я все еще нетрезва, или дело в непроходящей злости, но намек на недавний петтинг на этот раз абсолютно меня не смущает.

– Да, я заметила, что ты отвлекся, – уверенно парирую я, глядя ему в глаза.

– Было на что. – От его изменившегося тона, внизу живота горячо сжимается. – Понравилось, что я смотрел, как твой парень пытается тебя оттрахать?

– Встречный вопрос. – Удерживать зрительный контакт

становится все сложнее, поэтому я смотрю поверх его плеча. – Тебе понравилось, когда Анастасия трогала твой член?

Север насмешливо щурится.

– Так вот к чему был этот перфоманс.

– Ты слишком много о себе воображаешь. Мне нет никакого дела до тебя и до твоей девушки.

– Анастасия мне не девушка.

Я издевательски закатываю глаза.

– Еще скажи, что не планируешь заняться с ней сексом.

– Разумеется, собираюсь, – невозмутимо подтверждает он. – Не вижу между эти фактами разногласий.

– Ты просто... – Я морщусь, подбирая нужное слово. – Животное. Сначала рассказываешь, как сильно хочешь заняться сексом со мной, потом собираешься трахнуть другую.

– Так вот почему ты так дерзишь. – На губах Севера появляется ослепительная улыбка, из-за которой мне моментально хочется расцарапать ему лицо. – Хочешь быть на ее месте. Без проблем, малая. Я сажаю ее в такси, а ты едешь со мной.

Задохнувшись от негодования, я вытаскиваю два средних пальца и, ткнув ему в лицо, со всех ног бегу по коридору. Придурок. Ненавижу. Кем он себя возомнил?

А за столом меня ожидает безрадостная картина. Отвратительно пьяный Родион.

– О-о, малышка, – расслабленно улыбнувшись, он пытается закинуть мне руку на плечо, но промахивается и сшибает со стола бокал. Стекло разлетается по полу, брызги виски

попадают мне на ноги.

– Родион... – в отчаянии шепчу я, вытирая голени салфеткой. – Ты лишкуешь. Поехали домой.

– Ой, да отстань ты от парня, – бормочет не менее пьяный Макар. – Он всю неделю мечтал оттянуться.

Я бросаю взгляд на Анастасию. Делая вид, что происходящее ее не касается, она увлеченно смотрит в телефон. Пусть она ни в чем не виновата, но в этот момент я практически ее ненавижу.

– Вставай, пожалуйста. – Я терблю Родиона за плечо, пока пытаюсь вызвать такси. – Мы достаточно погуляли.

– Мне надо в туалет, – мямлит он, предпринимая безуспешную попытку подняться. – И надо еще вискаря заказать... Эй, парень!

– Не надо никакого виски. – Я делаю тон строже. – Я уже вызвала такси.

– Я довезу, – раздается сверху. – Одна ты его вряд ли до квартиры дотащишь.

Макар издает дебильный смешок. Его веселит перспектива того, что я на своих плечах несла домой Родиона.

Я униженно молчу. Пару минут назад я буквально послала Севера, а в итоге вынуждена принимать его помощь.

– Мы кого-то повезем? – пищит Анастасия, с появлением Севера потерявшая интерес к телефону.

– Я отвезу, – все так же бескомпромиссно сообщает он. – Ты на такси домой поедешь.

Я с замиранием сердца смотрю, как Север перебрасывает через плечо безвольно повисшую руку Родиона, помогая встать, как поникшая Анастасия с усиленным рвением начинает кому-то строчить, и испытываю сильнейшее волнение, смешанное с торжеством. Волнение, оттого, что после всего придется ехать с Севером в одной машине, и торжество, потому что несмотря на свое намерение заняться сексом с Анастасией, он предпочел помочь мне.

28

– Что мне сделать? – взволнованно лепечу я, когда Север подводит пошатывающегося Родиона к своему внедорожнику. – Дверь нужно открыть?

– Просто отойди, – грубовато отрезает он, что в данных обстоятельствах совершенно меня не обижает. Я слишком благодарна ему за то, что не бросил даже после того, как я открыто ему нахамила.

Вцепившись в сумку, я смотрю как он толкает плечом дверь и укладывает Родиона на задний диван. Отчего-то становится стыдно. Для чего он напился как подросток? Неделя, видите ли, выдалась сложной. Когда на папу завели уголовное дело, я полгода жила в аду, но у меня и мысли не было прибегать к помощи алкоголя или наркотиков.

– Тебе особое приглашение нужно? – Север кивает на пассажирскую дверь. – Чего застыла?

Отмерев, я ныряю в салон. Тело знобит, несмотря на то, что вечер выдался на редкость теплым.

– Уже спит, – констатирует Север, заводя двигатель. Обернувшись, я вижу, что он прав. Веки Родиона сомкнуты, рот приоткрыт, а его грязная подошва, к моему ужасу, упирается в дорогую дверную обивку.

– Извини, пожалуйста, – шепчу я, ощущая себя маленькой и жалкой.

Образ Севера же, напротив, становится более внушительным и серьезным. Разница в возрасте между ним и Родионом становится настолько явной, что ее можно потрогать.

– Ты за себя извиняешься или за него? – Он делает едва уловимый кивок назад.

– За нас обоих. Обычно Родион столько не пьет. Просто у него была сложная неделя.

– Перестань оправдываться. Не помню, чтобы ты заливала в него виски.

Не зная, что ответить, я отворачиваюсь к окну. Становится неловко, что еще недавно я в мыслях называла Севера придурком. Несмотря на его непристойные намеки, он всегда принимает мою сторону. И между прочим, пока Родион методично напивался с Макаром, именно Север вышел узнать, куда я запропастилась.

– Не холодно?

Сжав предплечья, я бормочу «не-а». С каждой секундой в просторном салоне становится все теснее, а воздух сильнее

пропитывается ароматом его туалетной воды.

– Врешь.

Нервные окончания пробивает током, потому что в этот момент ладонь Севера касается моего голого колена. Прикосновение длится долю секунды, но и этого достаточно, чтобы сердце споткнулось и зашло в новом бешеном ритме.

Не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть, я смотрю как он прибавляет температуру на приборной панели.

– Сейчас согреешься.

– Ты говорил, что не дотронешься до меня, пока я сама не попрошу, – сиплю я, прикрыв ладонями кожу, покрывшуюся мурашками.

Север с усмешкой на меня косится.

– Ты и правда малая.

Это шутовское замечание неожиданно меня задевает. Может быть, потому что сейчас от полюбившегося мне прозвища веет снисходительностью. Мол, а ты, оказывается, такая наивная и глупая. Жаль, что приходится тратить на тебя время.

Так мое настроение делает очередной разворот на сто восемьдесят градусов. Внутри вновь кипят обида и раздражение.

– Куда мне до той эскортницы, – бросаю я, вновь отворачиваясь к окну.

Север ничего не отвечает, отчего становится еще обид-

нее. Даже хочется плакать. Да что за вечер такой дерьмовый? Лучше бы дома сидеть осталась.

– Какой этаж? – Взвалив на плечо мертвецки спящего Родиона, Север идет к подъезду.

– Пятый.

– Лифт, надеюсь, работает, – замечает он, глядя как я прикладываю ключ-карту в домофону.

– Работает, – безлико отзываюсь я.

В молчании мы заходим в лифт и молча доходим до квартиры. Скинув с ног, я быстро щелкаю выключателями, прокладывая путь Северу путь в спальню. Хотя по-хорошему нужно было оставить Родиона спать на диване. Я настолько зла, что даже представить не могу, как смогу снова с ним заговорить.

Сбросив Родиона на кровать, Север, поморщившись, растягивает шею и лезет в карман за телефоном.

Скрестив на груди руки, я молча наблюдаю за тем, как он, улыбнувшись, набирает кому-то сообщение. Наверняка, пишет Анастасии, что успел освободиться и готов к любовным утехам. Эта мысль вызывает у меня прилив небывалой агрессии. Такой, что хочется топнуть ногой и рывкнуть: «Может, продолжишь в машине переписываться?»

– Кофе сделай и я поеду, – не поднимая глаз, распоряжается он.

Стиснув зубы, я разворачиваюсь на пятках и топаю на кухню. Эмоции окончательно вышли из-под контроля. Сейчас

в Севере меня раздражает все: и его невозмутимый вид, и командный тон и то, что у него очевидно большие планы на остаток этой ночи.

– Держи. – С грохотом опустив чашку на стол, я прижимаюсь к стене.

– Чего такая недовольная? – невозмутимо спрашивает он, поднося кофе ко губам.

– С чего ты взял? – небрежно парирую я. – Напротив, я очень благодарна, что ты нас довез. Теперь с чистой совестью можешь развлекаться дальше.

– Спасибо за благословение, – иронизирует он. – Обязательно им воспользуюсь.

Кровь приливает к лицу так сильно, что гудит в ушах. Он даже не скрывает, что собирается найти себе очередную пару на вечер.

– Воспользуйся конечно, – цежу я, вложив в тон все презрение, на какое способна. – Еще только час ночи. Столько неоприходованных шлюх осталось.

Я не успеваю понять, как это произошло, но в следующую секунду побагровевшее лицо Севера оказывается напротив моего, а его ладонь больно сдавливает мое горло.

– Слушай сюда, малая. – Его учащенное злое дыхание касается моих губ. – Ты не со своим пиздюком разговариваешь, так что подбирай слова. Мое терпение не железное. Хочешь со мной трахаться – просто скажи и я никуда не поеду. А вот эти истерики детские с подъемами устраивай кому-ни-

будь другому.

Моя грудная клетка готова взорваться от паники и испуга. Еще ни один мужчина, помимо Родиона не стоял ко мне так близко – навалившись всем телом. Еще никто не пытался меня душить.

– Отпусти, – хриплю я.

Взгляд Севера заволакивается чернотой.

– Не догоняешь, с кем и как можно говорить.

Я чувствую твердость его тела сквозь ткань рубашки, ощущаю выраженный мужской запах, помноженный на десять. Тело бросает то в жар, то в холод, ноги держат с трудом.

Захват на моей шее ослабевает, и я наконец могу нормально дышать. Но я не могу. Север нарушает все существующие границы.

– Когда я говорил, что не трону тебя, я имел в виду, вот это... – Его рука скользит по моему плечу и сдавливает грудь в вырезе платья.

Беззвучно охнув, я вытягиваюсь струной. С телом творится невообразимое: его трясет, низ живота окатывают острые вспышки возбуждения.

Ладонь спускается ниже, проталкивается мне между ног и грубо надавливает.

– Ты это в клубе для меня делала?

Я презираю себя за то, что не нахожу ни сил, ни желания его оттолкнуть. Я презираю себя за то, что больше всего на свете хочу, чтобы он продолжал.

– Нет... – сиплю я, крутя головой. И задохнувшись от нового толчка, признаюсь. – Да, да. Для тебя.

Почти одновременно с этим исчезает и тяжесть прижатого ко мне тела и давление между ног. Машинально открыв глаза, я натываюсь на почерневший взгляд Севера.

– Как я уже и говорил: сама ко мне придешь, – хрипло выговаривает он, отступая назад.

– Этого не будет, – выдавливаю я, с ужасом осознавая случившееся.

– Вопрос короткого времени, – без улыбки произносит он, убирая руку в карман. Ту самую, которая только что была у меня между ног. – Закрой за мной.

29

Следующим утром я просыпаюсь от ощущения тошноты. Измученно застонав, накрываю головой подушку. Кадры вчерашнего вечера микродозами впрыскиваются в сознание, вызывая отчаянное желание вновь провалиться в забытие. Откровенные танцы пары на сцене, руки Родиона, задирающие мое платье, пристальный взгляд Севера. Лихорадочный блеск собственных глаз в зеркале. Полумрак автомобильного салона, прикосновение к колену.

От новой возникшей картины в висках начинает бешено стучать. Разъяренное лицо Севера прямо передо мной, ладонь, сдавившая мне шею. Острое возбуждение. Грубое тре-

ние между ног. «Ты для меня это делала?»

Комната начинает вращаться с бешеной скоростью. Финальное воспоминание крошит мое настоящее в уродливые обломки. Так я не чувствовала себя даже в день, когда папу посадили. Наверное, потому что в его приговоре не было моей вины, а сейчас она есть. Огромная, узловатая, осязаемая. Позволив другому мужчине трогать себя, я фактически изменила Родиону. Ничего не подозревавшему Родиону, который так сильно меня любит и полностью доверяет.

Закусив губу, чтобы не расплакаться, я медленно поворачиваюсь к соседней подушке. Она оказывается пустой. Из кухни доносится шум льющей воды, и спустя пару мгновений в спальне появляется Родион. Выглядит он воплощением похмелья. Волосы торчат в разные стороны, глаза налиты кровью, лицо приобрело малиновый оттенок. Глядя на него такого, я впервые ощущаю нечто напоминающее безразличность. Может быть, из-за некрасиво свисающих трусов.

– О, малышка... – глуповато улыбнувшись, он салютует мне стаканом с водой. – Вот это я вчера набрался вчера. Не надо было мешать коктейли. Вообще не помню, как мы до дома доехали.

Уродливая вина услужливо отходит в сторону, уступая место сильнейшему раздражению. Если бы Родион не напился до невменяемости, мы бы преспокойно вернулись домой на такси и Север бы не зашел в нашу квартиру. Как можно было так безответственно повести себя по отношению ко

мне?

– Нас довели, – сухо говорю я, выпутываясь из одеяла. – Север поднял тебя в квартиру и донес до кровати.

– Ох... – Родион морщится то ли от стыда, то ли от головной боли. – Вот это жесть. Я не совсем ничего не помню. Надо позвонить и извиниться перед ним.

Это заявление вызывает во мне неожиданный испуг. А вдруг Север расскажет ему о том, что случилось на кухне? Что я позволила себя трогать, словно последняя проститутка?

– Извини, малышка, ладно? – Плюхнувшись на кровать, Родион тянется, чтобы меня поцеловать.

От исходящего от него запаха перегара я испытываю новый приступ тошноты и машинально отворачиваюсь.

– Хватит.

– Только пожалуйста не обижайся и не отчитывай меня. – Он страдальчески кривится. – И так хреново. В целом же все весело было?

Задохнувшись от возмущения, я вскакиваю.

– Было весело?! А в чем конкретно заключалось веселье? В том, что ты пригласил за стол чужих нам людей? Или в том, что лапал меня у них на глазах, возбуждись от стриптиза? Или в том, что напился как последний алкаш, наплевав на то, как я буду добираться до дома?!

– Малышка, ну пожалуйста... – Упав на подушку, Родион закрывает лицо руками. – Давай потом... Надо поспать

немного. Через два часа еще в офис ехать. Хрен знает, как за руль сесть.

Обида и отчаяние, усиленные воспрявшим чувством вины, затапливают меня. Полупьяный Родион ощущается таким равнодушным и чужим. Он словно в действительности не понимает, что сделал не так. Понятия не имеет, что я из всех сил сопротивляюсь... И что мне так сильно нужна его поддержка. Если бы он меня обнял, если бы сказал о том, что любит, мне требовалось бороться только с виной, а не с обидой и одиночеством. Для меня он всегда был надежным островком тепла, который продолжительное время удаляется.

От ощущения полной потерянности из глаз текут слезы.

– Родион... – в отчаянии шепчу я.

Ответом становится тишина. Родион попросту уснул.

Обняв себя руками, я бреду на кухню. Чашка Севера с недопитым кофе так и стоит на столе. Взяв ее двумя пальцами, как если бы на ней присутствовали следы радиоакции, я выбрасываю ее в урну. Объяснить этот непрактичный поступок не могу. Просто делаю то, что чувствую.

Залпом выпив стакан воды, кутаюсь в домашний халат и клубочком сворачиваюсь на диване в гостиной. Там же под равномерное жужжание кондиционера засыпаю.

Просыпаюсь от настойчивых посягательств на белье.

– Ты что делаешь? – бормочу я спросонья.

– С бодуна такой стояк, – шепчет Родион, выкручивая сок через ткань домашней майки. – Очень тебя хочу.

Перспектива заняться сексом вызывает такое острое отторжение, что я с силой толкаю его локтем.

– Еще чего... Хватит...

– Ты что? – Голос Родиона звучит обиженно, и вместе с этим его член упрямо продолжает прокладывать себе путь через мои стринги.

Неприятие и протест достигают максимума. Я не могу заниматься с ним сексом прямо сейчас. Не после того, что случилось этой ночью. Не тогда, когда от него так мерзко пахнет.

Уперевшись руками с спинку дивана, я пытаюсь встать, но плотные пути халата и давление сзади мешают это сделать.

– Отпусти меня, твою мать! – взвизгиваю я в исступлении и, с трудом вывернувшись, соскакиваю на пол. – Я тебе не дырка для слива спермы! Замучило похмелье – иди подрочи!

Не в силах выносить растерянность и обиду в глазах Родиона, я убегаю и запираюсь в ванной. Север был прав. Там, где появляется одна ложь, появится и вторая.

30

– Тебя нужно будет отвезти?

– Куда? – намеренно не оборачиваясь к Родиону, я продолжаю разбирать посудомойку.

Мы не разговариваем вторые сутки. Он обижен на меня за грубый отказ в сексе, а я, продолжая тонуть в раздражении и вине, попросту не знаю, как себя вести.

– У тебя вроде бы с отцом сегодня свидание, разве нет?

Тарелка едва не выпадает из моих рук. Как я могла забыть об событии, которое которое несколько месяцев обвешено красным в настенном календаре и которое ждала с замиранием сердца?

– Да, отвези, пожалуйста. – Едва не врезавшись в Родиона, я уношусь из кухни в спальню, чтобы собираться. Путь до места, где содержится отец, занимает полтора часа, так что необходимо поторопиться.

Подкрасив ресницы, меняю домашнюю толстовку на новый свитер, в сумку кладу шкатулку с письмами. С момента последней встречи с папой их накопилось около десяти. Думаю, ему будет приятно их прочесть.

– Хорошо выглядишь, – замечает Родион, когда я сажусь в машину.

– Спасибо, – сдержанно отвечаю я, продолжая глядеть мимо.

Держать дистанцию – временная необходимость, пока я не придумаю что-нибудь в свое оправдание... Или не сторгуюсь с совестью. Рассказать Родиону о случившемся между мной и Севером – не вариант. Он слишком одержим их сотрудничеством и слишком любит меня, чтобы пережить предательство.

– Через сколько тебя забрать?

– Часа через два.

После этого незатейливого диалога Родион перестает

предпринимать попытки заговорить снова, и путь до пункта назначения проходит в тишине. Называть место пребывания папы тюрьмой я избегаю даже мысленно. Так спокойнее.

Высокий худой охранник с торчащей из подмышки кобурой проводит меня небольшую комнату, по виду напоминающую дешевый номер в гостинице. В ней есть маленький квадратный стол, потертый стул, кресло и даже кровать, накрытая безвкусным покрывалом.

– Сейчас его приведут, – буркает мужчина, перед тем как удалиться.

Сглотнув ком волнения, я подхожу к окну и открываю форточку. Воздух здесь тяжелый и спертый, как и сама обстановка. В таких условиях я вынуждена буду встречаться в папой еще пять лет. Пять лет, это шестьдесят месяцев и тысяча восемьсот двадцать пять дней. Страшная цифра, которую мой мозг до сих пор не в силах объять. И все это происходит только потому, что папу подвел нерадивый бухгалтер.

– Ну привет, моя хорошая.

Я впиваюсь глазами в папу, запечатлевая его образ. Короткий ежик седеющих волос, скупую улыбку и тепло в серых глазах. Сердце громко стучит от радости, приправленной застарелой горечью. Я по нему невыносимо соскучилась.

– Привет, – выдыхаю я, шагая в его объятия.

От папы пахнет сигаретами и несвежей одеждой. Я прижимаюсь к нему сильнее в попытке отыскать запах из детства. Запах любви, дома и безграничной заботы, которой он

всегда меня окружал.

– Ты же там не плачешь? – Папа похлопывает меня по плечу в знак того, что пора его отпустить.

– Нет, конечно, – бормочу я, быстро промокая глаза рукавом свитера. – Ты, кстати, выглядишь отлично.

– Соблюдаю режим. – Папа выдвигает стул, кивком показывая, чтобы я садилась. – Ну рассказывай. Как учеба, как вообще дела?

– Сессию закрыла. – Я пытаюсь представить, что мы находимся не в убогой комнате для свиданий, а в каком-нибудь приличном кафе, в которое папа приехал на своем мерседесе в обеденный перерыв. – С одной четверкой. Дела хорошо. Леона Андреевна просила тебе привет передать.

– С Родионом как? – Папа щурится, и я отмечаю, что морщин вокруг его глаз стало больше.

– Все... нормально, – отвечаю я, запнувшись. – Он много работает.

– А что с лицом?

Я уже стала забывать, каким пронизательным он бывает. Утаить что-либо от папы никогда не представлялось возможным.

– Ничего... Просто мы с Родионом немного поссорились.

– Если поссорились, надо помириться. Жениться еще не надумали?

Этот вопрос застает меня врасплох. Издав нервный смешок, я мотаю головой.

– Нет, не надумали. Я вся в учебе, он в работе. Родион сейчас сотрудничает с другом своего покойного брата. У него серьезный бизнес: база отдыха, сеть отелей, караоке...

Не договорив, я замолкаю. Не знаю, почему именно сейчас мне вдруг потребовалось вспоминать Севера. Папе эта информация совершенно неинтересна.

– Так пусть работает, – веско заявляет папа, не обратив внимание на ненужное отступление. – Одно другому не мешает.

– Мне кажется, что с браком нам не нужно торопиться.

– У вас проблемы какие-то? – Папа берет меня за подбородок и внимательно смотрит в глаза. – Что у тебя с тоном, Линда?

После этого вопроса начинает щипать в носу. Словно все эмоции последних дней, включая глубокую вину, решили разом подняться на поверхность.

– Не знаю... Раньше мне казалось, что у нас все хорошо... – шепотом признаюсь я. – Но в последнее время я на многие вещи начинаю смотреть по-другому. Например, на то, что Родион находится под сильным влиянием отца... И что Максим Аркадьевич фактически руководит нашей жизнью. Я хотела поехать к Полине на каникулы, но он запретил, а Родион даже не попытался за меня вступиться.

Я смотрю на папу в надежде, что он примет мою сторону, но зря. Его взгляд остается невозмутимым.

– Не разрешил и хорошо. Не нужно ездить по другим го-

родам без присмотра.

Внутри меня что-то обрывается. Зачем папа так со мной? Я ведь делюсь с ним как с самым близким тем, что меня беспокоит. От кого мне еще ждать понимания и поддержки?

– Мне ведь уже двадцать один, – тихо говорю я, опуская взгляд себе на руки.

– Ты ведь помнишь, чему я тебя учил? – Голос папы становится строгим и назидательным. – Доверять нужно только проверенным людям. Ты молодая, наивная. Любая сволочь захочет воспользоваться.

Сколько раз я слышала эти фразы за свою жизнь – не считать. Но ведь другие как-то живут без опаски и даже обзаводятся друзьями. А у меня нет никого. Нет даже возможности увидеться с единственной подругой.

Если в начале встречи я собиралась рассказать папе о своей работе, то сейчас передумываю это делать. Потому что осознаю, что он не одобрит.

Впервые в жизни у меня появился секрет от самого близкого мне человека. И если обычно, выходя после нашего двухчасового свидания, я ощущала себя спокойнее и увереннее, то покинув комнату на этот раз, внезапно чувствую себя глубоко одинокой и потерянной. Словно наша с папой прочная связь истончилась.

Машина Родиона уже стоит у выкрашенных синей краской ворот. Помахав ему рукой, я отвлекаюсь на зажужжавший мобильный. В груди екает. На экране горит сообщение

от Севера.

«Напоминаю о завтрашней планерке. Надеюсь, ты не собралась от меня прятаться».

31

– Какие планы на сегодня?

– Прогуляюсь немного. – Я старательно намазываю масло на бутерброд, избегая необходимости встречаться глазами с Родионом. Соккрытие правды по-прежнему дается мне сложно.

– Ясно. Я сегодня на работе задержусь немного. Фура с товаром приезжает.

– Что-то они зачастили.

– Так и продажи выросли почти вдвое благодаря контракту с Севером, – с плохо скрываемым самодовольством замечает Родион.

Пробурчав «м-м-м», я встаю из-за стола под предлогом налить воды. Севера в нашей жизни стало так много, что от него не спастись даже за завтраком. В буквальном смысле этого слова.

– Может перестанешь на меня дуться? – Родион подходит сзади и обхватив меня за талию, мягко целует в шею. – Да, я переборщил с выпивкой. Прошу прощения. Больше такого не повторится.

Вина снова дает о себе знать тупым покалыванием, но оно

уже не столь ощутимо. Накрыв его ладонь своей, я осторожно глажу. Нам действительно пора помириться. Почти неделю жить в состоянии холодной войны невыносимо.

– Хорошо.

– То есть простила? – Родион разворачивает меня к себе и с улыбкой заглядывает в глаза.

– Да. – Не выдержав, я тоже улыбаюсь.

– Ну наконец-то. Теперь могу с чистой совестью ехать на работу. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Я киваю.

– Эй! – Родион шутливо хмурится. – А ты меня?

– И я тебя люблю, – отвечаю я с запинкой. Сложно вот так сразу начать обмениваться нежностями.

Стоит Родиону выйти за дверь, я бросаюсь в гардеробную и начинаю собираться. Планерка в офисе Севера начнется меньше чем через час, и я на нее опаздываю. Натянув первые попавшиеся джинсы, я делаю два пшика туалетной воды и вызываю такси. Краситься не пытаюсь. У меня нет намерения выглядеть перед ним лучше, чем я есть.

Такси как назло встревает в пробку и на первое в своей жизни рабочее собрание я приезжаю с десятиминутным опозданием. Кое-как разыскав нужный кабинет, робко встаю возле подоконника. Свободных стульев не находится.

Общее собрание я тоже представляла себе немного иначе. Север просто задает вопросы сотрудникам и после того, как получает ответы, по очереди отпускает каждого. Очевидно

потому, что я опоздала, моя очередь подходит последней.

– Ты все-таки приехала, – констатирует он, глядя на меня в упор. – Чем порадуешь?

Машинально сжав колени, я начинаю листать принесенный блокнот. Рассказ о проведенной работе напрочь вылетает из головы, стоит только встретиться с ним взглядом. А вот сцена на кухне напротив отчетливо воскресает в памяти, что конечно не добавляет уверенности.

– Я... – Кашлянув, беру себя в руки. – Были заведены аккаунты в пяти соцсетях для караоке и кальянной. Я взяла на себя смелость обратиться к дизайнеру, потому что не была уверена, что сама справлюсь с оформлением.

Заметив, что Север одобрительно кивает, я ощущаю прилив уверенности. Платную услугу я заказала на свой страх и риск, не будучи уверенной, что потраченную сумму мне возместят.

– На этой неделе я планирую посетить рекламируемые объекты, чтобы сделать фотоматериал и оценить, как лучше запустить рекламу. Это я тоже хотела уточнить... – Я поднимаю глаза. – Так как аккаунты придется раскручивать с нуля, нам необходимо как минимум контактировать с блогерами. Мы не обсуждали варианты оплаты, но думаю с кем-нибудь можно договориться по бартеру. Например, скидки на меню или пригласительные... Бесплатные ужины.

– Это можешь обсудить с управляющей, – вставляет Север. – Ее зовут Эльза. Контакт тебе передаст Дарина.

– Хорошо. Еще я посмотрела посадочную страницу семи мотелей. И она... Мне кажется, что она никуда не годится. Объясню почему. Во-первых, шрифт. Он плохо читается. Во-вторых, размещенные там фотографии очень неудачные. То, что прислала мне Дарина выглядит во много раз лучше. А я считаю, что первое впечатление очень важно... В-третьих, очень много текста. Никто не захочет столько читать... Смысл посадочной страницы в том, что она быстро продает. А наша скорее отталкивает.

Я смотрю на Севера с опаской. Не злится ли он на меня за критику? Мол, пришла студентка без опыта и разнесла чужие труды в пух и прах.

– А говорила, что опыта не имеешь. – На его лице появляется легкая полуулыбка. – Толковые вещи говоришь.

Мои плечи моментально расслабляются. И оттого, что Север не стал спорить и потому что перестал так пристально смотреть.

– Опыта я действительно не имею. Поэтому купила обучение. Там много дельных вещей говорят. Как стоит продавать, а как не стоит.

– Я не сомневался. Всегда знаю, на кого делать ставку.

– Тогда я составлю рекламный бюджет на первое время? – робко уточняю я.

– Конечно. Что еще?

– Пока ничего. Оформление аккаунтов отняло у меня довольно большое количество времени. Но дальше работа пой-

дет пободрее.

– Понял. – Он вопросительно поднимает брови. – Может быть, будут ко мне какие-то вопросы?

С заминкой я киваю.

– Да, будут. Но они не связаны с работой.

– Вот как? – В глазах Севера мелькает озорство. – В свете недавних событий я особенно заинтересован.

От смущения я поджимаю ступни. Почему ему необходимо постоянно держать меня в напряжении?

– Что ты делал в женской консультации в день нашего знакомства? – Прижавшись позвоночником к спинке стула, я смотрю Северу в глаза.

Это не дает мне покоя уже очень давно, а вчерашний визит к папе еще больше всколыхнул мои подозрения. Не доверять посторонним было моим жизненным кредо очень долго. Так с чего я вдруг доверилась Северу? Я прекрасно помню свои впечатления от нашего знакомства. Мне показалось странным, что такой мужчина торчит в женской консультации.

– Думаешь, что наша встреча была неслучайной? – На его губах расплывается насмешливая улыбка.

– Просто ответь на вопрос, – напряженно повторяю я.

В течение нескольких секунд Север пытается меня взглядом, словно раздумывая, достойна ли я ответа, после чего спокойно сообщает:

– Хотел увидаться с матерью. Она работает в кабинете УЗИ.

Эта информация приводит меня в замешательство. Мама Севера работает с женской консультации? И в тот день он приходил к ней?

– Тогда почему вы не увиделись? В тот день ты сказал, что встреча сорвалась.

– Потому что она не слишком жаждет меня лицезреть, – без улыбки заключает Север. – Даже в свой день рождения.

Внутри шевелится неясное сочувствие. Может быть, поэтому меня порой так сильно к нему тянет? Из-за того, что мы похожи? У обоих проблема с родителями. По крайней мере, с матерями.

– А где твой отец? – спрашиваю я, осмелев.

– Мертв. Будут еще вопросы?

Помотав головой, я растерянно утыкаюсь в страницы своего блокнота. Все же папа неправ. Нельзя подозревать всех. Это делает человека жестоким и бестактным, лишая людей вокруг его поддержки и любви.

– Извини. – Запихнув блокнот в сумку, я встаю. – Вопросов больше нет. И спасибо за уделенное время.

Усмехнувшись, Север тоже встает.

– Я отвезу.

Закусив губу, я мотаю головой.

– Нет. Я доберусь сама. В последнюю нашу встречу я перешла определенную грань и хочу за это извиниться. Я вела и разговаривала с тобой непозволительно и этого больше не повторится.

Лицо Севера становится каменным.

– Помнится, я сравнял счет, так что можешь не извиняться. Поехали. Я уже говорил, что не трону.

– Нет. – Я отступаю назад, чтобы продемонстрировать непоколебимость своих намерений. – Ты плохо на меня влияешь, Север. Поэтому отныне я предпочту поддерживать исключительно формальное общение.

В течение нескольких секунд он сверлит меня тяжелым взглядом, после чего, слегка улыбнувшись, склоняет голову.

– Как скажешь, малая. Страшновато становиться свободной.

32

– Добрый день! – приветливо улыбается парень в рубашке с вышитым на ней логотипом. – Рады видеть вас у нас в «Дыме». Вы хотели бы присесть?

Дым – это название сети кальянных, принадлежащих Северу, в которые я обещала наведаться для сбора фотоматериала.

– Присесть не хочу, – отвечаю я и спешно поправляюсь: – В смысле, не в этот раз. Я приехала сделать фотографии. Это нужно для соцсетей, – поясняю, почувствовав его недоумение. – Я работаю у Севера.

– А. Ну хорошо. – Парень кивает вглубь зала. – Проходите.

Выудив из сумки телефон, я прохожу в зал, объятый уютным полумраком. Посетителей в будний день немного: за дальним столом сидит компания из пять парней и больше никого нет. Концепция курительного заведения не предполагает ажиотажа в час дня.

– А где туалет, не подскажете? – на всякий случай осведомляюсь я. Фотографии уборной тоже могут пригодиться. Судя по интерьеру зала, она выглядит прилично.

Я не слишком жалуя кальянные из-за приторного запаха и непривычного контингента, однако, пока «Дым» мне нравится. То ли из-за новизны заведения, то ли из-за качественно работающей вытяжки, здесь нет сладковатой табачной вони, и интерьер к счастью, не напоминает дешевую сауну, а скорее номер хорошего отеля в Арабских Эмиратах.

Направив камеру на шатер под белоснежной занавеской, я делаю первый снимок. Проверив его, остаюсь довольной. Для соцсетей подойдет. В дальнейшем можно будет пригласить профессиональную съемочную бригаду, которая монтировала видеоролик для салона Родиона.

Плавнo перемещаясь по залу, я фотографирую все, что приходится по душе: большую фарфоровую вазу на полу, здоровенную плазму по центру зала, цветастую колбу кальяна, стоящего на одном из столов, бархатистую штору, украшенную золотой бахромой. На снимках должно чувствоваться настроение.

Нащелкав около двадцати фотографий, я вопросительно

кручу головой по сторонам, чтобы понять, чего не достает. И когда взгляд упирается в компанию парней, меня осеняет. Именно этого и не достает. Посетителей на снимках.

Наведя телефон на их стол, я нажимаю «Сфотографировать» и почти сразу же слышу оклик.

– Эй, красота! А тебе кто снимать разрешил?

Спину окатывает холодом. Какая же я дура. Разумеется, нужно было спросить разрешения на съемку.

– Извините, пожалуйста. – От волнения мой голос скачет. – Фотографии делаются в рекламных целях. Если вы против – я прямо сейчас их удалю.

– Подойди сюда, – распоряжается темноволосый парень в черной толстовке, сидящий во главе стола.

Что-то в его тоне подсказывает мне, что отказываться не стоит, поэтому я, сжав мобильный в руке, послушно иду. От волнения пульс зашкаливает. Пять пар мужских глаз устремлены на меня.

Я машинально оглядываюсь в поисках парня, который любезно меня встречал, но его нигде нет.

– Ты не в курсе, что без спроса чужих людей фотографировать нельзя? – громко осведомляется брюнет, смерив меня взглядом. – Вдруг я в уголовном розыске нахожусь.

Парни, сидящие по бокам от него, издают глумливые смешки. Тот, кто со мной говорит, их явный лидер.

– Это была единственная фотография и я уже ее удалила, – лепечу я, чувствуя как слабеют колени. Угроза слишком

отчетливо нависла в воздухе.

– Присаживайся, – требует он, кивая в точку напротив себя. Именно требует, а не предлагает.

– Извините, но у меня нет на это времени. – Разжимать губы дается с трудом. – Фотографию я удалила – можете проверить...

Я разворачиваю к нему телефон, демонстрируя галерею.

Темноволосый делает едва уловимое движение головой и шатен в синей футболке, находящийся ко мне ближе всех, в ту же секунду забирает мобильный у меня из рук.

Дыхание обрывается. Незнакомые люди только что против воли отобрали мою вещь. Самую личную из возможных, не считая дневника.

– Присаживайся, – повторяет брюнет, взяв мой телефон и мазнув по нему пальцем. – Да не переживай ты так. Чай с нами выпей, красота. Как зовут?

– Линда, – онемев от страха, выдавливаю я. – Я здесь по работе. Отдайте, пожалуйста, мой телефон.

– А я Дима. Парень твой? – Он разворачивает экран, демонстрируй мне и всем присутствующим наш снимок с Родионом.

От бессилия и унижения мне хочется плакать. А ведь папа меня предупреждал. Говорил, что вокруг много злых и невоспитанных людей.

– Да. Верните мой телефон, пожалуйста. Вы не имеет права.

– А ты не имела права нас снимать. – Положив телефон перед собой, брюнет хищно мне улыбается. – Повезло твоему парню с девушкой. Красивая. Может, ну его на хер и со мной вечер проведешь?

За столом снова раздаются смешки. А мне слабовольно хочется разреветься. От унижения и страха. Что я смогу сделать, если им взбредет в голову затолкать меня в машину? Ничего. Я ничего не смогу сделать.

Где-то в отдалении хлопает входная дверь и взгляды парней как один устремляются мне за спину. Вальяжное выражение слетает с лица Димы, становясь собранным и серьезным.

Воспользовавшись общим отвлечением, я тоже оборачиваюсь и едва не всхлипываю от облегчения. В кальянную вошел Север.

Парни по очереди встают и почтительно пожимают ему руку. Не в силах поверить своему счастью, я просто жду, когда он меня заметит. Поздоровавшись с брюнетом, подошедшим к нему последним, взгляд Севера наконец падает на меня, а его брови удивленно взлетают вверх.

– Вот так встреча, малая.

– Привет, – сиплю я, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

– Что происходит? – Север оценивающе пробегается по лицам парней, которые теперь выглядят растерянными. – Седой. – Нахмурившись, он смотрит на брюнета. – Ты что,

блядь, творишь?

Лидерские амбиции Димы в присутствии Севера стремительно улетучиваются. Неловко шаркнув ногой, он словно нашкодивший школьник покорно отчитывается:

– Девушка нас сфотографировала. Я пригласил ее к столу, убедиться, что она удалила снимок.

Взгляд Севера падает на мой телефон, лежащий на другой половине стола. Его челюсть раздраженно дергается.

– Давай за мной. – Он делает короткий кивок головой, адресованный брюнету. – А ты, Сеня, меню гостье принеси. Пусть пока закажет что-нибудь за счет заведения.

33

Я дрожащими руками подношу ко рту чашку с чаем, любезно принесенную Юрой, тем самым парнем, который меня встретил. Появление Севера ни для кого не прошло бесследно. Юра, исчезнувший именно в тот момент, как Дима с компанией стали надо мной издеваться, теперь вертится вокруг меня ужом, не зная, что услужить, а остальные парни опасливо косятся.

– Ты ведь Линда, да? – Один из них подходит ко мне, заискивающе улыбаясь. – А ты чего не сказала, что Севера знаешь? Мы ведь сразу не поняли. Смотрим, девчонка какая-то фотографирует ходит без спроса. Вот и решили немного проучить.

Ничего не ответив, я сильнее втягиваю голову в плечи. Отсутствие нужных знакомств в моем понимании не оправдывает торжество силы и жестокость. Меня до сих пор трясет от страха и унижения. Чем я это заслужила, просто фотографирюя?

– Может салат какой-нибудь вам приготовить? Или десерт принести? – никак не уgomонится Юра.

– Ничего не нужно, – шепотом отвечаю я, по-прежнему избегая поднимать голову. – Я сейчас уже поеду.

С раздавшимся хлопком двери все как один поднимают головы. В сопровождении понурого Димы в зале появляется Север.

– Седой хочет сказать тебе пару слов, – сообщает он, подойдя к моему столу.

Темноволосый выходит вперед и, не поднимая глаз, бормочет:

– Извини, что так грубо себя повел. Это было непозволительно. За то, что отобрал телефон прошу прощения отдельно. Был не прав. Мы все были не правы. – Он кивает на своих приятелей.

Растерявшись, я перевожу взгляд с него на Севера. Лицо последнего остается каменным.

– Ответь что-нибудь, малая. Если извинения не устроили, Седой уйдет дальше думать, как попросить у тебя прощения.

Испугавшись, что придется провести здесь еще больше времени, я быстро мотаю головой.

– Нет-нет. Все в порядке. Этих извинений достаточно.

Брюнет поворачивается к Северу и лишь после того, как получает утвердительный кивок, отходит.

– А ты почему только чай пьешь? – Север опускается на против. – Закажи еще что-нибудь. Мы все перед тобой провинились.

– Не хочу, – еле слышно отвечаю я, глядя на его сплетенные пальцы. – Я сейчас домой поеду. Хватит с меня на сегодня работы.

– Испугалась? – в его голосе слышится участие.

В уголках глаз снова собираются слезы. Меня так ни разу не унижали.

– Да.

– Ребята уличные, – мягко поясняет он. – С девушками обращаться не научили, но они исправятся.

– Надеюсь на это, – сиплю я, резко вставая. – Я пойду.

Но далеко уйти не удастся, потому что Север перехватывает мое запястье. Этот захватнический жест отчего-то меня не пугает, а удивляет. Настолько, что я застыв, таращусь на удерживающую меня руку.

– Давай отвезу, – медленно и твердо говорит он, глядя мне в глаза. – Куда ты одна в таком состоянии?

Не найдясь, что возразить, я бормочу «ладно», и высвободив ладонь, прячу ее в карман. Кожа на ней пылает огнем.

В сопровождении взглядов парней и подобострастной улыбке Юры мы вдвоем покидаем кальянную. Прижимая

сумку, словно щит, я юркаю в салон автомобиля, и лишь тогда ощущаю себя в относительной безопасности. Настолько, насколько это возможно рядом с Севером.

– На будущее запомни, – строго говорит он, заводя двигатель. – Чувствуешь проблемы – называй мое имя, или сразу звони. В радиусе двадцати километров точно сработает. Если вдруг мое имя какого-то долбоеба не впечатлило – называй фамилию Винокурова. Говори, что его родственница.

Я растерянно хлопаю глазами.

– А... Зачем?

Усмехнувшись, Север смотрит на меня снисходительно.

– Малая, ну ты чего такая малая-то, а? Как будто на другой планете живешь. Просто запомни это и используй при случае. Поняла?

Не осмелившись с ним спорить, я киваю.

– Спасибо тебе. За то, что помог решить с парнями. Я очень испугалась. Они твои знакомые?

– Это молодняк мой, – отвечает он, слегка улыбнувшись. – Расстроили меня сегодня.

– Ты что-то вроде их главного? – Мой взгляд невольно задерживается на его покрытых щетиной скулах.

– Вроде того. Хочешь пообедать куда-нибудь заедем? – Север поворачивается и мне приходится спешно отводить глаза. – В кальянной поесть не получилось.

Я прикусываю щеку. Внутренний голос моментально напоминает о том, что я пообещала себе держаться от него по-

дальше, но есть и второй, который требует, чтобы я немедленно приняла приглашение. В благодарность за спасение и потому что на деле я тоже голодна.

– Если только ненадолго, – еле слышно говорю я, отвернувшись к окну.

– Не надо смущаться, малая, – долетает веселый голос Севера. – Мне вообще сложно противостоять.

34

– Не смотри на интерьер, малая, – усмехается Север, глядя, как я робко озираюсь по сторонам. – Обстановка здесь может и не пятизвездочная, но кухня лучшая в этом районе.

– Да нет, здесь вполне мило, – бормочу я, испугавшись быть уличенной в высокомерии. Хотя сама бы я такое место точно не выбрала. Из колонок звучит восточная музыка, а интерьер, как он верно подметил, далек от презентабельности. Обычные квадратные столы, накрытые синтетическими скатертями, безвкусные картины на стенах, дешевые стулья.

– В меню можешь не заглядывать. – Север подзывает официанта и сходу наговаривает ему заказ: двойную порцию шашлыка, овощи на гриле, салат и две бутылки лимонада.

– Я все это не съем, – бормочу я.

– Подожди пока принесут, – с улыбкой замечает он. – Ты такого мяса ни в одном ресторане не ела.

Я снова не могу не отметить несоответствие его внешне-

го вида с этим местом. Одна его обувь стоит как весь этот зал. Пожалуй, кухня никогда не была моим приоритетом настолько, чтобы ходить в некрасивые заведения. Я сразу начинаю думать, что персонал не соблюдает гигиену.

– В следующий раз отведу тебя в другое место, – продолжает он, оценив выражение моего лица. – Я был голоден, а здесь готовят вкусно и быстро. В том же Тео еду несут долго, и не факт, что наешься.

Не выдержав, я улыбаюсь. Родион в последний раз тоже возмущался, что в «Тео» порции стали крошечными. Мол, что поел, что музыку послушал.

– А я-то уже подумала, что ты сэкономить хочешь.

Глаза Севера весело вспыхивают.

– Наконец-то язвить начала. Не останавливайся.

Сгримасничав, я лезу в сумку под предлогом найти жвачку. Шок от инцидента в кальянной окончательно прошел и меня по обыкновению начинает смущать внимание Севера.

По поводу того, что еду здесь приносят быстро он кстати не соврал. Уже через пять минут перед нами стоят огромные тарелки салата, а еще через десять – блюдо с дымящейся бараниной и шампур с нанизанные шампиньонами и сладкими перцами. Я сглатываю слюну. Не знаю, как на вкус, но выглядит действительно аппетитно.

– Можешь есть руками. – Заметив, как я пытаюсь разделить кусок мяса при помощи ножа, Север подмигивает. – И хватит смотреть с таким подозрением. Я здесь бываю каж-

дую неделю и ни разу не отравился.

– Я не могу не думать о том, что повар здесь не моет руки, – признаюсь я.

– Открою тебе секрет. Везде, где открыто не показан процесс готовки, есть шанс, что повара не моют руки. Поверь мне – количество денег, вбуханных в интерьер, ни от чего тебя не страхуют. Главные сволочи носят самые дорогие шмотки – ты в курсе?

– Ты носишь дорогие вещи. – Я заставляю себя не отводить взгляд. – Ты тоже сволочь?

Лицо Севера пересекает задумчивая полуулыбка.

– Да, я тоже. Но к счастью или к сожалению, есть те, кто гораздо сволочнее.

– Это все странно, – тихо произношу я, подумав.

– Что, например?

– Все. То, что мы сейчас сидим здесь. – Я киваю на стоящее по центру блюдо. – И то, что мы разговариваем, хотя по сути имеем мало общего.

– Не так и мало, значит. Потому что в противном случае разговора бы не получилось.

– Это наверное и пугает меня больше всего. То, что у меня редко складывается общение. Подруга называет меня интровертом с глубоким недоверием к людям. А с тобой мне почему-то легко общаться. Когда ты не ставишь задачей меня смущать.

– Это потому что я вижу вещи без мишуры, которой ты

с ног до головы обвешана. – неожиданно строго произносит Север. – И потому что привык говорить прямо.

Я хмурюсь.

– Что ты имеешь в виду под мишурой?

– То, что, живешь ее по заветам кого угодно, но не собственным. Ходишь в места, которые тебе не нравится, потому что так хочется твоему парню, терпишь его друзей-мудачков, скрываешь то, что стала работать. Тебе двадцать один, а ты до сих пор живешь с оглядкой на своего отца, который нет рядом.

В груди печет так, что становится больно вздохнуть. Одной фразой Север озвучил недовольство, с которым я живу годами и которое стало явным только сейчас.

– У нас с тобой разное прошлое, – шепчу я. – Думаю, ты не вправе меня осуждать.

– Я тебя и не осуждаю, малая. Просто говорю, что пора вылупляться из скорлупы.

Ничего не ответив, я откладываю вилку, беру кусок шашлыка кончиками пальцев и откусываю.

– Так, оказывается, действительно удобнее.

Север ослепительно мне улыбается.

– Ну а я что говорил. На следующей неделе будет на базе будет проходить гонка квадроциклов для своих. Я приглашаю. Домой верну до двенадцати в целости и сохранности. Если не попросишь другого.

Той же ночью Север неожиданно мне снится. Мы в каком-то поле, попали под дождь и вымокли насквозь, обнимаем друг друга, чтобы хоть немного согреться. Сон настолько реалистичен, что я еще десять минут лежу, часто дыша. Кожа будто все еще чувствует касание крепкого мужского тела, а футболка ощущается сырой. Мотнув головой, я прижимаюсь к мирно спящему Родиону. Во сне со мной должен был быть Север, а не он.

Ведомая чувством вины, усиленная недавним обедом с Севером, о котором я разумеется никому не сказала, всю неделю я стараюсь быть особенно внимательной к Родиону. Готовлю его любимые равиоли с уткой и тыквой, делаю массаж головы и по мере возможности сглаживаю любые конфликты. Стараюсь от всей души, и к пятнице меня наконец отпускает.

– Малышка, завтра Макар к себе за город зовет, – сообщает Родион утром за завтраком. – У него родители в Испанию улетели.

– И он сразу решил устроить вечеринку с пивом? – иронизирую я, не в силах не среагировать на нелюбимое имя.

– Мы же не будем снова из-за него ругаться?

Я выдавливаю дежурную улыбку.

– Нет, не будем. Спасибо за приглашение, но я пас.

– Ну хватит, малышка. – Родион делает скорбное лицо. – Будет хорошая компания, бильярд, бассейн. Утром вернемся обратно. Не хочу без тебя спать.

Внутри шевелится чувство долга. Он хочет провести время с друзьями и не хочет спать без меня. Не так уж сложно покинуть в сумку вещи, проехать полсотни километров до места, где я не слишком хочу находиться, посидеть пару часов за общим столом, а потом тихо уйти спать. Я делала так много раз.

Однако сейчас игнорировать внутреннее сопротивление становится невозможным. Я чувствую его каждой клеткой. В голове звучит слова Севера, сказанные во время нашей последней встречи. «Ты живешь по заветам кого угодно, но не собственным. Ходишь в места, которые тебе не нравятся, потому что так хочется твоему парню, терпишь его друзей-мудаков».

И ведь правда! С чего я решила, что всякий раз обязана наступать себе на горло, потому что так хочется кому-то другому? Родиону, Винокурову-старшему... Да даже папе! Мне двадцать один. Уже целых двадцать один, а я порой ощущаю себя бесправной школьницей, которой все еще непозволительно принимать самостоятельные решения и жить своими мозгами.

– Извини, но я все еще пас. – От волнения я поднимаюсь и машинально направляюсь к кухонному гарнитуру. – Нет настроения на компанию и ночевку вне дома. Но я совсем не

против, если ты поедешь один.

Родион выглядит разочарованным. Выходные – это время, которое он привык проводить с друзьями.

– Говорю же: не хочу без тебя спать.

– Ты всегда можешь остаться. – Пожав плечами, я лью в стакан воду. – Посмотрим сериал или в кино сходим.

– Может так и сделаю, – буркает он, отодвигая тарелку с недоеденным бутербродом. – Ладно, я на работу поехал. Позвоню ближе к обеду.

Судя по тому, что прощального поцелуя не последовало, Родион на меня обиделся. Чувство вины снова поднимает голову, и я снова думаю, что возможно зря отказалась. Но потом напоминаю себе, что мои желания и интересы тоже имеют вес, и вероятно, не меньший, чем желания и интересы Родиона. С такими мыслями сажусь за ноутбук. На днях дизайнер прислала макет оформления для соцсетей и теперь необходимо пустить их работу.

Вообще, работать мне нравится. В течение дня и перед сном обдумываю варианты продвижения врученных мне объектов, и если что-то в последствии удастся реализовать, радуюсь как ребенок. Впервые в жизни у меня появилось что-то помимо учебы, за что нужно нести ответственность, с которой я, судя по словам Дарины, успешно справляюсь. Это придает мне уверенности в собственных глазах.

С макетом я вожусь до самого вечера, и отвлекаюсь лишь когда в замке поворачивается ключ. Быстро сворачиваю ок-

на и выхожу в прихожую встречать Родиона. Улыбаюсь. Он принес пиццу, что означает перемирие.

– Одна с сыром, другая с пепперони? – Чмокнув его в щеку, я забираю коробки.

– Как всегда. – Сбросив обувь, он проходит в гостиную и плюхается на диван. – Что смотреть будем?

– Выбирай твой вкус, – скромно отвечаю я, желая быть благодарной за проявленную инициативу.

Спустя пятнадцать минут мы сидим перед телевизором с пиццей и кока-колой и смотрим недавно вышедший триллер. Хотя я и не очень их жалею, потому что потом плохо сплю.

– Мне фильм на паузу поставить? – Я вопросительно смотрю на Родиона, который быстро печатает в телефоне. Уже в третий раз за последние полчаса.

– Нет, не нужно. – Отложив мобильный, он успокаивающе гладит меня по ноге. Однако когда спустя минуту ему приходит очередное сообщение, берется за него снова.

Шумно вздохнув, я обнимаю себя за плечи. Терпеть не могу, когда он так делает. словно моя компания недостаточно хороша для пятничного вечера тет-а-тет.

Допечатав ответ, Родион встает и уходит в спальню. А когда выходит, я вижу, что он сменил толстовку.

– Короче, мне там Макар пишет, – переступив в ноги на ногу, он треплет себя за волосы, так словно ему неловко. – Гера и Рома уже на даче у него. Говорят, давай приезжай. Они шашлыков полтонны купили, а уголь забыли, придурки.

– И ты едешь их спасать, – констатирую я, ощущая вспышку разочарования и обиды за то, что вот так легко он прерывает наш домашний кинопросмотр.

– Поехали вместе? – Родион смотрит на меня с надеждой. – Ты же знаешь, что я буду рад.

Я мотаю головой, избегая на него смотреть. Обида разрастается, выталкивая на поверхность сознания скабрезную мысль о том, что детей нам заводить действительно рано. Потому что Родион сам порой ведет себя как подросток, не готовый упустить шанс повеселиться.

– Не хочу. Хорошего вечера.

Подойдя, он зарывается лицом мне в волосы.

– Я тебя очень люблю. Ты не думай, что там телки какие-то будут. Позвоню тебе оттуда по фейстайм, чтобы ты не сомневалась. А если завтра у тебя настроение изменится – вызову тебе такси, чтобы приехала. Там Гриша с Мариной приехать собирались. Ты вроде с ней хорошо ладишь?

Я молчу. Не думаю, что Родион срывается за город, чтобы мне изменять, но менее обидно почему-то не становится. И вдвойне обидно видеть, как сильно ему неймется, и как спешно он уезжает. Думаю, если бы я устроила скандал по поводу того, что он бросает меня в пятничный вечер, он был бы готов откупиться даже деньгами.

– Ладно, езжай. – Щелкнув пультом, я выключаю экран. – Я пораньше спать лягу.

– Устала, да? – Родион заискивающе ловит мой взгляд. –

Надо тебе абонемент в спа купить. Походишь на массаж.

Закрыв за ним дверь, я плетусь в спальню. Может быть, дело в том, что это я скучная?

Телефон пикает. Я ожидаю увидеть очередную порцию заискиваний от Родиона, однако вместо этого приходит сообщение от Севера.

«Подумала насчет поездки? Завтра с утра стартуем»

Пuls учащается, разгоняя кровь по телу. То есть про соревнования он не просто так сказал?

«Во сколько?», – печатаю я, начиная нервно расхаживая по комнате.

«Отпроситься сможешь? В семь заберу».

Я перечитываю это сообщение несколько раз, ища в нем доказательство того, что не такая уж я и скучная. Упав разгоряченной щекой на подушку, отправляю короткое «ок» и зачем-то выключаю телефон.

36

– Ни минутой позже, ни минутой раньше, – констатирует Север, когда я, вибрируя от волнения, забираюсь в его внедорожник.

– Люблю быть пунктуальной, – отчего-то избегая на него смотреть, я набрасываю ремень безопасности. Мне неловко, что я, будучи в отношениях Родионом, так запросто согласилась поехать на базу с ним. И хотя ничего криминального

в моих планах нет и домой я вернусь до того, как стемнеет, в душе я знаю, что поступаю не слишком порядочно. Особенно с учетом открытого интереса Севера ко мне.

– Выглядишь свежо. Хорошо спала?

– Да, – вру я, приглаживая волосы. На деле я полночи глаз не сомкнула, а свежим видом обязана контрастному душу, тональному крему с эффектом сияния и крепкому кофе.

– План такой, – продолжает он. – Через час начинается заезд, потом банкет для участников. После этого предлагаю покататься на гидроциклах.

– Насыщенная программа. – Я наконец решаюсь к нему повернуться. – А много будет участников?

– Со мной десять человек. – Взгляд Севера прочерчивает линию от моего подбородка до пояса джинсовых шорт.

– Ты тоже участвуешь?

– А как же, малая. Не могу упустить шанса стравить ад-реналин. Ты, кстати, машину водишь?

– Вожу, но не очень хорошо. – Я непроизвольно морщусь. – Практики давно не было.

После этих слов машина неожиданно снижает скорость, и спустя метров сто останавливается вдоль обочины. Я озадаченно смотрю на Севера. Мол, и что это значит?

– Ты поведешь, – поясняет он, толкая водительскую дверь. – Я почти сутки баранку крутил. Отдохну немного.

Это предложение вызывает во мне всплеск протеста. Ни при каких условиях я не сяду за руль его дорогущего внедо-

рожника. Во-первых, мы находимся на оживленной трассе, где машины носятся со скоростью света, во-вторых, я действительно ужасный водитель и за рулем не сидела с момента как получила права.

– Я не сяду. – Вжавшись в обивку, я смотрю на Севера, намеревающегося занять пассажирское кресло. – Не хочу брать ответственность за чужую жизнь и имущество.

– Хватит трусить. В машине есть круиз-контроль. От тебя нужно будет только слегка подруливать. – С этими словами Север наклоняется вперед и отстегивает мой ремень безопасности. Его шея оказывается прямо перед моим лицом, а на коже оседает его пряный мужской запах.

– Я боюсь.

– Страх никуда не денется, если не пытаться его преодолеть.

С бьющимся сердцем смотрю на протянутую мне ладонь и после долгой заминки вкладываю в нее свою руку.

– Умница, – удовлетворенно произносит Север. Спрыгнув на землю, я нетвердой походкой направляюсь к водительскому креслу. Господи, что я творю? Пытаюсь его впечатлить ценой наших жизней? Метров через сто я попросту улечу в кювет, так как хуже меня водит только ребенок.

– Здесь столько кнопок, – бормочу я, вцепившись похолодевшей рукой в рычаг передач.

– Я подумал о том же, когда сел в нее первый раз, – смеется Север. – Для начала пристегнись, затем жми кнопку

«Старт».

Я нервно дергаю карабин, начиная на него злиться. Почему Северу всегда необходимо выводить меня из зоны комфорта. И разве это не безответственно – вверять руль новичку по причине усталости?

– Не нервничай, – комментирует он, когда я суетливо озираюсь в поисках кнопки регулировки сиденья. – Все не так сложно, как кажется. Жизнь – это опыт. Перестаешь получать новый – считай, что не живешь.

– Ты всегда так много философствуешь, или это мое присутствие тебя провоцирует? – огрызаюсь я, вновь вцепляясь в полированную ручку КПП.

Он снова смеется.

– Даже если мы не тронемся с места, попытка того стоила. Люблю, когда ты превращаешься в стерву.

Спустя минуту машина с грехом пополам сдвигается с места. Мои ладони так крепко сжимают руль, что белеют пальцы. Я еду, мать вашу. По трассе. За рулем автомобиля ценой в десятки миллионов.

– Поворотник включи, – роняет Север, расслабленно откидываясь в кресле.

Мой взгляд в панике мечется по панели. Включить поворотник? Прямо сейчас, когда я сосредоточена на том, чтобы нас не убить?

– Первые десять минут самые сложные. Потом начнешь получать удовольствие.

– Ты инструктором в свободное время подрабатываешь? – в отчаянии лепечу я, косясь на проносящиеся мимо машины. – Откуда такая уверенность?

– У тебя и с чувством юмора все в порядке. – Потянувшись, Север нажимает какую-то кнопку. – Теперь машина едет сама. Если вдруг почувствует помеху, начнет сама тормозить.

Убедившись, что машина уверенно держится на дороге, я немного расслабляюсь, а спустя полчаса езды действительно ощущаю подобие эйфории. Уж очень это сладкое и непривычное чувство: управлять серьезной техникой, которая беспрекословно тебе подчиняется. С успехом делать то, на что, по мнению многих, ты не был способен. За три года отношений Родион ни разу не дал мне сесть за руль своей машины. Я и не просила, но он и не предлагал.

– Как ощущения, малая?

– Хорошие. – Не рискнув отвести взгляд от дороги, я широко улыбаюсь. – У тебя классная машина. Видимо, поэтому ее легко водить.

– Водить не сложно. Теперь ты сама в этом убедилась. Страхи живут лишь в голове.

Меня разбирает смех.

– Ты, что, смотрел Пятьдесят оттенков? Там главный герой так говорил.

Боковым зрением я вижу, что Север смотрит на меня с непониманием, и оттого начинаю смеяться еще громче. Мне

вдруг стало весело без причины. И хорошо так, как очень давно не было.

– Что такое пятьдесят оттенков?

Выпустив руль из рук, я тру уголок глаза, намокшего от слез.

– А тебе точно тридцать два, дядя Север? Разговариваешь, как бумер (понятие «бумер» относится к людям, которые родились в период с 1945 по 1964 года, во время так называемого беби-бума – прим. автора)

– Причем здесь бумер?

От новой вспышки смеха сводит живот. Это оказывается так здорово – ехать за рулем по трассе и от души смеяться.

– Доедем до места – надаю по заднице, – шутливо ворчит Север в ответ на мой нескончаемый хохот. – Никакого уважения к старшим.

37

– Давай-давай-давай, – шепчу я себе под нос, глядя как черно-желтый квадроцикл, подпрыгивая, несется по ухабам. Север отстает от лидера на каких-то пять-семь метров и имеет все шансы выиграть гонку. – Давай-давай, миленький, ну пожалуйста!

В крови ревет адреналин, сердце ухает. Я-то полагала, что абсолютно равнодушна к спорту, но нет. Веду себя как ярая болельщица.

– Бля-я, неужели Бычка сделает? – то ли недоуменно, то восхищенно тянет мужчина по соседству.

– Тот тогда в запой на неделю уйдет, – иронично комментирует его сосед в бейсболке. – Блядь, смотри, он его чуть в жопу не боднул. Север лютый пиздец. Адреналинщик хренов.

Я раздраженно поджимаю губы. А ты тогда хренов балабол. Разве дело только в адреналине? То, что оставшиеся восемь участников гонки плетутся где-то позади, говорит о том, что Север как минимум превосходит их в технике езды.

До финиша, обозначенного флажками, остается всего метров сто. Прижав ладони к груди, я беззвучно молюсь о том, что Север выиграл. Пожалуй, ничего важнее в эту минуту для меня не существует – насколько сильно я прониклась соревновательным духом.

– Давай-давай... Еще немного... Поднажми...

Я обреченно закатываю глаза, когда квадроцикл с красной полосой срывает флажок первым. Север приезжает к финишу спустя каких-то пару-тройку секунд.

Скинув шлем, он широко улыбается. Я чувствую огромное облегчение. Была уверена, что такому, как он, поражение дается непросто.

Участник, приехавший первым, тоже спрыгивает на землю, пожимает Северу руку, после чего они обнимаются. Кажется, они друзья, судя по тому, как весело и оживленно разговаривают.

Потом взгляд Севера находит меня, скромно стоящую в стороне, и его лицо озаряет озорная улыбка. Подмигнув, он треплет по плечу победителя и направляется в мою сторону.

– Как тебе гонка, малая? – На его загорелом лице блестят капли пота, глаза ярко сияют. Повернувшись, он здоровается с теми самыми мужчинам, которые недавно его обсуждали.

– Ну ты лютый вообще, – весело повторяет тип в бейсболке. – Чуть Бычка не уделал.

– Гонка мне понравилась, – отвечаю я, решив не пасовать перед наличием других собеседников. – У тебя был сильный соперник. И ты отлично выступил.

– Да, соперник что надо, – Север смеется, обнажая белые ровные зубы. – Федя – чемпион этого года по трофи-рейду.

– А что такое трофи-рейд?

– Гонки по бездорожью, – поясняет он, вытирая лоб рукавом черной форменной куртки.

– Я Лешему и говорю, – по смехом говорит второй мужчина. – Бычок в запой уйдет, если Север его дернет. Ты как в зад ему въехал, я думал, все – загасишь по старинке.

После этих слов моя враждебность к ним испаряется. Ясно теперь, что они вовсе не иронизировали над Севером, а восхищались тем, что он чуть не обошел чемпиона.

– Ты ничуть ему не уступал, – выпаливаю я. – Я даже сразу и не поняла, что он какой-то заслуженный.

Поняв, что выразилась двусмысленно, я краснею. Видимо, всерьез переволновалась, если стала нести такую чушь.

– Ладно, мы пойдем. – Север пожимает руки своим знакомым. – Вы на банкет остаетесь?

– Ради него и приехал, – хохотнув, отвечает мужчина в бейсболке. – Шучу. Еще раз поздравляю со вторым местом. Позже увидимся.

– Ну, что, малая? Проголодалась? – Приобняв за плечи, Север увлекает меня за собой.

На нас моментально устремляются любопытные взгляды, от которых становится неуютно. Севера здесь знают если не все, то большинство точно. Однако попросить убрать ладонь не могу. По какой-то причине мне приятно это собственническое прикосновение.

– Не очень, если честно. Кажется, переволновалась из-за гонки.

– За меня переживала? – Глаза Севера искрятся озорством.

– За то, как ты едешь, – поправляю я, слегка порозовев.

– Искупаться в реке не хочешь? А то мне срочно нужно в душ.

Мое сердце делает очередной кульбит. Искупаться – означает раздеться как минимум до белья. Искупаться вместе – это снова увидеть Севера полуголым.

– А вода не холодная? – мямлю я, глядя себе под ноги.

Северу не нужны лишние подтверждения тому, что я уже согласилась. Усмехнувшись, он берет мою руку и ускоряет шаг. Как и всегда, читает меня как раскрытую книгу.

– Могу отвернуться, если стесняешься, – улыбается он, расстегивая свои брюки-карго.

Помедлив, я берусь за пуговицу на шортах. Белье на мне более, чем скромное, и к тому же он уже видел меня в купальнике.

– Это необязательно. – Я делаю заносчивое лицо. – Мне нечего стыдиться.

– Это безусловно. – Север выразительно оглядывает меня с ног до головы, отчего по коже разносится горячее покалывание. Кажется, он только что сделал мне комплимент.

Скинув майку, я забегаяю в реку, чтобы долго не находится под его взглядом.

– Чего ты там возишься?! Вода просто супер!

Шутливо погрозив мне кулаком, Север избавляется от футболки и с разбега ныряет в воду. Перед глазами возникает укоризненное лицо Родиона. Набрав в легкие побольше воздуха, я погружаюсь на дно, чтобы избавиться от чувства вины, вызванного этим видением. Ничего предосудительного я не делаю. Родион проводит время с друзьями, и я тоже.

– Освежился? – Откинув с лица мокрые пряди, я смотрю, как Север плывет ко мне.

– Да. Как будто заново родился.

По мере того, как расстояние между нами сокращается, натяжение в нервах становится все более ощутимым. Сделав несколько взмахов руками, я предпринимаю попытку сохранить безопасную дистанцию, но безуспешно. Лицо Севера

оказывается прямо перед моим через несколько секунд.

– Что мальчику своему сказала? – Его взгляд чертит линию вдоль моего подбородка. – Или он не из ревнивых?

– Родион у друзей. Мы пока не созванивались. – Мне с трудом удастся шевелить губами. – Я же все равно вернусь домой после обеда.

– Не передумашь?

От опасных нот в его голосе низ живота сжимается. Я делаю судорожное движение ногами, чтобы отодвинуться, но в то же мгновение талию обхватывает его ладонь. Ребра вдавливаются в каменный пресс, в голову ударяет крепкий мужской запах.

С колотящимся сердцем я смотрю на ярко-очерченные губы, находящиеся напротив моих. Подайся я вперед совсем чуточку – то могу их коснуться. И самое ужасное заключается в том, что мне очень хочется это сделать. Хочется, чтобы Север сжал мое тело крепче, хочется попробовать на вкус его кожу, хочется ощутить вкус его языка.

– Отпусти, – еле слышно лепечу я, уперевшись ладонью ему в грудь. – Это неправильно.

Его глубокий вздох оседает на коже. На короткое мгновение ладонь на моей талии сжимается сильнее, после чего я снова чувствую свободу.

«Только что проснулся. Голова трещит ужасно. Олег гитару притащил, и мы до утра песни горланили:)))) Соскучился по тебе очень сильно. Ты как? Чем занимаешься?»

В другой раз меня бы непременно оскорбил и расстроил факт того, что проведя сутки порознь, Родион предпочитает общаться со мной в сообщениях. Сейчас же чувствую лишь облегчение, что нет нужды искать укромное место и прятать глаза от камеры.

«Вышла прогуляться. Рада, что ты хорошо провел время. И я тоже по тебе соскучилась».

Каждое напечатанное мной слово – пресное как бумага и не имеет вкуса. Я написала то, что была должна, а не то, что чувствую сердцем. Соврала, что вышла на прогулку, находясь за десятки километров от дома. И про то, что соскучилась – тоже. Любые мои эмоции по отношению к Родиону подавлены чувством вины.

«Я немного отлежусь, в баню схожу и выезжаю к тебе. Выбери фильм какой-нибудь посмотреть на вечер».

«Хорошо», – печатаю я, прикусив губу до крови.

Убрав телефон в карман, обессиленно прислоняюсь к бревенчатой стене. Я все глубже увязаю в болоте лжи, и не знаю, как из него выбраться. Точнее, не нахожу в себе сил. Для того, чтобы вновь обрести твердую почву, нужно закончить

любые отношения с Севером: как рабочие, так и дружеские. Общение с ним сбивает меня с курса, толкает на обман, искушает. Пытаться ему противостоять бесполезно – Север гораздо сильнее меня и к тому же свободен от обязательств.

– Ты чего тут одна грустишь, красавица? – грубоватый мужской голос заставляет меня вздрогнуть и поднять голову.

В нескольких метрах стоит плечистый парень на вид лет двадцати восьми. Его взгляд бесцеремонно ощупывает мои голые ноги.

– Я не грущу. – Выпрямившись, я обнимаю себя руками. – По телефону разговаривала.

– На гонку посмотреть приехала, или просто потусить?

Я нервно оглядываюсь. Идиотка. Для чего я ушла так далеко от ресторана?

– На гонку. Уже домой собираюсь.

– Как зовут? Ты одна или с кем-то?

– С кем-то. Я пойду.

– Давай провожу. Народу сегодня полно. Вдруг кто приставать начнет.

Я снова ощущаю беспомощность. Совсем как тогда в калянной.

– Спасибо большое. Провожать не нужно. Меня ждут.

– Кто ждет?

– Север.

– Север? – Взгляд парня меняется, становясь внимательным и настороженным. – Север, который Север? – Сощури-

шись, он обводит воздух указательным пальцем.

Я неуверенно киваю, ощущая себя лгуньей. Север не мой мужчина, чтобы открыто заявлять о том, что нахожусь здесь с ним.

Мои колебания не остаются без внимания. Взгляд моего непрошенного собеседника перестает быть озадаченным, и нем вновь появляются проблески наглости и самодовольства.

– И давно вы встречаетесь?

– Мы не встречаемся, а дружим, – тихо говорю я.

Ответом мне становится громкий издевательский смех.

– Подруга Севера? Это что-то новенькое.

– Я пойду, – повторяю я, ощущая, как кожу дерет холодом.

В этот момент я себя презираю. За то, что настолько трусиха, за то, что настолько не приспособлена к жизни, что каждый считает своим долгом меня запугать.

– А я думаю, куда ты пропала. – Знакомый голос заставляет меня беззвучно охнуть и обмякнуть. Если бы это было уместно, я бы бросилась Северу на шею.

– Я как раз собиралась идти к тебе. – Я пытаюсь сделать вид, что не напугана до смерти, но дрожь в голосе меня выдает.

При виде Севера мой собеседник меняется в лице. Даже немного бледнеет.

– Тимур Аязов. – Представляется он, поймав тяжелый взгляд Севера.

– Я в курсе, кто ты.

Проигнорировав протянутую руку, Север поворачивается ко мне.

– Все в порядке?

– Да. – Я юркаю ему за спину и лишь тогда чувствую себя в безопасности. – Пойдем?

– Мы просто общались, – натянуто произносит парень, избегая смотреть на меня. – Мне показалось, что она потерялась и я предложил проводить.

– За ней есть кому присмотреть, – отрезает Север, полоснув его ледяным взглядом. – Гонка уже закончилась, так что тебе пора уезжать. Банкет только для своих.

Ничего не ответив, парень разворачивается и уходит.

– Кто это? – спрашиваю я, глядя в его удаляющуюся спину.

– Залетный, – в голосе Севера читается неприязнь. – На квадроцикле кататься будешь?

39

Я мотаю головой.

– Нет, мне домой нужно.

Сощурившись, он смотрит мне в глаза так, словно хочет заглянуть гораздо глубже.

– Точно?

– Да, – выдавливаю я, потупившись. – Скоро Родион до-

мой вернется.

– Хорошо. – По голосу Севера не скажешь, что он разочарован или зол на меня. – Пойдем поедим, а потом я тебя отвезу.

Кивнув, я молча следую за ним. Надо прекращать эту двойную игру. Север вправе не придавать значение нашим с Родионом отношениям, но сама я обязана уважать их и защищать. Можно сколько угодно оправдывать себя тем, что я не перехожу грань дозволенного, но это будет враньем. То, что Север касался меня как мужчина, и то, что он открыто заявляет о том, что непрочь заняться сексом – веская причина, чтобы держаться от него в стороне.

– Шашлык будешь, малая? – Он оглядывается. – Как раз должны принести.

Пробурчав «угу», я с отчаянием понимаю, что прекратить контакт с ним будет сложно. Гораздо сложнее, чем представляется. Помимо папы, Полины и Родиона в моей жизни долгое время не было других близких людей. Те, кому бы я была безразлична и кто бы обо мне заботился. Север ведет себя так, будто я действительно ему интересна, и дело не только в сексуальном подтексте. А еще я ним я могу говорить откровенно, и он определенно обо мне заботится. За короткое время между нами возникло много привязок, разорвать которые будет довольно болезненно. По крайней мере, для меня.

Ресторан полон народа, от чего я моментально ощущаю

себя неуютно. Словно почувствовав это, Север берет меня под локоть и по-свойски ведет к дальнему столу.

– Кто не знаком, это Линда, – громко объявляет он, представляя меня компании мужчин, среди которых я вижу знакомые лица. Игорь – друг Севера, которого я встретила в баре с официантками-стриптизершами, и мерзкий брюнет, пристававший ко мне в кальянной. – Прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте. – Стараясь не выглядеть напуганной и робкой, я обвожу стол взглядом.

– Коля! – Север поднимает руку. – Шашлыка нам принеси двойную порцию твоего фирменного. И овощей на гриле. Ты пить что будешь? – Его ладонь заботливо касается моей лопатки.

– Сок яблочный, если можно, – отвечаю я, ощущая, как сердце горячо ухает.

Со стороны все выглядит так, что будто он мой мужчина, а его девушка, и наши отношения ни для кого не секрет.

На короткое мгновение я позволяю себе проникнуться этой иллюзией и представить, что я и Север – пара. Долгое время я полагала, что единственный партнер для меня – Родион, и даже мысль о другом мужчине представлялась невозможной. Что я при этом чувствую?

Первое, что приходит на ум – это уверенность и свобода. Свободу быть собой и уверенность в собственных силах. Еще восхищение и гордость за то, как непринужденно Север

умеет себя вести и как легко подчиняет других своей воле.

Нахмурившись, я мотаю головой. Хватит. У меня есть Родион, а Север предназначен кому-то другому.

– Как учеба, красавица? – весело окликает меня Игорь. – Сессию сдала?

– Практически «на отлично», – в тон ему подтверждаю я, будучи польщенной тем, что он помнит меня и даже решил первым завязать разговор.

– Молодчина. Гонка тебе как? Видела, как Север чуть чемпиона страны не сделал?

– Шаман, хватит, – Север шутливо морщится. – Кукарекаешь об этом на каждом углу.

– Радуюсь твоим успехам, друг, – смеется тот, и его смех моментально подхватывают остальные.

Мне вдруг становится весело. В компании я редко ощущаю себя «своей», но сейчас именно тот случай.

– Да, я видела. Мне тоже очень понравилось. – Глядя на Севера, я с улыбкой цитирую слова его приятеля в бейсболке: – А как ты Бычка боднул. Думала, загасишь по старинке.

Его брови удивленно взлетают вверх, следует новый взрыв хохота.

– Хороша малая, – со смехом комментирует Игорь. Кажется, он здесь единственный, кто говорит с Севером на равных.

– Точно по заднице получишь. – Север шутливо сжимает мое колено под столом.

Шутливо сгримасничав в ответ, я тоской смотрю на на-

стенные часы. Сейчас мне впервые хочется, чтобы Родион не торопился вернуться домой.

40

– А как же баня, Север? Я, может, только ради нее сюда и приехал.

– Хуже без меня она не станет. – Север мечет в меня веселый взгляд. – Мне малую надо домой отвезти.

Игорь вопросительно смотрит на меня.

– Неужели учебники не ждут? Ты посмотри, какая тут природа.

– Мне надо, – мямлю я, не в силах озвучить истинную причину потребности уехать.

– Оставь ее, Шаман. Я вернусь часа через два. Ты и соскучиться не успеешь.

– Извини, что доставляю столько хлопот, – тихо говорю я, когда мы выходим из ресторана. – Может, мне такси лучше вызвать?

Я сама знаю, что вернуться домой на такси, будет гораздо лучше, однако внутри все противится этому варианту. Мне настолько полюбились наши с Севером разговоры, что я буду глубоко разочарована, если он согласится. Мол, да, малая, поезжай-ка ты лучше на такси.

– Только давай без этого. Я ведь сказал, что верну в целости и невредимости. Рассчитывал правда сделать это поз-

же. – Он с иронией смотрит на меня. – Но уж имеем то, что имеем.

Наверное, именно это мне так импонирует в Севере. То, что сказанное им никогда не расходится с делом. Даже представить не могу, чтобы он пообещал провести с кем-то время, а потом вдруг заявил, что передумал и ему нужно быть в другом месте. Как это, к примеру, сделал Родион.

– У тебя классные друзья, – решаю я сказать, когда машина выезжает за ворота.

– Ты про Игоря? Да, он веселый.

– Вы давно дружите?

– Дружим? – Север слегка морщится, словно ему не слишком пришлось по вкусу это слово. – Довольно давно. С Шаманом у нас своя история. Я многим ему обязан, а он – мне.

– Он часто тебя выручал?

– Когда отец погиб, он его хоронил вместо меня.

Я закусываю губу. Мне почудилось, что его голос дрогнул.

– А где был ты?

– Далеко. Не было возможности приехать.

– Мне очень жаль. Представить не могу, каково это – не иметь возможности проводить папу в последний путь. Когда папе вынесли обвинительный приговор, я чуть сознания не лишилась. Не знала, как смогу жить без него. Но вот, живу как-то. И даже хорошо время проводить умудряюсь.

– Со всем можно справиться и ко всему привыкнуть, если внутри себя нужные вопросы порешать, – комментирует

Север, глядя перед собой.

– Наверное. И твоя мама, выходит, винит тебя за то, что ты не присутствовал на похоронах?

Он кивает.

– И за это в том числе.

– Не хочешь об этом говорить?

– Не вижу смысла. Свою мать я на сто процентов понимаю, а сочувствия мне не нужно. Смерть отца я уже пережил.

– Извини, – тихо роняю я.

Север смотрит с недоумением.

– За что?

– Если со стороны все выглядит так, словно я пытаюсь залезть к тебе в душу. Я знаю, что не слишком хорошо умею поддерживать беседу. Как ты наверное заметил, я не душа компании.

– Сегодня ты была очень даже компанейской. Вместе с Шаманом надо мной шутила.

– Скорее, это была случайность. Коммуникация моя слабая сторона.

– Ерунда. Со мной ты легко общаешься и местами даже зубоскалишь.

– С тобой у меня действительно это получается лучше, чем с остальными. А почему – для меня загадка.

Повернувшись, он ослепительно мне улыбается.

– Я уже говорил – это потому, что я обаятельный.

– Не только поэтому.

Разозлившись на себя, я отворачиваюсь к окну. Что я опять делаю? Говорю себе, что мне нужно держаться от Севера на расстоянии, и в тот же момент сама пытаюсь вести с ним задушевные разговоры.

– Эй, малая. Чего притихла? Музыку прибавить?

Я киваю. Приподнятое настроение стремительно угасает из-за растущей неприязни к самой себе. Я вру всем и каждому. Потому что настолько запуталась в чувствах и мыслях. Потому что не хватает духа из всего этого выбраться, приняв единственно верное решение.

– А почему ты женат не был? Возраст вроде тот самый.

– Просто так получилось. – Север усмехается. – Это никогда не поздно исправить.

Я бормочу «угу». Представлять его семьянином с окружении жены и детей не слишком приятно.

– Я раньше думала, что не создана для езды за рулем. Что недостаточно внимательная и смелая, чтобы водить. Мне вообще часто кажется, что я не могу делать половину тех вещей, которые легко даются другим. Спасибо, что дал мне шанс убедиться в обратном.

– Все у тебя еще впереди, малая. Какие твои годы.

К дому мы подъезжаем, когда начинает смеркаться. Север останавливает машину напротив подъезда, и откинувшись в кресле, внимательно на меня смотрит.

– Ну вот, как и обещал, доставил в целости и сохранности.

Порозовев, я киваю.

– Да. Сдержал слово.

– Целовать на прощанье будешь?

С колотящимся сердцем я тянусь через консоль и касаюсь губами шершавой щеки. Запах Севера окольцовывает меня плотным облаком, въедается в каждую пору, просачивается даже сквозь глазные яблоки. На короткое мгновение я представляю, что целую его в губы. Проникаю сквозь них языком, пробую на вкус его слюну. Внизу живота становится горячо.

– Пока, – бормочу я и под его пристальным взглядом резко подаюсь назад, чтобы нащупать дверную ручку. – Спасибо тебе еще раз.

Потом еще пару минут стою в подъезде, чтобы вернуть дыхание в норму и придать себе расслабленный и невозмутимый вид. Если Родион увидит мои расширенные глаза, то обязательно что-то заподозрит. Однако, отперев дверь, я обнаруживаю, что зря беспокоилась: квартира абсолютно пуста. Нет никаких следов того, что Родион приезжал.

«Ты где?» – печатаю я, расхаживая по кухне.

Ответ приходит спустя десять минут.

«Только что из бани вышли, малышка. Сейчас плов готовится – и сразу лечу к тебе».

От прочитанного кровь взмывает к лицу. Грязно выругавшись, я швыряю телефон в стену и, упав на диван, начинаю безудержно рыдать.

– Малышка, ну прости. – Голос Родиона звучит виновато и одновременно раздраженно. – Говорю же, уже собрался выезжать, но Ден стал упрашивать его дожждаться. Он за руль сесть не мог, потому что напился.

– Очень сочувствую Дену, – сухо произношу я, глядя в ноутбук.

Вот уже сутки я варюсь в злости на Родиона и чувстве вины перед ним же. Снова. С дачи Макара он вернулся глубокой ночью, чем нарушил все данные обещания.

На эмоциях даже подумалось, что будь он заботливее и внимательнее, в моей голове бы не появилось мыслей о другом мужчине. От этого предположения неожиданно стало легче. Невыносимо каждый день жить с ощущением, что я дерьмовый человек и все делаю не так.

– Ну что с тобой, а? – не унимается Родион. – Ничего же страшного не произошло. Я хотел, чтобы ты поехала, но ты отказалась, а теперь злишься за то, что я хорошо провел время.

Я тоже хорошо проводила время, в этом и проблема. И я тоже хотела задержаться подольше, но выбрала Родиона своим приоритетом. А он меня, к сожалению, не выбрал. А мне так нужна его помощь, чтобы не переступить эту стремительно размывающуюся грань дозволенного и не поддаться

ся соблазну по имени Север.

– Я злюсь вовсе не из-за того, что тебе было весело. – Захлопнув крышку ноутбука, я впервые за сутки смотрю ему в глаза. Эмоционально я вымотана, и сил играть в оскорбленную недотрогу больше не имею. – А за то, что ты не следуешь своим обещания. Сначала сбежал не середине фильма, который сам же и выбрал, затем врал о том, что умираешь от тоски по мне и скоро приедешь, а в итоге появился только ночью.

Нахмурившись, Родион переступает с ноги на ногу.

– Я же уже все объяснил. Что, как и почему. И время, которое я провожу с друзьями, не мешает по тебе скучать.

– Это меня и расстраивает. То есть, тебе достаточно просто знать, что я есть где-то поблизости, тогда как по-настоящему ты в моей компании не нуждаешься. Тебе достаточно друзей.

– Это неправда. Зачем ты такое говоришь?

Опустив глаза, я тереблю края пушистого пледа. Видимо, я действительно морально истощена, если собираюсь произнести вслух то, что мучает меня уже какое-то время. Но по-другому не могу. Я устала нести это бремя в одиночку.

– Знаешь, долгое время я была уверена, что при любых обстоятельствах мы будем вместе. – Я говорю шепотом, боясь каждого произнесенного слова. – Что ты мой будущий муж, самый идеальный партнер. А с недавних пор начала в этом сомневаться.

Лицо Родиона становится мертвенно бледным.

– И когда это произошло?

– Думаю, когда ты заявил, что не готов становиться отцом.

Это стало большим ударом для меня. Равносильным предательству.

– Я ведь сказал, что ляпнул это на эмоциях. – Родион делает шаг ко мне, словно собираясь обнять, но резко останавливается. – Да, я считаю, что становится родителями нам еще рано, но если это вдруг произойдет – я возьму на себя эту ответственность и постараюсь стать лучшим отцом.

– Дети требуют много внимания и заботы. – Я пытаюсь улыбнуться, хотя на деле близка к тому, чтобы заплакать. – Боюсь, если у нас родится ребенок, ты вообще перестанешь бывать дома.

– Да что ты из меня монстра какого-то делаешь, Линда? – От возмущения Родион даже называет меня по имени, что делает крайне редко. – Разозлилась на меня из-за ерунды, свалила все в одну кучу...

То, что он совсем меня не слышит, сейчас почти не задает. Лишь подтверждает факт того, что нам действительно не по пути.

– Иногда я думаю, что нам нужно побыть отдельно. Но как это осуществить не знаю. Самостоятельную жизнь я пока не тяну.

Обхватив колени руками, я смотрю перед собой. Как было бы хорошо очутиться где-то далеко. Подальше от Родиона

и от Севера. Имеющихся у меня денег хватит на поездку к Полине. Может быть забить на учебу и улететь к ней в гости на неделю?

– Ну если тебе так хочется – я могу пожить какое-то время у родителей, – тихо произносит Родион.

Не в силах поверить услышанному, я поднимаю голову. Я ожидала реакции вроде «Малышка, не дури» или «Хватит вести себя как маленькая».

– И как ты это объяснишь отцу?

– Так и объясню. – Голос Родиона звучит увереннее и тверже. – Что мы поссорились.

От перспективы получить время наедине с собой, голова идет кругом. Мне бы получить хотя бы неделю. Неделю на то, чтобы здраво оценить своим чувства. Три года – продолжительный срок и даже у самых крепких пар могут возникать проблемы. Может, нам стоит отдохнуть друг от друга, чтобы начать заново ценить? Вдруг увлеченность Севером – не более, чем эффект новизны, в то время как чувства к Родиону – те самые, настоящие?

– Если у тебя получится это сделать, я была бы очень благодарна, – робко произношу я.

– Хорошо. – Родион кивает, выглядя серьезным и собранным. – Сегодня возьму необходимые вещи и съеду. И не потому что хочу это делать, а потому что так нужно тебе. Просто помни, что ты мне очень дорога.

– Спасибо, – от нахлынувших эмоций мой голос осип.

– Я тебя люблю, ты ведь помнишь?

Наклонившись, он осторожно целует меня в щеку и выходит из спальни, оставляя меня одну.

Узел обиды и недовольства, стянувший грудь, моментально ослабевает, уступая место чувству глубокой признательности. Сейчас передо мной стоит тот самый Родион, трогательный и чуткий, в которого я без оглядки влюбилась. Одно плохо: его лояльность и исчезнувшая злость стократно усиливают чувство вины.

42

– А с первого курса учишься в нашем универе учишься или перевелась? – Вика смотрит на меня из-за чашки с кофе. – Просто я тебя раньше как будто не видела.

– С первого курса, – смущенно улыбаюсь я. – Просто я не слишком бросаюсь в глаза.

– Ну не скажи. Такая красотка.

От нечаянного комплимента я розовею.

– Спасибо большое. Меня сложно запомнить, потому что после лекций я обычно сразу еду домой и в студенческой жизни не участвую.

Сегодня я наконец сделала то, что откладывала продолжительное время: сознательно впустила в свою жизнь нового человека. Север прав: нельзя жить страхами и чужими убеждениями. Поэтому я, презрев папины заветы и про-

шлый негативный опыт, пригласила в кафе сокурсницу в благодарность за то, что одолжила зарядное устройство.

– Лучше поздно, чем никогда. Я рада, что ты позвала меня на кофе. Люблю знакомиться с новыми людьми. А ты помимо учебы чем-нибудь еще занимаешься?

Если раньше подобный вопрос привел меня в ступор, то сейчас я, не моргнув глазом, отвечаю, что веду соцсети одной крупной фирмы. Произнеся это вслух, испытываю неожиданное удовлетворение. Мне двадцать один, я учусь и работаю, как и большинство моих сокурсников. Я больше не бездельница, сторонящаяся людей. Я абсолютно нормальная. Как все.

– Это актуальное занятие, – одобрительно цокает Вика. – Хорошо платят?

Я киваю. Платит Север действительно хорошо с учетом того, что я посвящаю работе не более полутора часов в сутки.

– А ты? – интересуюсь я, решив не оставаться в долгу. – Чем занимаешься?

Сокурсница неопределенно машет рукой.

– Я то там, то там. Немного фотографирую, немного дизайном увлекаюсь, но денег это особо не приносит. Мне дисциплины и усидчивости не хватает. Может, от тебя научусь.

– От меня? – от неожиданности я чуть не давлюсь кофе. – Я точно не пример для подражания.

– Ладно, не скромничай. Учишься на отлично, работаешь, на личном фронте тоже все хорошо, судя по тому, что тебя

каждый день парень забирает. А у меня, уже год никого нет, прикинь? Одни придурки попадают. Ну или это я какая-то неудачница. – Вика шутливо морщится.

– В личной жизни у меня не все так гладко, – признаюсь я.

Повинуясь порыву, даже думаю рассказать Вике о том, что мы с Родионом вот уже вторые сутки с ним живем отдельно, но раздавшийся телефонный звонок меня осекает.

– Здравствуйте, Линда. На ваше имя заказана доставка цветов, – любезно сообщает приятный женский голос. – Подскажите, куда вам было бы удобно их привезти?

Заулыбавшись, я называю домашний адрес. Уточнять имя отправителя нет нужды – я и без того его знаю. Два дня подряд Родион желает мне доброго утра и спокойной ночи, а вчера вечером прислал курьером мой любимый шоколад с марципаном. В разлуке он ведет себя совсем как в начале наших отношений: романтично и внимательно.

– А по-моему у вас все очень даже неплохо, – замечает Вика. – А как ты смотришь на то, чтобы завтра по магазинам прогуляться? Мне нужны брюки и советчик с чувством стиля. Если пойду одна, то как обычно ерунду куплю.

– Спасибо за доверие, – улыбаюсь я, польщенная очередным завуалированным комплиментом. – Буду рада присоединиться.

Мы обмениваемся номерами, после чего я в приподнятом настроении еду домой. Такой взрослой и самостоятельной я не ощущала себя, пожалуй, ни разу. Всю жизнь рядом со

мною кто-то находился: мать, отец, домработница, Родион... Сейчас я впервые оказалась предоставленной самой себе и это мне очень и очень нравится.

Поставив в вазу букет, доставленный курьером, я решаю поблагодарить отправителя.

«Цветы очень красивые. Спасибо за настроение».

Ответ Родиона приходит почти сразу же.

«Рад, что понравилось. Ты дома?»

«Да. Недавно вернулась из университета».

«Я у родителей. Решил никуда не ходить и посмотреть телек. Вспомнил сегодня наше первое свидание. Помнишь, как официант суп на меня вылил?:)»

Не в силах спрятать улыбку, я печатаю:

«Помню. У тебя было такое злое лицо, словно ты его убить готов. Но ты сдержался».

«Хотел произвести на тебя впечатление:) У меня потом яйца неделю ныли. Суп-то горячий был».

Прикрыв рот рукой, я хихикаю.

«Бедняга».

«Думаешь, почему я к тебе не приставал? Ждал, пока прибор снова заработает».

«А я думала, потому что ты джентльмен».

«Ну в этом-то нет сомнений».

Подложив под голову подушку, я смотрю в потолок, ловя себя на том, что по-прежнему улыбаюсь. Время словно повернуло вспять, перенеся меня назад в прошлое, когда наша

переписка вызывала столько трепета и тепла.

Дзынь!

В расчете увидеть сообщение от Родиона, я подношу экран к глазам. Под кожей расползается ток. Мне написал Север.

«Пужинать со мной поедешь?»

Этот лаконичный вопрос без приветствия заставляет меня вскочить. Из уютной неги, в которую меня окунула наша переписка с Родионом, я проваливаюсь в адреналиновую яму. Что мне ему ответить? Конечно, нужно отказаться. Согласиться – слишком нечестно и подло по отношению к Родиону. Он съехал к родителям, чтобы дать мне возможность побыть одной и разобраться в своих чувствах. Ужин с Севером запутает все сильнее.

«Через десять минут буду проезжать мимо тебя. Поторопись с ответом».

Биение сердца перемещается к вискам. Я заношу палец над клавиатурой и резко его одергиваю. Заношу снова и опять убираю. Ненавижу себя за неконтролируемую тягу к этому мужчине, сметающую любые моральные принципы. Ненавижу себя за то, что так хочу согласиться, наплевав на все.

Дзынь! Словно отрезвляющая пощечина, на экране вновь всплывает имя Родиона. Сделав несколько глубоких вдохов, я разворачиваю окно мессенджера.

Если сообщение Севера лишило меня наметившегося

спокойствия, то это в буквальном смысле опрокидывает на лопатки.

«Линда, я тебя очень сильно люблю и больше никогда не хочу расставаться. Давай поженимся, а?».

43

От прочитанного я настолько теряюсь, что не придумываю ничего лучшего, как выключить телефон. Ночь провожу, не сомкнув глаз. Вполне ожидаемая перспектива выйти замуж за Родиона, неожиданно сильно меня испугала. Еще месяца три назад я бы не задумываясь ответила «да, согласна», а сейчас...

Просыпаюсь я в шесть утра, взбудораженная, невыспавшаяся и по-прежнему растерянная. Утро оказалось ничуть не мудренее вечера в моем случае. Я только-только начала нащупывать новые смыслы в жизни и слышать свои желания. Боюсь, что свадьба с Родионом обнулит эти достижения.

Завтракаю я торопясь, то и дело ожидая, что в дверь раздается звонок и на пороге появится Родион. Может быть, про женитьбу он в шутку заикнулся, и я зря так разволновалась? Не доев приготовленный омлет, я включаю телефон и вызываю такси до университета. Вдогонку моментально приходят вчерашние сообщения.

«Малышка, ты куда пропала?»

«Малышка, я тебя напугал?»

Вздохнув, я пишу Родиону, что уснула, и прячу телефон в сумку. Север больше ничего не писал.

В перерывах между лекциями, потерянно блуждая по территории университета, я испытываю острое желание поговорить с папой. Так много сложного происходит в последнее время, что мне требуются его мудрый совет и поддержка.

Эта мысль не отпускает меня и после занятий, поэтому я решаю связаться с его адвокатом. Когда-то он пообещал, что в случае крайней необходимости сможет организовать внеочередной разговор с папой.

– Денис, здравствуйте! – от волнения мой голос скачет. – Это Линда. Помните меня?

– Помню, разумеется, – сдержанно отвечает динамик. – Чем могу быть полезен?

– Мне нужно срочно переговорить с папой. Сегодня.

Секунды в ожидании его ответа тянутся невообразимо долго.

– Я подумаю, что смогу сделать и перезвоню в течение полчаса, – обещает он, после чего отключается.

Не слишком рассчитывая на удачу, я бреду в университетский кафетерий, где простояв в очереди минут двадцать, покупаю не слишком вкусный какао и сажусь с ним за свободный столик. Завидев звонок от адвоката, едва не опрокидываю содержимое стакана на себя.

– Телефон вашему передадут в течение часа, – без лишних слов сообщает он. – У вас будет десять минут на разговор.

Едва не расплакавшись от облегчения и радости, я целую минуту сбивчиво и эмоционально благодарю Дениса, чем, кажется, его смущаю.

– Это моя работа, – бормочет он, перед тем как попрощаться.

Долгожданный звонок раздается, когда я еду домой в такси. От звука знакомого голоса, глаза стремительно влажнеют.

– Линда, у тебя все в порядке? Денис сказал, что-то срочное.

– Привет, пап, – прислонившись лбом к стеклу, шепчу я. – Ничего плохо не случилось, не переживай. Просто хотелось тебя услышать. Как ты?

– В порядке все. – Его тон становится немного раздраженным. Видимо, папа за меня переволновался. – Рассказывай, как дела.

– Еду с учебы... – Неожиданно растерявшись, я не знаю, как перейти к сути и потому решаю сказать, как есть: – Вчера Родион мне замуж предложил выйти.

– А, вот в чем дело, – звучит более миролюбиво. – Хорошие новости. Дату уже выбрали?

– Нет. – Я закусываю губу, глядя на проносящиеся в окне фасады новостроек. – Я еще не дала ответ. Поэтому и звоню, чтобы посоветоваться.

– Ты же знаешь мое мнение. Родион толковый парень. С Винокуровыми будешь как за каменной стеной.

– Пап... – мямлю я, не зная, можно ли говорить о таком

в телефонном разговоре. – По поводу Максима Аркадьевича. Я нашла одну статью в интернете и там про него пишут неоднозначные вещи...

– И что? – перебивает папа. – Мало ли что там пишут. Твое отец в тюрьме сидит за то, чего не совершал. Люди друг другу глотки готовы передрать от злости.

– Извини... – спешно говорю я, вновь ощущая себя глупой и не слишком далекой. – Это к слову пришлось и не имеет отношения к делу. А по поводу свадьбы... Я запуталась. Мы с Родионом все чаще ссоримся, и вот уже два дня не живем вместе...

– Кто в вашем возрасте ссорится? Дело молодое. А то, что вместе не живете, плохо. Моду взяли, при малейших трудностях расходиться.

– Пап... – Покосившись на водителя, я понижаю голос до отчаянного шепота. – Мне нравится другой мужчина. Не уверена, что при таком раскладе будет правильным...

– Линда, тебе ведь двадцать один, а не пятнадцать, – бескомпромиссно изрекает папа. – Сегодня тебе один понравился, завтра другой. Будешь всю жизнь скакать, как твоя идиотка-мать, ничем хорошим это для тебя не закончится. Ты вроде сама говорила, что любишь Родиона.

Опустив глаза, я гипнотизирую взглядом зацепку на юбке.

– Да, люблю.

– Ну тогда хватит дурить. Принимай предложение, распишайтесь и живите счастливо. Учебу закончишь – о детях

подумаете.

– Спасибо, – тихо произношу я, чувствуя еще более запутавшейся и одинокой, чем была.

– Линда. Это ты сейчас думаешь, что отец мало что понимает. – Голос папы звучит непривычно мягко. – Ты мой единственный ребенок и я желаю тебе счастья. Находясь здесь, забочусь как могу. Винокуров мужик может и суровый, но с понятиями. Свою семью в обиду не даст, и о тебе позаботится, пока меня нет рядом. Сыновей он достойных вырастил. Если к старшему еще были вопросы, то к Родиону претензий нет. Хорошим будет мужем. Подумай. Новости о вашей свадьбе я был бы рад.

Внутри так стремительно теплеет, что я даже начинаю улыбаться. Папа редко позволяет себе говорить о чувствах, но стоит ему это сделать – я моментально таю. И то, что не пытается давить авторитетом, а приводит доводы, еще сильнее меня подкупает. Просьба о звонке однозначно того стоила.

– Спасибо, пап, – говорю я от всего сердца и на эмоциях ласково глажу корпус телефона. – Я еще подумаю. И твое мнение обязательно учту.

– Денису дай знать, как решишь, – говорит он на прощанье. – Он передаст.

Остаток пути к дому я провожу, уставившись в водительское изголовье. Яснее ситуация не стала, но от мысли о том, что папа на моей стороне и по-прежнему обо мне заботится,

стало спокойнее.

Поблагодарив водителя, я выхожу из такси и моментально упираюсь взглядом в Родиона, сидящего возле подъезда.

– Привет... – от неожиданности я запинаюсь. – Э-эм... Давно здесь?

Улыбнувшись, он встает.

– Около часа где-то. Хотел тебя с учебы забрать, но побоялся, что разминемся.

– Ты мог бы позвонить.

– Вдруг ты бы снова выключила телефон, – произносит он без всякого упрека.

Покраснев, я отвожу взгляд.

– Извини. Вчера я немного растерялась.

– Понимаю. Я очень по тебе соскучился.

Закусив щеку изнутри, я наблюдаю, как Родион подходит ко мне вплотную и беззвучно охаю, когда он вдруг опускается передо мной на одно колено.

– Линда. – Его потемневшие глаза смотрят в мои. – Я вчера не шутил. Выходи за меня замуж.

Я опускаю взгляд ниже, на невесту откуда взявшуюся коробочку с поблескивающую в ней кольцом. Пульс барабанит где-то в горле. Сложно переоценить важность этого момента, способного в буквальном смысле разделить наши жизни пополам.

– Я стану для тебя лучшим мужем. И лучшим отцом для наших будущих детей. Знаю, сейчас ты можешь мне не ве-

речь, но я тебе обязательно это докажу. – Голос Родиона звучит неровно, словно он очень волнуется.

– Верю, – еле слышно говорю я, коснувшись его плеч. – И я согласна.

44

– Ты даже не представляешь, каким счастливым только что меня сделала... – Поднявшись с колен, Родион заключает меня в объятия и нежно целует. – Обещаю, что всегда буду любить и заботиться... И что ты для меня всегда будешь на первом месте.

– Даже पहले, чем Макар? – Я слабо улыбаюсь, ощущая, как волнительно стучит сердце. Замужество – это когда двое решили быть вместе всегда, и я только что дала свое согласие на эту бесконечность.

Почему-то в этот момент перед глазами появляется лицо Севера. Непривычно строгое, без озорной улыбки.

Я зажмуриваюсь, что прогнать это видение. Отчасти поэтому я узаконить отношения с Родионом – чтобы перестать наконец фантазировать о другом мужчине и изводить себя чувством вины за это. Брак, в моем представлении, это слишком серьезный шаг, чтобы вести себя настолько ветрено, насколько я вела себя в последнее время.

– Глупости какие. Ты с Макаром ни в какое сравнение не идешь. – Погладив мои плечи, Родион шутливо улыбается. –

Хотя бы потому, что у тебя есть красивая грудь и нет щетины.

– Вступление в брак означает, что мы официально станем семьей и несем за это обоюдную ответственность, ты ведь понимаешь? – Не желая перенимать его шутливый тон, я остаюсь серьезной. – Пропадать на двое суток с друзьями больше не получится.

– Снова ты про это. Я все понимаю, малышка, а иначе просто оставил бы все как есть.

– А твой папа одобрит наш брак? – спохватываюсь я.

– Одобрит конечно. Когда ты из дома сбежала, он первый мне моральных оплеух надавал. Отец прекрасно к тебе относится. И мама тоже.

– Нахмурившись, я отступаю назад. До этого момента я понятия не имела, что Винокуров-старший был в курсе нашей ссоры на почве моей предполагаемой беременности.

– Так ты поэтому меня искать пошел? Потому что папа заставил?

– Ну что за бред, а, малышка? – Родион воздевает глаза к небу. – Думаешь, если бы не отец, мне было бы плевать, где ты находишься? Я привел этот случай в доказательство хорошего отношения моих родителей к тебе. Только поэтому.

– И что Максим Аркадьевич сказал по поводу новости о моей беременности? – спрашиваю я уже спокойнее. Конечно, Родиону было не плевать, а иначе для чего вообще все это.

– Сказал, что я придурок, и что ты должна рожать. – Он виновато морщится. – Мозги, в общем, мне поправил.

– Мне бы хотелось, чтобы желание иметь детей, было бы твоим собственным, а не навязанным. А сделать мне предложение – это случайно не идея твоего отца?

– Нет, конечно. Хочешь – позвони и спроси у него, в курсе ли он, что я собирался сделать тебе предложение. – Засунув руку в карман, Родион протягивает мне телефон.

– Не нужно, – бормочу я, смутившись. – Предпочту поверить на слово.

– Никакого вранья, малышка. Мы же с тобой будущие муж и жена все-таки. Кольцо-то мерить будешь? Я полдня убил, пока его выбирал. Никак не мог найти достойное тебя.

– Оно очень красивое. – Я протягиваю безымянный палец, глядя, как отливающий синевой металл с крупным бриллиантом скользит по коже. Кольцо Родион выбрал действительно очень красивое, в очередной подтверждая неоспоримое наличие вкуса.

– Идеально подошло, – шепчу я, ощущая легкую дрожь в теле. Где-то из подсознания доносится: «Это навсегда, это навсегда».

– Ну, что, сходим куда-нибудь отметить нашу помолвку?

– Куда? – машинально переспрашиваю я, не в силах оторвать взгляд от кольца. Это навсегда, навсегда. Пока смерть не разлучит нас.

– Можем в «Тео».

– Только не туда. – Я испуганно вскидываю глаза, вспомнив, что Север тоже любит это заведение.

Не обратив внимания на мое замешательство, Родион берет меня за руку.

– Тогда давай в «Ману». Шампанского закажем? Повод-то весомый.

– Может, ты тогда машину здесь оставишь?

– А я планировал к родителям вернуться. – Он смотрит на меня озадаченно. – Думал, ты еще несколько дней захочешь одна побыть.

– А... – Запнувшись, я опускаю взгляд себе под ноги. Предполагалось, что решение пожениться автоматически обнуляет все предыдущие ссоры и размолвки. – Хорошо. Но если хочешь, ты можешь хоть сейчас вернуться домой.

– Бери столько времени, сколько тебе нужно. У нас впереди еще целая жизнь вместе.

– Спасибо. – Я с благодарностью сжимаю ладонь Родиона в ответ. – Думаю, трех дней мне вполне хватит.

Заняв пассажирское кресло, я машинально проверяю телефон. Вика обещала скинуть расписание театральных представлений, на которые мы условились пойти вместе. Однако, вместо этого обнаруживаю сообщение от Севера.

«Напоминаю о завтрашней планерке, малая. Надеюсь, ее ты не продинамишь, как предложение с ужином».

От необходимости принять болезненное решение в груди тянет. Невозможно вступить в новую жизнь, не отказавшись

от старой. В ближайшее время я стану Винокуровой, и Северу в этом сценарии точно нет места. Ведь если посудить, каковы наши перспективы? Никаких. Он хочет со мной секса, но о большем речи не идет. Мне пора становится взрослой и научиться делать взрослый выбор.

«Разумеется, я приеду», – быстро печатаю я, стараясь не привлекать внимание Родиона.

И про себя договариваю: «В последний раз».

45

– Это тебе. – Я протягиваю Дарине коробку швейцарского шоколада, купленного по дороге. – К чаю.

Ее тонкие, покрытые бесцветным блеском губы, раздвигаются в смущенной улыбке.

– О-о. Спасибо большое. Очень неожиданно.

– Тебе спасибо. – Я давлю в себе порыв ее обнять. С самого первого дня моей работы Дарина была ко мне очень добра, и ни разу не выказала раздражения, когда я одолевала ее расспросами «что, как и к чему». Можно сказать, что с первой коллегой мне очень повезло. Видимо поэтому глаза так зудят – потому что жаль расставаться.

– После планерки заходи ко мне. Вместе и попьем.

Я качаю головой.

– Не могу.

Про то, что буду увольняться трусливо молчу. Позже узна-

ет сама. Когда Север начнет подыскивать мне замену.

– Ну ладно, значит на следующей неделе, – простодушно произносит ничего не подозревающая Дарина, снова углубляясь в ноутбук. Такого трудоголика как она нужно еще поискать. Север умеет выбирать надежных сотрудников. Только вот со мной ошибся.

До начала планерки остается около получаса. Я намеренно приехала раньше, чтобы иметь возможность переговорить с ним с глазу на глаз. Внятной речи правда не заготовила. Любая попытка представить наш с ним разговор оканчивалась провалом. Я либо отвлекалась на учебу, либо переключалась на механические действия, вроде мытья посуды или уборки. Моя психика словно отказывалась проживать этот травматичный опыт.

– А Север Евгеньевич у себя, вы не в курсе? – спрашиваю я у проходящей мимо Алены Эдуардовны, сильно смутившей меня в первый рабочий день и на деле оказавшейся добрейшей души человеком.

– Только что приехал, – отвечает она, остановившись. – А ты чего так рано приехала? Если делать нечего – забегай ко мне. Королевской ватрушкой угощу.

– Спасибо. – От замешательства и чувства вины я не знаю, куда смотреть. Все эти люди приняли меня в свой коллектив как свою, понятия не имея, что я сбегу, не проработав и трех месяцев. Счастливы те, кто умеют разделять работу и личное. Я, как выясняется, нет.

Стоя перед кабинетом Севера, я вдруг ощущаю сильнейшую дрожь во всем теле. Моя психика оказалась упрямее, чем предполагалось, и продолжает упорно сопротивляться принятому решению. Стиснув зубы, я заносу руку и стучусь. Выбор у меня невелик.

– Ну здравствуй, малая. – Взгляд Севера выразительно проходит по моей водолазке. – Так сильно соскучилась, что решила забежать до планерки?

Его задорная улыбка сейчас не вызывает ничего, кроме ноющей боли в левой половине груди. Когда я так сильно сумела к нему привязаться? Мы ведь абсолютно разные и по-разному видим мир. Север никогда не предлагал ничего серьезного, так что глупо грустить об упущенных перспективах. Потому что их у нас попросту нет.

– Не совсем. – Я нервно повожу плечами в попытке стряхнуть с себя скованность. – Есть разговор.

Улыбка все еще не сходит с его лица, но взгляд становится цепким. Удивительно, что сейчас я не испытываю ни чувства вины, как это было при встрече с Аленой Эдуардовной, ни сожаления и грусти как от короткого диалога с Дариной. Глядя на Севера, я ощущаю невыразимое отчаяние, как если бы только что узнала о необходимости ампутировать руку.

– Я тебя слушаю.

– Я больше не могу у тебя работать. – От напряжения я трудом разлепляю губы. – Эту неделю удаленно доделаю начатое, и после этого все... В офис больше не приеду.

Лицо Севера остается все таким же невозмутимым, тогда как я ощущаю сильнейший прилив тошноты и слабость. Был бы поблизости на что опереться – я бы непременно это сделала.

– Почему?

– Платить ничего не нужно... Месяц только начался, поэтому... Это будет компенсация за то, что подвела...

– Я спрашиваю, почему ты решила уволиться, – повторяет он уже намного жестче.

Спине становится липко и холодно. Я воровато озираюсь на дверь, мечтая поскорее очутиться в коридоре. Сердце так и тархтит как испорченный мотор. Есть ли шанс, что Север почувствует хотя бы малую часть того, что испытываю я от невозможности с ним видаться? Наверное, нет. А мне бы очень этого хотелось.

– Я выхожу замуж, – тихо говорю я. Смотрю себе под ноги, на логотип ноутбука и лишь потом осмеливаюсь снова найти его глаза. – Думаю, теперь ты понимаешь.

– Хороший откат назад, – медленно произносит он через паузу. – Беременная?

От неожиданности такого предположения я невольно отступаю назад.

– Что? Нет... Нет, конечно.

– Тогда вдвойне непонятно. В твоем возрасте редко выходят замуж во имя спасения отношений.

– Все не так. – Я хмурюсь, уязвленная намеком на то,

что наши отношения с Родионом требуется спасать. – У нас все хорошо и мы просто решили официально все...

– Пиздеж, – перебивает Север, сверля меня ледяным взглядом. – Но упорство, с которым ты прячешься от очевидного, впечатляет. Хорошо.

– Что – «хорошо»? – еле слышно переспрашиваю я.

– Это значит, что твое заявление на увольнение принято. – Он встает. – Передай Дарине дела в течение недели.

Что-то внутри меня надламывается, да так, что хочется разрыдаться прямо здесь и сейчас. Видимо я все-таки надеялась услышать то, что ему не все равно. Получить хотя бы намек на то, что в его отношении было чуточку больше, чем банальное желание секса. Дура. Дурочка. Дурища.

– Передам. – Расправив онемевшие плечи, я заставляю себя в последний раз взглянуть ему в глаза. – Я благодарна тебе за помощь. За то, что со дня знакомства делал для меня только хорошее. Я до сих пор не понимаю твоего ко мне отношения, зато понимаю свое. Нам действительно не стоит больше видеться. Так будет честнее. По поводу зарплаты я говорила совершенно серьезно. Не нужно ничего мне платить. И спасибо, что был единственным, кто в меня поверил.

Закусив губу, я опускаю взгляд себе под ноги. В груди нестерпимо жжет. Одной мне известно, чего мне стоило произнести все это, не обронив ни единой слезинки. Правда судя по молчанию, большого впечатления на Севера моя стойкость не произвела.

– Прощай, – выдавливаю я, так и не дождавшись его реакции.

Вслепую добежав до двери, я хватаюсь за ручку и лишь тогда слышу, как он зло выплевывает то, о чем я и сама знаю: «Блядь, ну что ты за дура».

46

Собираясь на воскресный ужин к Винокуровым, я чувствую себя скованно и неловко. Наверняка, у Леона Андреевна и Максима Аркадьевич задался закономерный вопрос, почему вот уже неделю мы с их сыном живем порознь. Вернее, почему он должен был съехать из собственной квартиры во благо моих интересов. И хотя Родион утверждал, что родители отнеслись к нашей ситуации с пониманием, верится в это с трудом. Винокуров-старший не производит впечатление человека, привыкшего входить в чужое положение.

«Буду через пятнадцать минут, моя будущая жена».

Это милое обращение заставляет меня улыбнуться. То, что мы с Родионом поженимся через каких-то два месяца до сих пор не укладывается в голове. Каждое утро я пытаюсь проникнуться этим фактом, представляя кадры нашей свадьбы, но сделать это глубоко и по-настоящему отчего-то не получается. Видимо, некоторые вещи не стоит визуализировать. Их нужно попросту прожить.

В последний раз оглядев себя в зеркале, я подхожу к ок-

ну, чтобы не пропустить приезд Родиона. Взгляд машинально падает на коробочку с обручальным кольцом, лежащую на подоконнике. Усилием воли я заставляю себя ее открыть. Во второй раз с момента, как Родион сделал мне предложение. Солнечный свет игриво отражается в бриллиантовых гранях, подсвечивая камень изнутри и делая его похожим на крошечный айсберг. Так и не осмелившись его примерить, я захлопываю бархатистую крышку. Лучше подожду Родиона во дворе.

– Извини, что задержался, малышка. – Коснувшись губами моей ушной раковины, Родион трогается с места. – С Севером нужно было встретиться.

Мое тело становится деревянным. Я несколько дней всеми силами пытаюсь изжить любые мысли о нем, и не готова была так запросто услышать его имя.

– Там экипировка под него пришла, – продолжает рассказывать он, не замечая моего замешательства. – Нужно было цены утрясти. Я кстати подумал: может второй день свадьбы у него на базе проведем? Баня, квадроциклы, шашлыки...

– Я не хочу, – тихо, но твердо произношу я, впившись ногтями в кожаное кресло. – Надеюсь, ты с ним ни о чем не договаривался?

Нахмурившись, Родион поворачивает голову.

– Не договаривался конечно. Просто спросил на всякий случай.

Напряжение в груди нарастает, лишая меня возможности

нормально дышать. Откуда взялась такая реакция, не имею ни малейшего понятия. Я ведь сама объявила Северу о предстоящем замужестве. Какая тогда разница, что сказал ему Родион.

– И что он ответил? – спрашиваю я, глядя перед собой.

– Сказал, что не против.

Внутри что-то обрывается. Я действительно полная дура, если ждала другого ответа. Если бы Север отказал Родиону, можно было бы вообразить, что ему не все равно.

– Без разницы, – хрипло выдавливаю. – Меньше всего я бы хотела торчать на его базе в день своей свадьбы.

– И чего ты так его не любишь. – Родион мягко теревит меня за колено. – Нормальный он. Я кстати, пригласил его на свадьбу.

* * *

– А будто бы без настроения, Линда. – Леона Андреевна озабоченно оглядывает мое лицо. – Что-то случилось?

– Нет, все хорошо. – Я предпринимаю попытку улыбнуться, чтобы не вызывать лишних расспросов. В причины своего подавленного состояния я по понятным причинам не планирую никого посвящать. – В последнее время сплю плохо.

– Это пройдет. Знаешь как говорят? Милые бранятся – только тешатся.

Сообразив, что она подразумевает нашу ссору с Родио-

ном, я отвожу взгляд. Грудь неожиданно сдавливает сырым и тяжелым, глаза нестерпимо зудят.

– Линда, ты плакать собралась? – Голос Леоны Андреевны звучит мягко и встревоженно.

Я хочу ответить «нет», но вместе этого, вцепившись в ее плечи, начинаю горько рыдать.

– Бывает-бывает, – ласково приговаривает она, поглаживая меня по спине. – Мы с Максимом Аркадьевичем в молодости тоже часто ругались по всякой ерунде. Это уже с возрастом задвигаешь эго на задний план и учишься принимать друг друга такими, какие есть...

Я слушаю ее успокаивающий монолог, стгорая от чувства вины и стыда. Ведь дело не в размолвке с Родионом, а в другом, о чем ей, как его матери, не нужно знать. Мне стыдно за то, что я пользуюсь ее теплом и заботой, которых не заслужила. Но и отказаться от них не могу. Сейчас мне как никогда раньше нужно, чтобы меня обнял хоть кто-то.

– Успокоилась? – Отступив, Леона Андреевна с улыбкой оглядывает меня. – Вот и хорошо. Поплакать иногда тоже надо. Ты ведь совсем юная еще, а из близких никого нет рядом. Хорошо бы тебе с мамой помириться.

Промокнув рукавом мокрые щеки, я отрицательно кручу головой.

– Нет. Папа мне этого не простит. Давайте пойдем к столу. В гостиной за накрытым столом нас ожидают Родион и Максим Аркадьевич. Судя по расслабленным лицам, бесе-

да проходит легко и непринужденно, что в последнее время бывает нечасто.

– Леона, пусть шампанское принесут, – распоряжается Винокуров-старший, завидев жену.

– А как же вино? – растерянно переспрашивает она, кивая на открытую бутылку мерло.

– Ты не слышишь, что ли? – беззлобно рявкает он. – Зачем глупые вопросы задавать?

– Мам, у нас просто повод есть, – с улыбкой произносит Родион, по очереди глядя то на меня, но на мать.

В ушах гремит барабанный стук. Ясно, что сейчас прозвучит новость о нашей свадьбе.

– Я сделал Линде предложение и она согласилась, – торжественно договаривает он, слегка покраснев. – Принимаем поздравления.

Всплеснув руками, Леона Андреевна кидается мне на шею. Отпустив, проделывает то же самое со своим сыном. Несмотря на слезы в глазах, она счастливо улыбается.

– Я так рада за вас, так рада, – лепечет она, касаясь переносицы своими тонкими пальцами. – На свадьбе Глеба мне, к сожалению, не удалось тост сказать... Но я обязательно скажу на вашей. Поздравляю, дети.

– Ты сейчас нас всех в слезах утопишь, – ворчит Максим Аркадьевич, не переставая при этом улыбаться. Количество его улыбок за время нашего знакомства можно пересчитать по пальцам. – Садитесь за стол. Отметим наконец событие.

Его обычно суровый взгляд падает на меня.

– Добро пожаловать теперь уже официально. С внуками только не затягивайте. Этому шалопаю нужно взрослеть.

Я с улыбкой киваю. Эта сплоченная семейная радость от предстоящей свадьбы согрела и приободрила меня настолько, что я наконец уверилась, что все делаю правильно. Винокуровы любят меня как собственную дочь, и я намерена отплатить им тем же.

47

За пять минувших дней мне почти удалось обрести в спокойствие, однако неожиданный звонок от Дарины с просьбой снять небольшой видеобзор для мотеля, снова выбивает из колеи. Как и все, что касается Севера. Отказать коллеге не позволяет совесть – я ведь сама пообещала, что доработаю неделю. За язык никто не тянул. Так что на следующий день, позавтракав, вызываю такси и еду за город.

Мотель «66 километр» расположен вдоль оживленной трассы, напротив стоянки грузовиков. Думаю, именно удачное местоположение и определяет его популярность. Алена Эдуардовна как-то проболталась, что именно гостиничный бизнес является наиболее прибыльным среди проектов Севера.

Поблагодарив таксиста, я выхожу из машины и, морщась от холодных капель дождя, падающих на лицо, несусь ко вхо-

ду. Родион звонил дважды, но я не стала брать трубку, оправдав себя тем, что лгу в последний раз. С понедельника моя работа на Севера будет официально окончена и отпадут причины что-либо скрывать.

С мотелем мне везет гораздо больше, чем с посещением кальянной. Оказывается, Дарина заранее предупредила о моем приезде, так что администратор Мила без заминки провожает меня в номер, приготовленный для съемки, после чего я преспокойно перемещаюсь в свободный от посетителей ресторан.

Отправив ей отснятый материал с припиской «Надеюсь, подойдет?», я открываю приложение такси. На душе отчего-то становится тоскливо. Возможно, потому что на улице вот уже час стеной стоит ливень.

– Может быть вам кофе сделать? – заботливо осведомляется администраторша. – Машину в такую погоду долго придется ждать.

«Долго» оказывается явным преуменьшением, так как по прошествии двадцати минут ни один водитель не изъявляет желания доставить меня в город.

– Отсюда вообще сложно уехать, – сетует Мила, когда мы с ней пьем чай за столом в вестибюле. – Меня наш охранник обычно до остановки довозит, а там я жду автобуса.

– А остановка отсюда не очень далеко? – с надеждой спрашиваю я.

Она сочувственно улыбается.

– В паре километров точно.

Я в отчаянии скриплю зубами. Ну Дарина. Удружила напоследок, так удружила.

Закрывшись в туалете, перезваниваю Родиону. Если и дальше оставлять его звонки без ответа, он может начать меня подозревать.

– Привет. – Его голос звучит заспанно. – Ты куда пропала?

– Разбудила? – предпринимаю неуклюжую попытку уклониться от ответа.

– Да, что-то меня разморило.

– Снова под утро вернулся? – не сдержавшись, иронизирую я. – Вчера пятница же была.

– Ну вот что ты выдумываешь? – обиженно произносит он. – Я тебе как спокойной ночи пожелал, так и уснул. В последнее время вообще на тусовки не тянет. Видимо, взрослею.

– Видимо, – с улыбкой повторяю я, стойчески выдерживая укол вины, вызванный необходимостью врать. – Я по магазинам гуляю. Скоро домой поеду.

– Может тебя забрать? Дождь идет сильный.

– Нет, не надо! – торопливо заверяю я. – Тебе долго от родителей ехать. Сама доберусь.

– Ну смотри. Но я все равно к тебе скоро заеду. Очень соскучился.

Закончив вызов, я торопливо разворачиваю приложение такси и обновляю поиск. Тело потрясывает от волнения. На

возвращение в город уйдет примерно минут сорок-пятьдесят. Столько же потребуется Родиону, чтобы добраться до нашей квартиры. Нельзя позволить, чтобы моя финальная ложь пошатнула его доверие.

От внезапного озарения я толкаю дверь, стремительно выскакивая в коридор.

– Мила! А можно мне телефон вашего...

Наткнувшись взглядом на знакомую фигуру, я замираю, не договорив. Север медленно поворачивается и смотрит прямо на меня. Его потемневшие от влаги волосы прилипли ко лбу, на серой толстовке виднеются мокрые разводы. С каждой секундой сердце колотится все громче: бум-бум-бум-бум. Я ведь планировала больше никогда его не видеть.

– Привет... – еле слышно сиплю я, не в силах сдвинуться с места.

Смерив меня взглядом с ног до головы, он слегка кивает.

– Дорабатываешь?

– Да. Дарина вчера попросила... А я ведь обещала...

Он снова кивает, словно говоря, что нет нужды что-либо пояснять.

– Понял. Не слишком удачное выбрала время.

Я издаю нервный звенящий смешок.

– Это точно. Я уже минут тридцать уехать отсюда не могу.

Лицо Севера пересекает легкая усмешка.

– Прозвучало, как просьба о помощи.

Я смеюсь еще громче, натянутее. Тело скованное и дере-

вянное, мысли заторможенные и неповоротливые как улитки. Сложно быть готовой к встрече, которая не должна была состояться.

– Нет, конечно... – Запнувшись, я опускаю глаза. – Но если бы ты смог довезти меня до города – я была бы признательна.

В конце концов, нужно быть полной дурой, чтобы не воспользоваться предоставившимся шансом.

48

Глядя в окно, за которым все так же неустанно льет дождь, я нервно кусаю губу в ожидании Севера. Он дал мне ключи от машины со словами «Жди» и не появляется почти двадцать минут. Причин для волнения у меня масса: необходимость почти час провести с ним в машине, отсутствие безопасных тем для беседы, и вероятность того, что Родион пребудет к дому одновременно с нами.

«Я еще гуляю по магазинам. Не торопись». – Я отправляю ему очередную ложь, которую мысленно вновь называю последней, и, прикрыв глаза, откидываюсь на спинку кресла. Собраться с мыслями, правда, не выходит, потому что почти моментально раздается щелчок со стороны водительской двери и салон наполняется запахом табака и мускуса. Вернулся Север.

Не проронив ни слова, он заводит двигатель и без про-

медления трогается с места. Его брови нахмурены, как если бы он был чем-то разозлен или глубоко сосредоточен. Я невольно поджимаю пальцы на ногах. Непринужденной беседы очевидно ждать не стоит.

– Спасибо, что согласился довезти, – не выдержав, говорю я спустя двадцать минут поездки в абсолютной тишине. Север даже музыку не потрудился включить.

– Пожалуйста, – словно на автомате отвечает он, продолжая смотреть перед собой.

И все. В салоне снова царит тишина, с каждой секундой становящаяся все более гнетущей.

– Ты на меня злишься? – От волнения я отчаянно дергаю фаланги пальцев, от чего они хрустят.

– Нет. – Север мельком смотрит на меня. – Молчу, потому что голова делами забита.

У него и раньше было по горло дел, но он всегда находил время на диалог с парой ироничных шуток. Очевидно, не для одной меня все изменилось.

Но вместо того, чтобы порадоваться возможности спокойно доехать до города и наконец распрощаться с Севером навсегда, я неожиданно расстраиваюсь. Потому что целую неделю я только о нем и думала, а он просто взял и вычеркнул меня из жизни. Раз сидя рядом преспокойно размышляет о делах.

– Все к лучшему, – неожиданно он снова подает голос. – Для тебя так точно. Поздравляю, кстати, со свадьбой. В про-

шлый раз не сказал.

Боль, которую я испытала в тот день в его кабинете возвращается в удвоенной силой. Мне не нужны его поздравления. Только не его.

– Спасибо. – Мне удастся звучать спокойно и выдержанно. – Я знаю, что Родион спрашивал тебя по поводу празднования на твоей базе. Вопрос больше не актуален. Но спасибо тебе за щедрость.

Север недобро усмехается.

– А жаль. Хороший бы получился свадебный подарок.

Отвернувшись к окну, я молчу до самого подъезда к дому. Может быть и хорошо, что все между нами вот так. Натянута и отчужденно. Завершись все на дружественной ноте, я бы могла еще какое-то время тешить себя надеждой, что когда-нибудь при каких-нибудь выдающихся обстоятельствах в какой-нибудь параллельной галактике мы могли бы общаться. Этот нескончаемый дождь все расставил по своим местам.

Машины Родиона во дворе, к счастью, нет. Хоть какое-то облегчение после этой тягостной поездки. Я беззвучно отстегиваю ремень безопасности, убираю телефон в сумку, проверяю достаточно ли плотно ее застегнула и лишь затем заставляю себя посмотреть на Севера.

Откинувшись в кресле, он смотрит на меня ничего не выражающим взглядом. Напряжение в груди становится невыносимым. Затягивать прощание нельзя – чревато нежела-

тельной встречей с Родионом.

– Еще раз спасибо, что выручил. – Я раздвигаю губы в фальшивой улыбке. – Ты наверное как всегда торопишься, поэтому я пойду.

Не меняясь в лице, Север едва заметно кивает, чем продолжает меня ранить. Неужели нельзя сказать на прощание хотя бы что-то хорошее? Пожелать счастья например.

Отвернувшись, я берусь за ручку, но потом резко оборачиваюсь.

– Если Родион действительно пригласил тебя на свадьбу, пожалуйста, не приходи.

Что-то яркое мелькает в его взгляде, но быстро гаснет.

– Хорошо. Не приду.

– Спасибо. – Повинуясь порыву, я перегибаюсь через консоль и крепко обнимаю его за шею.

Застываю на короткое мгновение и, не дождавшись реакции, медленно отстраняюсь. Взгляд Севера задевает мою переносицу, теплое дыхание касается подбородка. Закрыв глаза, я бездумно прижимаюсь губами к его щеке.

А в следующую секунду его пальцы больно вплетаются в мои волосы, и мы начинаем жадно целоваться.

Я разрываю поцелуй первой и, потупившись, прикрываю рот рукой. В ушах стоит шум, равносильный гулу проезжа-

ющей электрички. Щеки болезненно горят.

– Это на прощанье, – бормочу я, глядя на рычаг переключения передач. – Не нужно было...

– Просто хотела попробовать, – хрипло договаривает Север. – Можешь не пояснять.

Мне хочется сказать что-то еще. Что-то значимое, весомое. Хочется даже его обвинить, спросив, в чем смысл отвечать на поцелуй, не испытывая при этом должных чувств. А если чувства все-таки есть, то как можно за них не бороться? Ведь жизнь-то у нас одна.

Но вместо этого, не проронив ни слова, наваливаюсь на дверь. Влажный уличный воздух даже чуточку не отрезвляет, и до крыльца я дохожу пошатываясь и на автомате. Желанного оклика «Подожди, малая!», так и не получаю. Звук сорвавшихся с места покрышек раздается одновременно с тем, как за мной захлопывается подъездная дверь.

В квартиру я захожу трясясь то ли от волнения, то ли от озноба. Дрожь не проходит и после того, как я выпиваю горячий чай. Запах Севера ощутил настолько, как если бы он до сих пор находился рядом. Им пахнет моя футболка и волосы, его вкус до сих пор ощущает язык.

Содрав с себя одежду и закинув ее в стиральную машину, я залезаю в душ. Идиотка, о чем я только думала? В любую секунду мог появиться Родион.

Замотавшись в банный халат, я возвращаюсь на кухню. Дрожь наконец прошла, оставив после себя лишь легкую

вибрацию. Только запах Севера никуда не делся. Словно этот поцелуй навсегда поселил его в меня, переписав код ДНК.

Покопавшись в ящиках кухонного гарнитура, я нахожу недопитую бутылку вина и выливаю остатки в фужер. Других доступных средств для успокоения под рукой не находится. Вполне символично попрощаться с ним именно так – в одиночестве, под красное сухое.

Сделав первый глоток, я открываю телефонную книжку и заносу палец над контактом «Север». Шагать в новую жизнь нужно, избавившись от ненужного. О он в сценарии моего замужества точно лишний. В последний раз пробежавшись глазами по цифрам, нажимаю «удалить».

Легче от этого маневра не становится. Наоборот, тоскливее. Видимо потому что новая жизнь еще не началась полноценно, а из старой только что выпал один важный пазл.

Допив вино, смотрю на часы. Почти пять вечера, однако, Родион так и не появился. В груди шевелится забытое раздражение. Он снова за старое? Дает обещания, которые не выполняет?

Гробовая тишина квартиры давит. Чтобы ее разбавить, я включаю телевизор, прибавляя громкость до максимальной. Увы, ни оглушительный шум, ни движение людей на экране не способно отвлечь мысли от запретного поцелуя. Я промаываю его в голове вновь и вновь, вспоминая каждую секунду. Каким сбивчивым было дыхание Севера, как сильно его ладонь сжимала мои волосы, как глубоко проникал его язык,

каким горячим и влажным он был.

Низ живота наливается тяжестью. Зло растерев его ладонью, я тянусь за ноутбуком. Если с телевизором не получится, попробую переключиться на учебу.

Переключиться на учебу тоже не выходит. Статья, которую необходимо изучить, оказывается слишком путанной, а стиль ее написания – тяжеловесным. Закрыв вкладку, я несколько секунд смотрю в пустую строку поисковика, после чего торопливо набираю фамилию, имя и отчество, который только что поклялась забыть. Баталов Север Евгеньевич.

Баталов Север Евгеньевич – предприниматель. Директор ООО «АЛИАНТ»... Виды деятельности: услуги общественного питания, гостиничный бизнес.

Промотав две страницы схожей информации, я наконец натываюсь на то, что искала. Это статья об уголовном деле, фигурантом которого является Баталов С. Е. С колотящимся сердцем я тычу в ссылку и получаю оповещение о том, что запрошенная страница удалена.

Сглотнув, продолжаю искать дальше. Мне необходимо найти что-то такое, что отвратит меня от Севера навсегда. Раньше я боялась этой информации, а теперь ее жажду.

Необходимую информацию дает статья пятилетней давности, найденная на канале, который посвящен криминальным сообществам.

«Баталов Север Евгеньевич, известный как просто Север, – бывший участник ОПГ «Ростовские», образованной

из слияния двух соседствующих группировок «Верхи» и «Глина», и распавшейся после того, как были убиты ее основные участники: Дербенев Захар, Петров Вадим и Костылев Алексей. Существует версия, что распаду послужила междоусобная борьба за власть внутри группировки. Ходят слухи, что ее инициатором был именно амбициозный Баталов. Правда после череды убийств сотоварищей и заведенного на него уголовного дела он предпочел уехать из страны, и на данный момент о его нахождении ничего не известно».

Почувствовав легкое головокружение, я закрываю ноутбук. И как раз вовремя, потому что в этот момент по квартире разносится звук отпирающегося замка.

– Привет. – Он заходит на кухню с охапкой полутораметровых роз. – Извини за задержку. Хотел именно эти подарить. Пришлось полгорода объехать. Пробки из-за дождя – ужас...

Не дав ему договорить, я с разбегу повисаю у него на шее. Я все делаю правильно. Родион умеет держать слово. А Север определенно не для меня.

50

«А как тебе это? – Я отправляю Родиону ссылку на интернет-магазин свадебных платьев. – Юбка не слишком объемная? Не хочется выглядеть куклой на самоваре».

«Да нет вроде, – приходит через минуту. – Ты же у меня

красавица. И в мешке из-под картошки будешь отлично выглядеть».

Улыбнувшись незамысловатому комплименту, я печатаю: «Отлично меня не устраивает. Свадьба в моей жизни будет лишь одна, и я хочу выглядеть на ней ослепительно».

«Тогда может тебе маме моей написать? Она больше в платьях понимает. Может, по магазинам вместе прогуляетесь».

Я задумываюсь. А что, неплохая идея. Выбрать свадебный наряд мы можем вместе с Леоной Андреевной, а оплачу я его сама чуть позже. Пусть Максим Аркадьевич и заявил, что экономить на предстоящей церемонии не надо и все расходы он берет на себя, мне все равно неловко тратить его деньги. Хотя чего скрывать? Подготовка к свадьбе сильно меня затянула. Выбор шрифта для приглашений, поиск тех самых туфель, штудирование трендов в праздничном маникюре... Никогда бы не подумала, что столь легкомысленное занятие сможет полностью захватить мое внимание. Хотя порой мне кажется, что так мое подсознание защищается от любых мыслей о Севере.

«Я тут кстати подумала. А ты не рассматривал свадьбу где-нибудь на островах? Романтичную церемонию в кругу самых близких?»

Закусив губу, я жду от Родиона ответа. Ох, если он согласится – это будет идеальный вариант. Мне не нужна грандиозная свадьба с толпой незнакомых людей. С моей стороны

будут только Полина и Вика, да и то лишь в том случае, если последняя сможет прилететь.

«Даже не знаю. Я уже ребят позвал. Да и отец захочет родственников пригласить».

Я разочарованно вздыхаю. Видимо не зря говорят, что свадьбы устраиваются не для молодоженов, а для гостей. Но в моем случае, увы, не выбирают. Материально я по-прежнему завишу от Винокуровых, и неуместно будет требовать церемонию на островах.

Я собираюсь отложить телефон, чтобы вернуться к поиску платьев, но приходит сообщение от Вики.

«Приветули! Как насчет девичника сегодня? Ты, я и вкусные коктейли? Часов в десять например?»

Поначалу я хочу отказаться. Все-таки я почти замужем и ходить вечерами по барам – это, пожалуй слишком. Но потом вспоминаю, что завтра домой возвращается Родион и соглашаюсь. Еще неизвестно будет ли у меня предсвадебный девичник, так что грех упускать шанс выпить с новой подружкой.

«Спокойной ночи, – приходит в девять вечера от Родиона вместе с фотографией его босых ног на кровати. – Я спать. Люблю тебя сильно».

Я думаю написать ему о своих планах, но потом решаю сделать это завтра. Пусть спокойно отдыхает, не переживая за меня. И чтобы чувство вины за позднюю вылазку не сильно глодала, следом отправляю сообщение Вике:

«Имей в виду, что я приду только на пару часов».

Облачившись в вечернее платье и нанеся макияж, вызываю такси в бар, названный Викой. Пару раз мы были в нем с Родионом – у них хорошая коктейльная карт, веселая публика и приятная музыка.

А вообще, если посудить, идея со свадьбой очень своевременна. За три года отношений мы вели активный светский образ жизни, пресытились им и готовы идти к чему-то большему. Я чувствую это по поведению Родиона. Решение узаконить отношения сделало его заметно серьезнее. У него перед глазами есть наглядный пример: его родители женаты более тридцати лет. Недаром папа так уважал Винокуровых и высказывался в пользу их сына. В их семье он видел ценности, которые прививал мне с детства: моногамию и важность института брака. Я точно знаю, что выйдя замуж, никогда не разведусь.

– Классно выглядишь, красотка! – Вика смачно целует меня в щеку, оставляя на ней след от помады. – Места есть только за баром. Предлагаю выпить по коктейлю и поехать в одно классное место. Там у меня подруга работает. Придержит для нас стол.

Я снова покорно соглашаюсь. Можем хоть десять заведений посетить – главное, чтобы домой я вернулась к полуночи.

– А ты почему во времени ограничена? – любопытничает Вика, прикладывая губами к засахаренному ободку бока-

ла. – Парень не отпускает?

– Нет, почему? – Я улыбаюсь. – Он, напротив, хочет, чтобы я хорошо проводила время. Родион не ревнивый.

– А чего тогда?

Улыбаясь шире, я демонстрирую обручальное кольцо, которое временно надела на левую руку.

– Что это? – Сощурившись, Вика трогает мой безымянный палец. – Обручалка, что ли?

Я киваю.

– Да. Мы решили пожениться. Если что – так я приглашаю на свадьбу.

– О-о-о! – восторженно верещит она, заставляя наших соседей оборачиваться. – Прекрасная новость! И спасибо за приглашение! Я обязательно буду. Так... – Поставив бокал на стойку, она вскакивает. – Поднимайся и едем. Устроим тебе настоящий девичник.

Решив не спорить, я оставляю недопитый коктейль и послушно иду за Викторией. Мое расположение к ней растет. Искренне радоваться за других умеют только по-настоящему хорошие друзья. Может быть, я даже еще на час задержусь.

Когда такси останавливается у бара, где нас когда-то обслуживали голые официантки, меня разбирает смех.

– Ви-и-ка-а-а. Я здесь уже была. К концу вечера от количества сосков в глазах рябило.

– А что ты имеешь против сосков? – беззаботно смеется она. – Самое то для девичника. Пойдем, стол нас уже ждет.

И скидка двадцать процентов.

Закатив глаза, я позволяю взять себя за руку и вести внутрь. В голову некстати приходит воспоминание о том, что здесь я во второй раз встретила с Севером. Мысли о нем настигают меня всякий раз, когда я позволяю себе потерять бдительность.

– И где наш стол? – нарочито громко выкрикиваю я в попытке переключиться.

– Вон! – Вика кивает к кабинке рядом с баром. – ВИП нам достался по благу.

Но оценить свалившийся на голову блат по достоинству не получается, потому что все мое внимание само собой переключается на соседнюю кабинку – тоже ВИП, в которой я обнаруживаю несколько знакомых лиц. Но если на физиономию Макара мне глубоко наплевать – в прямом и переносном смысле, то на лицо парня, который изъявил желание стать моим мужем и который, по его собственному заверению, в данный момент должен спать, наплевать никак не получается.

– Ты чего застыла? Пойдем. – Вика тянет меня за руку.

Я мотаю головой, не в силах выдавить ни звука. Тело словно парализовало. Родион пьет и смеется как и в чем не бывало, после того как нагло мне солгал.

– Это твои знакомые?

Я с задержкой киваю. Глаза жутко зудят. Как он мог? Как он мог так запросто мне соврать?

– А, парень твой, – понимающе произносит Вика. – Ты чего так расстроилась-то? Вроде не с девками же. Он вроде часто тут бывает. Может кухня нравится или еще что. Позавчера тоже его здесь видела.

51

Неверие и гнев переполняют меня. А еще разочарование. Такое горькое, что подкатывает тошнота. Родион беззаботно смеется, по-прежнему меня не замечая. Ложь далась ему на удивление легко. Несколько дней подряд он желал мне спокойной ночи, после чего одевался и ехал на очередную тузовку с друзьями. Говорил, что его никуда не тянет, потому что он повзрослел. Обманывал меня как последнюю идиотку, в то время как я искренне верила в то, что мы оба готовы стараться ради нашего общего будущего. Уничтожала себя чувством вины за тягу к Северу, выкорчевывала ее из себя с кровью. Уволилась с работы, которая мне нравилась для того, чтобы не искушать себя соблазном. И все ради человека, который продолжает выбирать не меня, а друзей. Я тоже не идеальна и совершила ряд грубых ошибок, но я сделала все, чтобы начать новую жизнь честно.

Перед глазами вдруг проносятся кадры нашего воображаемого будущего. Я торчу дома с плачущих ребенком на руках, в то время как Родион продолжает заливать в себя виски в компании придурка Макара. Загнанная, несчастная, свя-

занная по рукам и ногам браком, материнством и полной зависимостью от Винокуровых. Красный диплом стилиста пылится в шкафу, друзей как не было так и нет, перспектив на обретение свободы тоже.

– Линда, – доносится до меня настороженный голос Вики. – Может, подойдешь к нему? Вместе потусите. Я не обижусь.

Это предложение вызывает во мне такой сильный протест, что голова резко дергается.

– Нет, – чеканю я, бросая последний взгляд на Родиона. Видимо, Макар отпустил очередную идиотскую шутку, если он никак не может унять смех.

Ха-ха-ха. Дурочка Линда думает, что я сплю. Ха-ха-ха. Я прислал ей фото из кровати и она купилась. Ха-ха-ха. Эта наивная думает, что когда мы поженимся, я стану примерным семьянином. Ха-ха-ха. Она в любом случае никуда не денется. У нее нет ни жилья, ни денег.

– Линда...

– Пойдем отсюда. – Похолодевшей рукой, я нахожу ладонь Вики и тащу ее за собой. – Здесь по соседству есть кафе. Там посидим.

Она не спорит, хотя вряд ли ей по душе такая перспектива. Но сейчас мне плевать. Мной словно руководит иная субличность. Разочарования так много, что оно затмевает и гнев, и боль, наполняя грудь равнодушием. Несмотря на все недопонимания, Родион был для меня самым близким чело-

веком. Даже ближе, чем папа. Я собиралась связать с ним всю свою жизнь.

– Какой у вас самый крепкий коктейль? – спрашиваю я, стоит официанту подойти к нам с меню.

– Негрони, – подумав, отвечает он.

– Принесите два. Я угощаю, – поясняю я, поймав растерянный взгляд Вики.

Мне давно хотелось это сказать, но всегда чего-то не доставало: либо друзей, которых можно было угостить, либо денег.

– Ты расстроилась, да?

Расстроилась? Это неподходящее слово. Все мои планы на жизнь только что полетели в тартарары, ведь, как выяснилось, я сделала ставку не на того человека.

– Но ведь там не было других девушек, – мягко напоминает Вика. – Просто парень решил перед свадьбой нагуляться.

Я качаю головой. Нет, не так. Скорее, он решил не останавливаться.

Негрони оказывается именно тем, что нужно. Горьковато-терпким, под стать моему состоянию, ледяным и очень крепким. После первого же глотка напряжение в груди и висках ослабевает, и картина смеющегося лица Родиона рассеивается.

– Ух, забористо так! – морщится Вика, обмахивая себя рукой. – Слушай, ты главное горячку не пори. Сколько ему? Тридцати ведь еще нет? Повзрослеет еще.

– Я думаю, дело не в возрасте, – машинально отвечаю я, глядя перед собой. Уверена, что Север в свои двадцать семь был совершенно другим.

И стоит мне об этом подумать, как перед глазами отчетливо возникает его образ. Серо-зеленые глаза, остро заточенные скулы и ослепительная улыбка. Я делаю второй глоток коктейля. Как оказывается, приятно вспоминать о нем, не истязая себя виной.

– Чему ты улыбаешься?

Я в непонимании смотрю на подругу.

– В каком смысле?

– В прямом. – Вика касается ободком бокала моего и пьет. – Сидишь и улыбаешься.

Я машинально запускаю руку в сумку, нащупывая телефон.

– Задумалась, наверное.

Быстро пролистав список контактов и убедившись, что номер Севера я точно удалила, и снова отпиваю негрони. Прекрасный коктейль. С этого дня он станет моим любимым.

– Какие планы потом? Может, потанцевать куда-нибудь сходим?

– Можно, – на автомате отвечаю я, останавливая палец на телефоне Дарины.

«Привет! Извини, что так поздно. Скинь, пожалуйста, номер Севера Евгеньевича. Я случайно его удалила».

Выключив экран, смотрю на Вику.

– А где сейчас музыка хорошая играет?

– Можно пойти в «Инсомнию» или в «Руж», – начинает увлеченно перечислять она. – В «Лойсе» по выходным играет хип-хоп...

Дзынь!

С колотящимся сердцем я разворачиваю сообщение, содержащее девять заветных цифр. Дарина верна себе: отвечает четко и по делу.

Вставив номер в строку мессенджера, я быстро печатаю:

«Я в баре «Ред Локс». Сможешь меня забрать?»

Отправив, снова пью. Почему-то у меня совсем нет сомнений в том, что Север мне ответит. В конце концов, он так долго этого добивался. Вряд ли факт моего замужества что-то изменил.

– Может, в «Инсомнию»? – продолжает весело рассуждать воодушевленная Вика. – Там у меня бармен знакомый. Вся выпивка в полцены.

Дзынь!

«Смогу через двадцать минут».

Адреналин расплзается по венам, в животе пузырится радостное волнение. Он ответил. Разумеется.

«Окей, – набираю я, широко улыбаясь. – Я тебя жду».

«Выходи».

Это короткое слово из шести букв запускает по венам новый адреналиновый ток. Нетвердой рукой вернув бокал на стол, я встаю и на удивленный взгляд Вики, все это время продолжавшей рассуждать о совместных планах на вечер, просто говорю:

– Извини, пожалуйста, но мне нужно уехать.

Вложить хотя бы немного раскаяния в эту фразу не получается, и так что она наверняка обижается. Вике ведь неизвестно, как долго я сражалась с собой, чтобы держаться подальше от мужчины, что ждет снаружи. Каких усилий мне стоило быть верной убеждениям о том, что единственный, в ком я нуждаюсь – это Родион. Тот самый, кто предложив мне стать его женой, с легкостью предал и даже не один раз. Вика не подозревает, что я слишком долго пыталась уместить себя в не подходящую по размеру капсулу, и сейчас наконец перестая пытаться. Если бы она все это знала, то обязательно бы меня простила.

– То есть, танцевать мы не пойдем, – медленно произносит она, не спрашивая, а констатируя.

– В другой раз. Прости, – повторяю я и не в силах и дальше истязать себя объяснениями, быстро иду к выходу.

Возможно, я только что уничтожила зарождающуюся

дружбу, но всерьез подумать об этом пока не в силах. Все мои мысли и чувства уже там, с Севером.

Завидев знакомый внедорожник, я на секунду застываю, после чего ускоряю шаг. Меня не удивление не заботит внешний вид – настолько уверенно я себя чувствую. Эта уверенность была подарена мне чувством свободы, выросшего из недавнего разочарования. Возможно впервые я буду брать от этой жизни именно то, чего хочется мне, а не кому-то другому.

Потянув ручку пассажирской двери, я забираюсь на сиденье.

– Привет! Спасибо, что приехал.

Взгляд Севера неспешно ощупывает меня в салонном полумраке: от широкого выреза платья до колен, на которых стоит сумка.

– Привет. Догуливаешь свободные дни?

– Не совсем. Я тебя ни от чего важного не отвлекла?

– К чему этот вопрос?

Он явно не расположен к непринужденному диалогу, что, впрочем, несколько меня не смущает. Разочароваться сильнее, чем недавно, все равно не получится.

– Пытаюсь завести разговор. Ты не рад меня видеть?

– Скорее не ожидал. Куда тебя отвезти?

Я пожимаю плечами.

– Может быть, в какой-нибудь бар для начала.

– Для начала? – Север иронично приподнимает брови.

– Да, – уверенно подтверждаю я. – А потом я хочу поехать к тебе.

Желваки на его висках напрягаются, но он вслух он ничего не произносит. Машина трогается с места.

Отсутствие положительного отклика на столь недвусмысленное предложение почему-то меня не смущает. Кажется, я дошла до той точки, когда без страха готова принять любой исход событий. Моя жизнь уже разделилась на «до» и «после». Теперь остается только наблюдать.

Спустя десять минут, проведенных в полной тишине, мы выезжаем на парковку очередного популярного бара. По-прежнему не произнося ни слова, Север глушит двигатель и первым выходит из машины. Я выскакиваю следом. Алкогольный туман в голове начинает понемногу рассеиваться и мне необходимо срочно это исправить. Поэтому с ходу наваливаюсь на барную стойку и прошу бармена сделать негрони. Ни стоит изменять тому, что отлично работает.

– А ты? – игриво спрашиваю я, когда Север прикладывает карту к терминалу.

– Я за рулем, – отзывается он, никак не реагируя на веселость моего тона.

– Тоже верно. – Приняв бокал из рук бармена, я надкусываю апельсиновую дольку и блаженно жмурюсь. – М-м-м. Прелесть.

Эта развязная девушка, в одиночку распивающая негрони за стойкой – не я. Прощлая зажатая Линда никогда бы не

стала пить одна и точно не делала бы это ради того, чтобы стать еще более нетрезвой.

– Хочешь попробовать? – Я протягиваю коктейль Северу. – Немножечко?

Он мотает головой.

– Нет.

– Ты сегодня не в настроении, – с шутливым укором заявляю я. – Кстати, вы уже нашли мне замену?

– Не знаю, – отвечает он, бросая взгляд на часы. – Тебя потом куда везти?

Сделав большой медленный глоток, я возвращаю бокал на стойку и смотрю ему в глаза. Так, как мечтала сделать всегда: уверенно и дерзко.

– Я ведь уже сказала. Хочу поехать к тебе.

Его серо-зеленый взгляд остается закрытым и серьезным.

– На хрена тебе? Радуйся, что соскочила.

Непривычная грубость взамен его обычной иронии тоже не ранит. Вместе с терпкостью кампари по телу разливается упрямство. Все, что знаю – это то, что Север меня хочет, но по какой-то причине пытается показать обратное.

Придвинувшись вплотную и коснувшись коленом его бедра, я заговорщицки шепчу:

– Соскучилась по тому, как ты называешь меня «малая».

Север смотрит на меня сверху вниз, безо всяких эмоций. Словно заново оценивая. Я не сдаюсь и не отвожу взгляд. Свалившаяся мне на голову свобода сделала нас равными.

– Оторваться решила перед свадьбой? – медленно произносит он после долгой паузы. – По хер тогда. Допивай и поехали.

53

Боевое настроение не покидает меня ровно до того момента, как мы подъезжаем к дому Севера. Всю дорогу я болтала без умолку, подпевала всем известным и неизвестным песням, но стоило двигателю заглохнуть – меня словно холодной водой окатывает. Становится страшно. Все незнакомое ведь. Таунхаус этот и его молчаливый хозяин. Я привыкла к другому Северу, к ироничному разговорчивому и много улыбающемуся. А от этого мужчины будто не знаешь, чего ожидать.

– Не передумала? – произносит он, заметив, как я вцепилась в ремень безопасности. – Могу отвезти обратно.

Это предложение расставляет все по своим местам. Уезжать я не хочу, потому как нахожусь именно там, где хочется.

– Нет. – С этими словами я отстегиваю карабин и толкаю дверь от себя. – Но ты уж постарайся быть приветливее. Сначала забрасываешь непристойными предложениями, а когда я на них соглашаюсь, ведешь себя как последний хам.

– Хам? – В голосе Севера проскальзывает намек на веселье. – Хам бы не приехал по первому твоему зову.

– Приехал, чтобы иметь возможность хамить, – парирую

я, быстро возвращая себе недавнюю смелость. – Перестань прикидываться оскорбленным букой. Если тебя так задело то, что я выхожу замуж – мог бы попросить меня этого не делать, а не обзывать душой.

– Думаешь, меня это задело? – насмешливо переспрашивает он.

В другой раз этот вопрос прилично бы меня смутил, но сейчас, благодаря алкоголю, этого не происходит.

– Просто могу найти другого объяснения. – Я беспечно пожимаю плечами. – У тебя, кстати, алкоголь дома есть?

– Не держу. И тебе, думаю, хватит. Вон какая дерзкая.

– Я вроде тебе такой нравлюсь? – Я улыбаюсь во весь рот.

Криво усмехнувшись, Север кивает. Мол, хватит болтать, пошли.

Послушно иду следом. Я наконец определилась с целями, и от этого все сильнее закипает азарт. Не думаю о Родионе и о том, каким будет мое завтра. Живу здесь и сейчас, как ни разу себе не позволяла.

– У тебя мило, – заключаю я, оглядев просторный, хотя и пустоватый вестибюль.

– Можешь не разуваться, – бросает Север, проигнорировав комплимент. – Клининг завтра приедет.

Задержавшись взглядом на туфлях, я все решаю их снять. Полы выглядят слишком чистыми.

– Сколько в доме комнат? – Я с интересом оглядываюсь по сторонам.

– Четыре. Я его арендую. – Север щелкает выключателем, открывая взгляду гостиную, объединенную с кухней. – Будешь что-нибудь? Кофе или воды?

Проведя ладонью по мягкой обивке дивана, я игриво интересуюсь:

– А вина точно нет?

– Точно.

– А если найду? – не сдаюсь я, решительно направляясь к кухонному гарнитуру.

Привалившись к островку, Север молча наблюдает, как я один за другим открываю шкафы. Скажи кто-то, что я буду так бесцеремонно вести себя в гостях, не поверила бы. Как в прочем и тому, что добровольно изъявлю желание заняться сексом без обязательств.

– Нашла! – победно восклицаю я, подняв над головой полупустую бутылку виски. – Теперь тебе придется со мной выпить.

– Это еще почему?

Обернувшись, я ловлю на себе его взгляд, от которого по коже проносится легкий озноб. Уж слишком выразительно Север смотрит. Словно хищник, решающий, как поступить с добычей: проглотить или отпустить.

– Потому что ты слишком напряжен и тебе не помешает расслабиться, – весело заключаю, переходя к поиску бокалов. – Думаю, льда у тебя нет, так что придется пить так.

Подойдя к Северу, я передаю ему стакан. Он, на удивле-

ние, его берет, но пить не торопится, продолжая меня изучать.

– Почему ты так смотришь? – Вдохнув горьковато-древесный запах, я делаю крошечный глоток. Морщусь. Господи, какая гадость. Не зря я никогда не пила виски чистым.

– Интересно за тобой наблюдать.

Сорокаградусный напиток делает свое дело: тело вновь наполняется легкостью, а мозг – безбашенностью.

– Только наблюдать собираешься? – уточняю я, призывно вскидывая подбородок.

Не сводя с меня глаз, Север пьет.

Я победно улыбаюсь. Его капитуляция заставляет почувствовать себя свободнее.

– Вот и умница. Люблю, когда ты послушный.

Я понимаю, что перегнула палку уже в следующую секунду, когда он рывком выдирает бокал из моей руки и с грохотом ставит его на стойку вместе со своим.

– Любишь приключения себе на задницу искать, дуреха. За словами следи.

Грубо окольцевав запястье, Север дергает меня к себе. Тело пробивает током: то ли от испуга, то ли оттого, что я оказываюсь прикованной к нему без возможности двинуться.

Затаив дыхание, я смотрю ему в глаза. Они всего в десятке сантиметров, завораживают своим свинцовым оттенком, пытаются подчинить. По животу разливается жар. Невозможно прижиматься друг к другу и не испытывать сексуального на-

пряжения.

– Хочешь меня? – одурманенно шепчу я.

Взгляд Севера спускается к моим губам, рука нащупывает мою ладонь и проталкивает ее за пояс брюк.

Сильнейшая вспышка вожделения заставляет захлебнуться собственным вздохом. Там горячо и твердо, и еще немного влажно. Это член другого мужчины. Не Родиона. Странно, что это не приводит меня в ужас.

Сжав головку, я делаю неловкое движение рукой. В мозгу вереницей закручиваются мысли. Что я недостаточно опытна и хороша для такого, как Север. Что сейчас он возможно думает о том, как нелепо я смотрюсь.

Зажмурившись, незаметно трясую головой, чтобы осечь это ненужное самобичевание. Член у него каменный. Значит все хорошо.

– Хватит дрожать. – Ладонь Севера останавливает мою, и я в эту же секунду я чувствую вкус его губ и тепло языка.

Захлебнувшись эмоциям, крепко обнимаю его шею. Поцелуй – это именно то, чего мне не хватало. С ним все происходит правильно. Без страха и сомнений. Я хочу заняться с ним сексом. Хочу, чтобы его член входил в меня много и глубоко. Хочу чувствовать его руки и рот на своем теле. Узнать, какой он выглядит и ведет себя в самых интимных моментах. Захлебываться его запахом. Без остановки целоваться.

– Раздень меня, – лепечу я, на мгновение разорвав наши

рты.

Прикосновение, горячее и грубоватое обжигает бедро. Стринги сползают к коленям, а подол платья напротив задирается.

Север не церемонится, не пытается быть нежным. Он мнет мои ягодицы грубо и жадно, как никогда не позволял себе Родион. Но по какой-то причине мне это нравится. Нравится настолько, что я до ломоты выгибаю поясницу, умоляя его продолжать.

– Хочу еще... – Я снова проталкиваю ладонь ему под брюки, но Север вновь меня останавливает.

Я жалобно моргаю.

– Что не так?

– В спальню, малая, – Его голос сипло вибрирует, в глазах горит одержимость, – иначе я тебя прямо здесь раком оттрахаю.

54

До спальни мы доходим порознь, что дает эмоциональному накалу немного стихнуть. Правда ровно до того момента, как Север щелкает выключателем и, подойдя вплотную, похозяйски толкает меня к себе, снимая незавершенную сцену с паузы. За секунду все возвращается: прерывистое дыхание, мое постанывание, влажные звуки поцелуя, нетерпеливость прикосновений. Контакт с ним ощущается совершенно по-

другому. Я не могу подсознательно не отмечать этого, ведь моим первым и единственным партнером до этого дня оставался Родион. Север тверже, шире, рельефнее, грубее. Трогает иначе, пахнет иначе, не давая ни на секунду забыть, что он игрок иной лиги. С Родионом секс был на равных, по взаимной договоренности. С Севером иначе: он уверенно берет то, что хочет, не пускаясь в переговоры. Опасность, которая всегда незримо исходила от него, сейчас обретает реальные черты. Это пугает и нравится мне одновременно.

– Ты ведь не сделаешь мне больно? – Мои пальцы в нерешительности замирают на его брюках.

– Я не насильник, если ты об этом, – отвечает он с запинкой.

Кивнув, я тяну молнию вниз. Верно. Он не насильник. Если я попрошу остановиться, он это сделает в любой момент. Потому что Север взрослый и умеет нести ответственность за свои поступки.

Мое платье падает на пол, оставляя меня стоять абсолютно голый. Эта модель не предусматривала ношения бюстгалтера, а со стрингами я рассталась еще в гостинной.

– Давай выключим свет, – шепотом прошу я.

– Тебе вроде нечего стыдиться. – Сбросив свитер, Север обводит меня взглядом от шеи до кончиков пальцев. – Десять из пяти, малая.

Поборов желание обнять себя руками, я смущенно улыбаюсь. Да, он совершенно другой. Но несмотря на всю грубо-

ватость, Северу, как и Родиону, удастся заставить меня почувствовать себя красивой и сексуальной.

– Ты тоже очень красивый. – В ответ я осмеливаюсь оглядеть его, стоящего в одних боксерах. От волнения и возбуждения во рту пересыхает, и слова звучат еле слышно.

Север мужчина, не парень. Его тело буквально об этом кричит. Оно крепкое, сильное по природе, заматеревшее жизнью, а не благодаря тренировкам и тоннам спортивного питания.

Не ответив, Север стягивает боксеры, позволяя члену, наполненному кровью, покачиваясь, опуститься под прямым углом. Мои щеки вспыхивают. Он делает это свободно, глядя мне в глаза, словно мы уже много раз занимались этим.

– Иди сюда. – Это не звучит как просьба.

Я делаю послушный шаг вперед. Застыв, замороженно смотрю в темно-свинцовую радужку, ловя горячее дыхание. Задержавшись взглядом на моих губах, Север надавливает на плечи. Колени машинально подгибаются, и эрекция оказывается перед моим лицом. Острый прилив возбуждения разносит влажный жар по телу. Родион никогда так не делал. Он всегда просил, а не заставлял.

Не осмеливаясь взглянуть наверх, я сжимаю член у основания и осторожно придвигаюсь к нему губами. Запах чистого белья и возбужденной мужской плоти входит меня с каждым вдохом, заставляя хотеть это делать. Сосать, сглатывая слюну, погружать глубоко в рот, наслаждаться твердостью,

доставлять и получать наслаждение.

Тронув головку губами, я подаюсь вперед, слизывая новый вкус. Сверху раздается шумный вздох, от которого под пупком ноет и тяжелеет. Издав тихий стон, отвожу голову назад и смаргиваю выступившие слезы. Щеки потягивает от напряжения.

– Соси еще, малая. – Голос Севера звучит завораживающе хрипло. – Ты же помнишь, что мне должна.

Эта фраза заставляет меня плавиться с новой силой. Сдавлив член ладонью, я щекочу нежную кожу языком, двигаю головой назад и вперед, вбирая и впуская каменную длину, задыхаюсь, истекаю слюной и ерзаю от растущего возбуждения. Еще никогда минет не доставлял мне такого наслаждения. Оно странное, не похожее ни на что. Щеки сводит, тянет мышцы ног, из глаз текут слезы, но останавливаться совсем не хочется. Хочется продолжать.

Влаги во рту так много, что член утыкается в стенку горла, заставляя меня закашляться. Непроизвольно вскинув глаза, я ловлю взгляд Севера. В висках стыдливо стучит: он, что, все это время на меня смотрел?

Отстранившись, он проводит пальцем по моим губам, размазывая слюну. Не понимая, что это может означать, я снова тянусь к его члену, но Север перехватывает мое запястье и, дернув вверх, заставляет подняться.

Ноги затекли и с трудом меня держат.

– Я хотела еще...

– Потом, – силло отрезает он, толкая меня к кровати. – Хочу тебя трахать.

55

Едва спина соприкасается с одеялом, я предпринимаю попытку приподняться, но Север лишает меня этой возможности, придавливая своим телом. Его член задевает внутреннюю поверхность бедра, и лишь в тот момент я наконец в полной мере осознаю, что сейчас случится секс с кем-то, кто не является Родионом. Уверенность в том, что он останется моим первым и последним мужчиной проросла слишком глубоко, чтобы об этом не думать.

Закрыв глаза, я целиком погружаюсь в окруживший меня мужской запах. Он пьянит настолько, чтобы суметь отключиться. Говорят, когда нравится аромат кожи – ты нашел своего человека. Мне нравилось, как пахнет Родион, но с Севером другое. Его запах – мой личный наркотик. Он оживляет все известные рецепторы, вызывает желание дышать глубже, заставляет возбуждаться.

Дернувшись, я ахаю. Его пальцы касаются меня между ног, растирают выступившую смазку по клитору.

Выгнувшись, развожу колени шире. Желание получить свою порцию наслаждения становится слишком нестерпимым.

Север улавливает мой призыв, и в следующее мгнове-

ние погружает в меня пальцы. Они проникают на всю длину фаланг, подкручиваясь, отчего в теле зарождается новое сладостное натяжение. Распробовать его полностью мешает некстати пришедший вопрос о том, со сколькими женщинами Север это делал. Наверняка, со многими. А мне хочется быть больше чем «одной из».

– Поцелуй, – прошу я, обняв его плечи.

Почувствовав прикосновение его рта после небольшой заминки, я со страстью ему отдаюсь. Постанывая от эйфории, щекочу язык Севера своим, посасываю, ласкаю, провоцирую, щедро отдавая ему свою слюну.

– Хватит... – Север прикрывает глаза и, выпрямившись, на несколько секунд сжимает член в руке.

– Что? – растерянно переспрашиваю я.

– Нужны презервативы.

Он встает, поднимает с пола брюки. Затаив дыхание, я смотрю в потолок. Пульс бешено пульсирует.

Заглянув в телефон, Север быстро стучит пальцами по экрану, после чего, отшвырнув его в кресло, разрывает обертку контрацептива.

– У меня никогда не было ни с кем, кроме Родиона, – зачем-то сообщаю я.

– Я ведь не спрашивал, – хрипло произносит он, глядя на меня сверху.

– А мне почему-то захотелось сказать.

– Понял.

Воздух вылетает из легких под напором глубокого проникновения и, трансформировавшись в стон, оседает на коже. Мне туго, терпко, сладко, влажно. Впившись ногтями в спину Севера, я с готовностью принимаю в себя его точки. Образ Родиона окончательно стирается из памяти, и остаемся мы вдвоем. Я занимаюсь сексом с мужчиной, который долгое время был для меня под запретом. Он без остановки трахает меня, вбивая в одеяло. Раздвигает изнутри, заставляя ступни дергаться, трется, скользит, заставляет истекать смазкой.

– Еще... Пожалуйста... – выдыхаю я, когда его ладонь сдавливает мою грудь.

– Нравится?

– Да. – Я в исступлении прикрываю глаза. – Однажды я представляла, что мы занимаемся сексом.

– И как это было? – Голос Севера звучит сипло и требовательно.

Я сглатываю. Не слишком ли откровенно о таком говорить? Это ведь мои фантазии.

Однако алкоголь делает свое дело, и я решаюсь.

– Мы целовались, а потом ты взял меня сзади.

Стоит это произнести, как Север рывком заставляя меня подняться, и развернув, ставит на четвереньки. Проникновение в этой позе ощущается вдвое острее, почти болезненным.

Вцепившись ногтями в одеяло, я кусаю губу и вскрикиваю

под звонкие шлепки. Сжав мои бедра, Север быстро и сильно толкает меня на себя.

Яркие вспышки, появившиеся перед глазами, отражаются во всем теле. В груди, в животе, в промежности. Я – нерв, искрящийся от каждого прикосновения. Когда их накопится достаточно – разорвусь.

– Сюда было у тебя? – Палец Севера касается моего ануса, слегка надавливая.

Сердцебиение учащается до патологического, поднимаясь к горлу.

Я мотаю головой.

– Нет.

Точки учащаются и вместе с этим я чувствую жжение между ягодицами. Натяжение внутри становится невыносимым. Эмоциональное напряжение тоже. Не спросив, Север берет меня сразу в двух местах. Это одновременно пугает и возбуждает настолько, что я теряю контроль.

Обычно я знаю о предстоящем оргазме минимум за пару минут, но сейчас он становится неожиданным, подобно педальке, брошенной под ноги. Вспышка перед глазами ослепляет. Протяжно вскрикнув, я опадаю на одеяло под гнетом бешеной пульсации. Комната исчезает, а вместе с ней и Север. Исчезает вообще весь мир.

Слух и зрение возвращаются ко мне, лишь когда внутри неожиданно становится пусто. Я вижу серое изголовье кровати, слышу учащенное, дыхание Севера, сквозь которое он

хрипло матерится.

– Малая... Пиздец...

56

– Привет. – Повернувшись, я смотрю на Севера, задумчиво разглядывающего потолок. – Ты давно проснулся?

Странно, но пробуждение в чужом доме, в чужой постели, рядом с чужим мужчиной, не вызывает во мне ни чувства стыда, ни желания поскорее сбежать. Несмотря на изрядное количество алкоголя, события прошлой ночи я помню до деталей и ничего не стала бы менять. Даже сцену с обманувшим меня Родионом. Это была замечательная ночь, которая многое расставила по своим местам.

Север поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. Сердечный ритм ускоряется, в груди заметно тяжелеет. В утреннем свете его глаза выглядят особенно яркими, а сам он – невероятно притягательным и красивым.

– Только что. Как спалось?

– Хорошо. – Уткнувшись щекой в одеяло, я продолжаю его разглядывать. – А тебе?

– Нормально. Время почти десять. – Он кивает на невидимые часы. – Тебе домой торопиться не нужно?

Я энергично мотаю головой.

– Не-а. Вчера все поменялось. Пока вообще не представляю, как и где буду жить. – Я ловлю себя на том, что говоря

это, не могу перестать улыбаться. – Свадьбы не будет. Вчера забыла тебе сказать.

Не похоже, что эта новость производит на Севера глубокое впечатление. Его лицо не меняет своего выражения, а в глазах читается скепсис.

– А жених-то об этом знает?

– Нет еще. Но узнает обязательно.

– Ясно. – Заложив руки за голову, он снова смотрит вверх.

По-своему трактуя подобную реакцию, я глажу его плечо. Север ошибочно полагает, что я его обманываю. Думает, что причина того, что я нахожусь рядом – алкоголь. Это не правда. Я хотела быть именно с ним, а спиртное просто помогло мне решиться.

– Не считай, что я тебя использовала. Совсем не так. Я позвонила, потому что хотела. Потому что все это время не могла выкинуть тебя из головы.

– Ты мало спала и много выпила, – негромко произносит Север после небольшой паузы. – Не говори того, о чем будешь жалеть.

– Я абсолютно вменяема, – возражаю я, ничуть не задетая его недоверием.

Напротив, оно вызывает желание доказать, что мои эмоции – искренни, а порывы – чистые. Моя зажатость куда-то испарилась, и сейчас я едва ли не впервые в жизни испытываю потребность быть честной и открыто говорить о своих чувствах без боязни быть отвергнутой или неправильно по-

нятой. Впервые шагнув в неизвестность, я захотела и дальше быть смелой.

Для чего врать себе самой? Ясно как день, что я в него влюблена. В Севера. Наш секс стал тому новым доказательством. Интим с Родионом никогда не вызывал во мне такую бурю чувств и эмоциональных переживаний.

– Ты стал тем, что повернул мою жизнь на сто восемьдесят градусов, – продолжаю я, звеня от волнения. – Благодаря тебе я вернула себе связь с собой же. Стала лучше понимать, чего мне хочется, и замечать, что многие реакции и внутренние установки – они не мои, а кем-то подброшены. А на деле я совершенно другая... Не хорошая, не прилежная. Я склочная, амбициозная, капризная... Неидеальная, но живая. Именно твоя честность с самим собой и окружающими стали для меня примером...

– Ты слишком хорошо обо мне думаешь, малая, – нахмурившись, перебивает Север. – Я не задавался целью стать твоим проводником в лучшую жизнь. Свои намерения я честно озвучил. Меня интересовал только секс.

– Но это же неправда. Для чего было вести меня в ресторан и давать денег в день нашего знакомства. Или помогать с работой?

Север шумно вздыхает.словно с раздражением.

– Если бы это был просто секс, тебя бы мало заботило мое удовольствие, продолжаю я, подстегиваемая его молчанием. – За ночь я получила два обалденных оргазма. Это о

чем-то да говорит.

– Типичная женская черта – притянуть факты за уши, чтобы доказать свою теорию.

– Не верю, что все, что ты делал лишь для того, чтобы залезть ко мне в трусы, – возражаю я с укором. – Миссия выполнена. Ты со мной переспал, однако до сих пор не выгонишь из дома.

Усмехнувшись, Север на меня косится.

– Может быть, потому что рассчитываю на прощальный минет.

– Думаешь, я буду против? – Я без стеснения удерживаю его взгляд. Собственная раскованность не перестает удивлять меня саму. – Братъ у тебя в рот мне понравилось.

Цвет его радужки заметно темнеет, а рука словно на автомате опускается под одеяло.

Знакомая жаркая вспышка эхом проносится по телу, сконцентрировавшись в животе и щеках.

– И чего ты покраснела? – Медленно оглядев мое лицо, Север откидывает одеяло. Мой взгляд замороженно застывает на внушительной эрекции. – Соси, раз понравилось.

57

– Неохота никуда уходить, – тихо признаюсь я, глядя на полоску света, разделившую стену напополам. – У тебя так спокойно.

– Я тебя не выгоняю.

В ответ я просто улыбаюсь. Не хочется забегать вперед, чтобы не спугнуть то, что есть здесь и сейчас. Я и Север, лежащие в одной кровати. Моя голова покоится на его плече, а он свободной рукой держит сигарету, которую неспешно подносит ко рту, выдувая сладковато-терпкий дым. Сцена, достойная фильма.

– А ты любил своего отца?

– Да, очень.

– Вы были близки?

– До какого-то времени. Лет до семнадцати, наверное.

Я снова улыбаюсь. Трогательно, когда между отцом и сыном имеется крепкая душевная связь.

– А что случилось потом?

– Я уехал из дома. Думаю, я его разочаровал.

– Чем?

– Тем, что пошел по неправильному пути, по его мнению.

Я непроизвольно киваю. Это актуальная проблема, которую мне предстоит в ближайшее время решить. Сообщить папе, мечтающему увидеть меня замужем за Родионом, о том, что этого не случится.

– Когда-то это было моей главной фобией. Разочаровать папу.

– Было? – не без иронии переспрашивает Север.

– Да. Я всегда жила с оглядкой на то, что он думает. Всегда выбирала его, сколько себя помню. А теперь даже не знаю,

принадлежали ли мне когда-то мои желания. Хотела ли я в действительности поступать в вуз и быть стилистом. Правильно ли я сделала, что перестала общаться с мамой. И много чего еще.

Я прикрываю глаза. Даже удивительно, как много всплывших озарения пришло ко мне за последние сутки. Я словно получила возможность увидеть всю свою жизнь со стороны без фильтров и постороннего шума. Картина сложилась удручающая. Я не жила, а существовала в роли бесправной марионетки, которую сама безоговорочно приняла. Север все изменил.

– Ты, кстати, не слишком-то разговорчив, – я шутливо толкаю его в бок.

Потрепав меня по плечу, Север смеется.

– Просто высосала из меня все соки.

Его негромкий смех подтверждает то, что я почувствовала несколько минут назад: невидимая стена между нами исчезла. От осознания этого хочется улыбаться. Понятия не имею, что будет между нами завтра, но сейчас, в моменте мне очень хорошо.

– Задам бестактный вопрос. Отчего умер твой папа? Он ведь был совсем молодым. У него были проблемы со здоровьем?

– Его машина взорвалась. – Докурив сигарету в одну затяжку, Север тушит ее в блюде. – Проблем со здоровьем у него никогда не было.

По телу проносится озноб. Взорвался? Такое разве бывает в мирное время? Такое могло случиться лишь по причине серьезной технической неисправности. Если так, это очень печально. В болезни смерть хоть как-то ожидаема. А тут...

– Пусть ты и сказал, что давно пережил смерть папы, я все равно хочу еще раз выразить свои соболезнования. – Повернувшись, я осторожно трогаю губами его плечо. – Потому что мне кажется, что ты ее еще не пережил. Это слышно по твоему голосу.

Ничего не ответив, Север прикуривает вторую сигарету.

– А еще мне кажется, что я в тебя влюблена, – шепотом говорю я, глядя на распадающееся кольцо сизого дыма.

– Тебе кажется, малая, – произносит он после секундной заминки и щекочет мою макушку подбородком. – Это все эндорфины после секса.

– Не, не так. Секс случился только потому, что я в тебя влюблена. Это правильная последовательность. И не пытайся убеждать меня в обратном. Ты сам учил прислушиваться к себе. Говорить о своих чувствах мне не стыдно. Я все равно ничего не жду в ответ...

– Ждешь, – решительно перебивает Север. – Если я прямо сейчас скажу, что тебе пора покинуть мой дом, ты расстроишься.

Приподнявшись, я смотрю ему в глаза. Собственное бесстрашие приводит меня в недоумение и восхищение. Я устала прятаться от жизни настолько, что готова услышать прав-

ду, какой бы она ни была.

– А ты хочешь, чтобы я ушла?

Взгляд Севера изучающе скользит по моему лицу, постепенно меняя оттенки. Из задумчивого он становится темным и закрытым, но потом светлеет, наполняясь золотистым теплом.

– Я сниму тебе отель на неделю, а потом решим.

Это предложение не встречает во мне ни разочарования, ни протеста. То, что Северу не все равно, что будет со мной завтра, обнадеживает. К тому же, я и не ждала, что он так сразу предложит съехаться. Еще вчера я собиралась выйти замуж за Родиона и строила совершенно иные планы.

– А ты собираешься меня навещать в этом отеле? – осведомляюсь я, пряча улыбку.

Запрокинув голову, Север неожиданно громко смеется. Складывается ощущение, что смех не входил в его планы, но он просто не сумел его сдержать.

– Умеешь удивлять, малая. Я начинаю чувствовать себя не охотником, а жертвой.

Потушив окурок, он резко сбрасывает с нас одеяло и встает.

– Все, хватит нежится. Я уже час назад должен был быть в другом месте. Позавтракаем, а потом отвезу тебя в гостиницу.

Я послушно спрыгиваю на пол, ощущая себя невероятно счастливой просто так, без причины. Хотя причины, конеч-

но, есть. Впереди отчетливо замаячила новая жизнь, где я абсолютно свободна. И мне больше не нужно скрывать свои чувства к Северу. Ни от себя, ни от кого бы то ни было.

58

Глядя на Севера, неспешно попивающего кофе и разговаривающего по телефону, я испытываю странную эйфорию. Спустя двадцать лет абсолютного контроля и финансовой защищенности моя жизнь ступила на путь неизвестности – я в буквальном смысле не знаю, где проснусь завтра и насколько хватит ли на моих сбережений, и при этом чувствую себя счастливой. Делать выбор в пользу своих желаний оказывается так здорово. Тело ощущается подвижным и невесомым, с лица не сходит улыбка и даже дышится иначе: глубоко и свободно, будто из легких исчез какой-то ограничитель.

– Ты чего так меня разглядываешь? – Север приподнимает бровь.

– Потому что мне хочется, – честно отвечаю я, пожав плечами. – Ты красивый.

Он снова тянется к кофе. Даже удивительно, что из такой крошечной чашки можно так долго пить.

– Когда я начала больше разговаривать, ты стал молчаливым. Почему так?

– Для баланса, – отвечает он с усмешкой.

– А мне кажется, что ты смущаешься.

– Это не так.

Я шутливо гримасничаю.

– Хочешь сказать, что неуязвим? Таких не бывает.

– Значит, уязвим я в чем-то другом. Точно не в этом.

– Не доверяешь мне? Ты будто намеренно пытаешься держать дистанцию.

– Возможно.

– На это есть причины?

– Несколько.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне о них?

Север внимательно смотрит на мое лицо, затем на мои кисти, обхватившую кружку с чаем, и кивает. Мол, все возможно.

– Я не собираюсь туда возвращаться, – твердо говорю я.

По его взгляду понятно, что он мне не верит. Если учесть обстоятельства нашего знакомства – ничего удивительного. Но это сейчас и не важно. Со временем Север сам все увидит. Пусть на первых порах будет сложно, я ему докажу, что мой выбор окончателен, и мои отношения с Родионом остались в прошлом.

– Как завтрак? – Север кивает на мою опустевшую тарелку, очевидно, желая сменить тему.

– Очень вкусный, – с улыбкой заверяю я. – Удивительно, как я раньше здесь не была. Если мы торопимся, я могу попросить сделать чай с собой.

– Пей спокойно. Я пока в отель позвоню.

Следующие несколько минут я слушаю, как Север договаривается с администрацией гостиницы о моем недельном размещении на условиях полного пансиона. В левой половине груди все больше тяжелеет. Какой он все-таки невероятный и как похож на моего папу. Они оба настоящие мужчины: если берут на себя ответственность за что-то, то делают это по максимуму.

– Все, теперь поехали, – положив на середину стола две купюры, Север встает. – Довезу тебя до отеля. Паспорт есть?

Я выразительно смотрю на декольте своего несвежего платья. Мол, ты всерьез думаешь, что у меня при себе имеются документы?

– Значит, фотографию покажешь, – парирует он, беря меня под локоть.

– Да, так и сделаю, – Я быстро переставляю ноги, следуя за ним, и вновь ощущаю себя по-детски счастливой. Просто потому что он держит меня за руку на глазах других людей. – А оригинал тогда вечером привезу.

Даже мысль о том, чтобы встретиться лицом к лицу с Родионом, не вызывает ни волнения, ни страха. И сокрушительное разочарование от его очередного обмана куда-то улетучилось. Ночь, проведенная с Севером, изменила все. Становится предельно ясно, что нам с Родионом необходимо было расстаться, потому что мы не созданы друг для друга. Рядом с ним я не горю, а тлею, испуская никому не нужный дым. Рядом с ним не чувствую стимула расти и становить-

ся лучше. Рядом с ним я не умею быть собой. Если бы мы поженились, мой огонь окончательно затух под тяжелой рукой Винокурова-старшего, привыкшего дозвониться над близкими. Так что все идет так, как и должно. Я просто соберу свои вещи, поблагодарю семью Винокуровых за все, что они для меня сделали и пойду своей дорогой.

Эту мысль я встречаю с энтузиазмом. Она похожа на план.

– Если что-то пойдет не так – позвони, – распоряжается Север, останавливая автомобиль возле гостиничного входа.

– Ты имеешь в виду, сегодня или вообще?

– Сегодня и вообще.

– Ты, кстати, так и не ответил. – Я одариваю его многозначительным взглядом. – Ждать мне тебя или нет?

– Не знаю пока, – произносит он сосредоточенно. – День предстоит сложный.

– Ясно.

Потянувшись через консоль, я касаюсь губами его щеки, и, не удержавшись, целую по-настоящему. Опустив ладонь на мою поясницу, Север, пусть и с небольшой заминкой, отвечает на поцелуй, возвращая недавнее состояние эйфории.

В вестибюль отеля я захожу с улыбкой до ушей и, остановившись, растерянно оглядываюсь, поняв, что напрочь забыла о цели своего визита. Если с влюбленностью люди глупеют, то я, судя по всему, в Севера влюблена без памяти.

Север

Проводив глазами удаляющуюся фигуру малой, я надавливаю на педаль газа и достаю сигарету. Никотин успокаивает мысли, а это то сейчас нужно. После минувшей ночи в голове царит хаос.

– Да, Шаман. – Ткнув в загоревшийся дисплей, я открываю окно, чтобы выпустить струю дыма. – Не отвечал, потому что занят был. С кем, не твое дело. Нет, не подхвачу. Сейчас в офис заеду, а потом покачу на зону. К кому? А ты сам догадайся.

59

– К Олябьеву, – сообщаю я подошедшему охраннику. – Сотников должен был предупредить.

– У меня в списке посетителей к нему нет, – буркает он, глядя на меня с нескрываемым недовольством. – И на сегодня визиты окончены.

Сев на металлический скамью, накрытую холщовой тряпкой, я вытягиваю ноги. Вечно здесь все через одно место, к кому не обратиться.

– Так звони и уточняй. На два часа назначена встреча.

– Фамилия ваша как? – После небольшой заминки охран-

ник прикладывает трубку к уху. – Вдруг Виктор Эдуардович спросит.

– Скажи, что Север приехал. Он в курсе.

Спустя десять минут меня заводят в комнату для свиданий. Конкретно в этой я не был ни разу, но интерьер настолько знаком и привычен, что передергивает сразу. Узкая шконка с продавленным матрасом, прожжённый окурками журнальный стол, старый взбугрившийся линолеум.

Прикурив сигарету, я задумчиво рассматриваю пыльные разводы на окне. Вот-вот произойдет встреча с человеком, которого я когда-то безмерно уважал.

Владимир Олябьев, в узких кругах известный как Мудрый, не зря получил свое прозвище. У него был редкий дар в кратчайшие сроки находить рациональное решение проблемы и уметь доходчиво его донести его публике. Сколько не крути другие варианты, все равно придешь к тому, что предложенный Мудрым план – самый лучший.

Но на этом его таланты не заканчивались. Еще Мудрый умел гениально обращаться с цифрами. Каждый, кто был свидетелем тому, как он сходу составлял план долгосрочных инвестиций, озвучивая прогнозируемые суммы прибыли, позже с благоговением рассказывали об этом на каждой пьянке. По этой причине, Дядя Витя, как звали нашего старшего, всегда с ним советовался. Пусть формально Мудрый никогда не принадлежал ни к «Верхам», ни к «Ростовским», он был важной их частью. Он часто присутствовал на сход-

няках и его авторитет в криминальных кругах был неоспорим.

С протяжным скрипом дверь распахивается, и в комнату заходит он. Затушив окурок в пепельнице, я снова чиркаю зажигалкой. Мудрый постарел, похудел, но взгляд остался таким же острым и цепким.

– Какие люди у меня в гостях, – медленно произносит Олябьев, не выдавая ни страха, ни удивления. – Рад видеть, Север. А я уж думал, ты давно сменил страну проживания.

– Неужели на зоне радио больше не вещает, – без улыбки осведомляюсь я, – и ты не в курсе новостей?

– Посетители ко мне не ходят. Только дочь.

– Что неувидительно. – Я протягиваю ему раскрытую пачку. – Будешь?

Мотнув головой, Мудрый опускается на шконку.

– Благодарю. Бросил. За здоровьем слежу.

Я глубоко затягиваюсь. Встреча с ним лицом к лицу поднимает со дна задремавшие воспоминания, вплоть до запахов и голосов. Удивительная вещь память. Так до хрена в себе хранит, но особо бережно то, о чем мечтаешь забыть.

– Помнишь нашу последнюю встречу, Мудрый?

Олябьев морщит лоб, будто обдумывает мой вопрос, и пожимает плечами.

– Нет, не помню. Старый стал.

– Я стоял перед тобой на коленях. – Я зло выдуваю в него плотную струю дыма. – Умоляя вернуть деньги, который ты

спиздил, и остановить полугодовую резню.

– Мой ответ остается тем же. – Мудрый меряет меня сочувственным взглядом. – Я здесь не причем. Ищите крысу среди своих.

В ушах поднимается шум. Сжав кулаки, я машинально шагаю к нему с намерением размазать. Спустя столько лет он продолжает думать только о бабках и бессовестно врать.

– Ублюдок – слишком мягкое для тебя слово. Какой ты, блядь, Мудрый. Обычная сявка.

– Продолжишь в таком духе, я постучу в дверь и меня уведут. – Олябьев смотрит себе на ногти. – Не трать мое время, Север. Угрожать тебе нечем, доказательств, что общак увел я, у тебя, я тоже нет. К пропаже денег я не причастен. Мне жаль твоего отца и пацанов тоже жалко. Как дети мне были. Ищите крысу среди оставшихся в живых. Как видишь, если ты включил диктофон в расчете на чистосердечное – то зря.

– Диктофон я не включал, но с собой кое-что принес.

С этими словами я подхожу к нему и сую под нос экран телефона.

– И не смей, сука, ни пацанов, ни отца моего трогать. Посмотри-ка немного, затем поговорим.

Хватает нескольких секунд, чтобы лицо Мудрого побагровело, а глаз задергался. Я уже стал забывать об этой его

особенности. Когда ему что-то сильно не нравилось – начинался нервный тик.

– Думаю, тебе хватило. – Я забираю телефон из его рук и прикуриваю сигарету.

– Это не моя дочь. – Не глядя на меня, Олябьев крутит головой. – Линда замуж выходит. На хера ты ей сдался.

– Выходит, она не такая послушная, как ты считал. Я бы даже сказал, совсем не послушная.

– Убью, сука! – Резко вскочив, Мудрый заносит руку, но недостаточно быстро, чтобы не суметь ее перехватить.

– Уймись, папаша. – Я намеренно не сразу его отталкиваю, чтобы иметь возможность посмотреть в глаза. – А то сейчас сюда конвоиры сбегутся, и мы не успеем договорить. Теперь ты знаешь, что это и в твоих интересах.

– Ты это смонтировал, – выплевывает он, тяжело дыша мне в лицо.

– Не смейся. Стал бы я с такой херней заниматься. А то, что Линда ни разу обо мне не упоминала, должно навести тебя на определенные мысли. За время твоей отсидки малая выросла и больше тебе не доверяет.

Отпихнув его от себя, я машинально вытираю ладонь о брюки.

– А чего ты хочешь этим добиться? – медленно произносит Мудрый, сверля мою переносицу взглядом, полным ненависти. – Думаешь, порнуха заставит меня признаться в том, что это я угнал общак? Сначала стоял на коленях, те-

перь пытаешься шантажировать? Дурачок ты, Север, и всегда таким был.

– А мне знаешь, что интересно? – Я намеренно игнорирую попытку себя задеть, чтобы не спровоцировать драку. Сейчас она ни к чему. – Как вышло, что прямо перед твоей посадкой Линда начала встречаться с сыном Аспида? Было время, вы с ним не слишком-то ладили. Неужели не было других кандидатур?

Олябьев зло щурится.

– Не твое собачье дело.

– Можешь не отвечать, – продолжаю я. – Это и так знает каждый, кто имеет отношение к улице. Когда стало известно, что тебя посадят, последний сомневающийся уверился, что ты и есть крыса. И что смерть Баяна, Зеленого и остальных на твоей совести. Ты помнишь, что у Осы через неделю после его убийства родилась дочка? В курсе, что у брата Шама на двое пацанов без отца растут? Можно долго перечислять. Помимо того, что ты виноват в их смерти, ты украл деньги их жен и детей. Так что оставь праведный отцовский гнев. Ты подложил дочь под Винокурова, чтобы защитить себя. Пока ты в одиночке преспокойно ждешь откидки, Аспид крышует единственный рычаг давления на тебя. Он, кстати, об этом знает? Или уверен, что ваши с ним дети обручены небесами?

Веко Олябьева начинает дергаться активнее, сигнализируя о том, что я попал в десятку.

– Рассказать, что будет, когда я отправлю ему это видео?

Несмотря на черный послужной список, своих детей Аспид в обиду не даст. В Глебе души не чаял, и бестолкового младшего тоже по-своему любит. Может, вы и договорились какие-то деньги после их свадьбы попилить, но я почему-то сомневаюсь. Не такой Аспид человек, что на бабки единственного сына променять. – Я делаю многозначительную паузу, давая понять, что считаю Мудрого именно таким человеком. – И как только он получит эту запись, твоя дочь моментально лишится крыши. А когда она лишится крыши, все, кого ты разозлил, посчитают своим долгом отомстить тебе через нее. Они ведь столько времени ждали.

– Вот что ты за сука... – хрипло цедит Мудрый, глядя себе под ноги.

– Напомню, что главная сука здесь ты. А твоей дочери просто не повезло с отцом. Ты вообще любил ее когда-нибудь? Она же жизни боится. Дышать ты ей самостоятельно не давал, общаться с матерью запретил.

Вскинув голову, Олябьев кривится.

– А ты, смотрю, сильно проникся? Может, тогда и видео удалишь?

– Удалю, если общак вернешь до копейки. Мне такой херней тоже не по душе заниматься.

– Ты глухой, что ли, не пойму? Я тебе по-русски сказал, что не причем.

Кровь приливает к голове и гудит так громко, что закладывает уши. Таких алчных ублюдков я не встречал за всю

свою жизнь.

– Да я, блядь, знаю, что это ты! – рявкаю я, хватая его за грудки. – Дядя Витя перед смертью признался! Вы обшак попилить собирались, но ты и его кинул, мудака. Всех вокруг наебал.

Отшатнувшись, я пытаюсь привести дыхание в норму. Выдержке Олябьева можно поаплодировать. То ли деньги так сильно любит, то ли ему реально плевать.

– Время встречи подходит к концу. – Чиркнув зажигалкой, я подношу подрагивающую сигарету ко рту. – У тебя есть две минуты, чтобы подумать. Продолжит твоя дочь жить спокойно, либо пойдет на убой.

61

«Вик, привет! Извини, что вчера без предупреждения уехала. Была немного не в себе. Не хочешь встретиться на кофе? Я угощаю».

Отложив телефон, я обнимаю белоснежную отельную подушку и поворачиваюсь к окну. После двухчасового сна тело ощущается отдохнувшим, так что нет причин торчать в номере. Тем более, что выглянувшее из-за туч солнце так и приглашает на прогулку.

В новой свободной жизни хочется наслаждаться каждой минутой, делая то, чего никогда не делала раньше: пропустить лекцию, взять в аренду автомобиль и покататься по го-

роду. Еще можно забраться на колесо обозрения и наделать кучу классных фотографий. Или добрести до главной пешеходной улицы и заказать у уличного художника свой портрет. Господи, и почему я раньше ничего этого не пробовала, предпочитая проводить время дома? Почему не замечала, какой на самом деле чудесный мир нас окружает и как много впечатлений он готов дать?

«Привет! Я видела, что ты сильно расстроилась. У тебя все в порядке? Увидеться смогу только ближе к вечеру».

Пока я раздумываю над ответом Вике, телефон вспыхивает новым входящим сообщением. При виде отправителя, во рту невольно пересыхает.

«Привет, малышка! Я только проснулся, представляешь? Всю ночь ворочался и в итоге кино до утра смотрел. Без тебя мне плохо спится».

Трижды перечитав это сообщение, я, к своему удивлению, не испытываю ни толики злости из-за того, что Родион продолжает беззастенчиво лгать. Вчерашний день с его несбывшимися планами, страхами и обидами остался в прошлой жизни. Даже хорошо, что Вика не может встретиться. Нужно как можно скорее объяснить с Родионом и собрать вещи.

С удовольствием постояв под душем, я облачаюсь в отельный халат и открываю меню ресторана. Глядя, как героини фильмов делают заказ в номер, я жутко им завидовала, будучи уверенной, что никогда не доведется делать этого самой. С самого рождения я полагала, что моя жизнь обязана

быть скучной.

Лопаясь от восторга, заказываю себе итальянский завтрак: капучино и круассан. Это вообще нормально, что я ощущаю себя настолько счастливой, собираясь расстаться с женихом? Становится предельно ясно, что идея замужества изначально была провальной, и на деле я нуждалась в прямо противоположном. В свободе.

Свободе делать то, что хочется: например, без угрызений совести восхищаться другим мужчиной. Свободе совершать собственные ошибки, потому что я, в конце концов, имею на них право. Свободе принять, что моя жизнь принадлежит только мне и никому другому. Пусть и с запозданием, теперь я это осознаю.

К моменту как горничная приносит заказ, я успеваю одеться и высушить волосы. Вручив ей чаевые, с благоговением снимаю чашку с сияющего подноса и подхожу с ней к окну. С шестого этажа открывается потрясающий вид на город, с его витыми автомобильными развязками и сверкающими на солнце зеркальными небоскребами.

– Спасибо тебе, Север. – говорю я одними губами. – За этот вид и за все остальное. Без тебя всего этого бы не случилось.

С наслаждением дожевывая воздушный круассан, я вызываю такси к нашей с Родионом квартире. Совсем скоро она перестанет быть нашей и станет только его. Эта мысль не вызывает во мне ни страха, ни неприятия. Лишь легкую грусть и

тепло. Родион тоже не был готов к браку, и предложил пожениться скорее из страха меня потерять и желания угодить отцу. Кто знает, возможно, нам удастся остаться друзьями. По крайней мере, мне бы этого хотелось.

После получасовой пробке на мосту, такси привозит меня к знакомому подъезду. Сердце пронзительно екает. Машина Родиона стоит на своем привычном месте. Видимо, не получив ответа на свое сообщение, он решил поторопиться.

Мое волнение усиливается с каждой пройденной ступенькой. Существует ли способ закончить отношения и не сильно друг друга при этом ранить? Если Родион спросит, почему я вдруг захотела расстаться, будет несправедливо обвинять во всем его. Вскрывшийся обман лишь помог мне увидеть правду и принять правильное решение.

Я влюбилась в Севера и больше не могу этому сопротивляться. Только вот честно заявить об этом я вряд ли смогу. Слишком жестоко. Родион уважает Севера и ценит их сотрудничество. Возможно, когда-нибудь он и узнает правду, но сейчас для нее точно не время.

Родион распахивает дверь еще до того, как я успеваю в нее позвонить. Его лицо выглядит бледным, а глаза напротив пугающе потемнели.

– Привет... – Запнувшись, я сжимаю ремешок сумки. Предчувствие катастрофы колючим холодом разливается под кожей. – Ты быстро.

– Ты тоже, – чеканит он не своим голосом. – Выглядишь

отлично. Натрахалась?

62

Из-за паники я несколько секунд не могу вымолвить ни слова. Мысли хаотично мечутся, один за другим подкидывая вопросы без ответов. Откуда? Почему? Как? С чего он взял?

– Что за обвинения? – наконец, выдавливаю я, перемещая взгляд на ворот толстовки Родиона. Той самой, которая была на нем вчера.

– Зайди. – Не дожидаясь, пока я удовлетворю эту просьбу, он хватает меня за предплечье и затаскивает в квартиру.

От грубого прикосновения кожа болезненно вспыхивает. Испуганно прижавшись к стене, я накрываю ее ладонью. К подобной встрече я совершенно не была готова и потому никак не могу взять себя в руки. Таким Родиона я еще ни разу не видела. Этот парень с перекошенным лицом и горящими яростью глазами мне абсолютно незнаком, и этим особенно пугает.

– Говори, где ты была ночью! – Тяжело дыша, он сжимает кулаки. – И не вздумай пиздить.

Я чувствую себя загнанной в угол. Что мне на это отвечать? Соврать? Я не могу подставлять Севера.

Так. Мне необходимо успокоиться. Что вообще может быть известно Родиону? Минимум то, что я не ночевала дома. Это он могу увидеть по раскиданным вещам и не рас-

правленной кровати. Максимум – то, как я уезжала с Севером, что маловероятно. Он бы обязательно мне позвонил и потребовал объяснений.

– Во-первых, перестань на меня кричать. – Я с достоинством расправляю плечи. – Во-вторых, прекрати голословно обвинять. Я могу задать тебе встречный вопрос: а где ты был этой ночью?

Щеки Родиона покрываются неровными пятнами.

– Сейчас это не имеет никакого значения.

– А я так не считаю. – Самообладание постепенно возвращается ко мне и голос звучит тверже. – Мне досконально известно, что ты врал мне продолжительное время. Буквально всякий раз, как желал спокойной ночи, говоря, что ложишься спать. И вчера ты тоже мне солгал. И сегодня, когда написал, что до утра смотрел фильм. Так что перестань смотреть на меня зверем.

Разоблачение никак не сказывается на внешнем виде Родиона. Его глаза по-прежнему сверкают бешенством, в них нет ни вины, ни растерянности.

– Да по хрен! Я-то просто пиво пил с друзьями, а потом ехал домой. И молчал, чтобы тебя не расстраивать. Ну а ты... – Он зажимает ладонями виски. – Блядь, Линда, ты настоящая сука. Я же тебе доверял... Боготворил фактически. Моя чистая девочка, невинный цветочек. Нельзя ее проебать... Нужно обязательно жениться...

– Я как раз приехала сказать, что не могу выйти за тебя за-

муж, – лепечу я, окончательно теряясь. Судя по всему, причина его ярости – не банальные подозрения в том, что я не ночевала дома, а в чем-то ином. Но в чем конкретно, пока не понимаю.

– Да что ты?! – восклицает Родион, карикатурно гримасничая. – Не пойдешь за меня замуж? Правда, что ли? А я-то так горю желанием жениться на бляди.

– Перестань меня оскорблять, – хриплю я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. – Не имеешь права. Я приехала, чтобы с тобой поговорить и собрать вещи. Но пока ты в таком состоянии, разговор не имеет смысла...

– О чем ты собралась разговаривать? – Родион шагает ко мне вплотную. – О том, как ты мастерски мне пиздила?

– Отстань. – Пихнув его плечом, я со всех ног бегу в спальню. Тело лихорадит до дрожи. Нужно как можно быстрее собрать необходимые вещи и вызвать такси. Родион выглядит абсолютно невменяемым.

– Конечно... – несется мне в спину. – Пакуйся. Но помни, что все эти шмотки я тебе купил, сука неблагодарная. Может новый ебарь выделит тебе под них гардероб.

От вспышки унижения кровь приливает к лицу. Ничто не дает Родиону право так оскорблять меня. Даже если он уверен, что я ему изменила.

– Я тебя никогда не просила ничего мне покупать, – выкрикиваю я, скидывая на пол первую вешалку. – Но не переживай, заберу только то, с чем пришла. И непременно пе-

ревезу все к новому ебарю!

– Какая же ты тварь, – цедит Родион, застывший в дверях спальни. – Каким бы я был придурком, если бы на тебе женился.

– Зато больше никто не будет мешать тебе тусить с Макаром, – язвительно парирую я, забрасывая вещи в спортивную сумку.

Какая же я дура, если полагала, что мы будем обниматься на прощанье. И ни о какой дружбе, разумеется, и речи быть не может. Не знаю, что Родион себе придумал, но пусть сам с этим остается.

– Я, похоже, никогда тебя толком и не знал, – неожиданно задумчиво произносит он, глядя сквозь меня. – Это единственное объяснение. Дебил такой. Думал, ты его терпеть не можешь, а ты с ним втихушку трахалась.

В груди холодеет.

– Ты о ком?

– У тебя их несколько, что ли? – Лицо Родиона болезненно кривится. – Хватит в дурочку играть. Отцу прислали видео, где ты трахаешься с Севером. Я просил показать, но он отказался. Предложил поверить ему на слово и гнать тебя в шею. Так что собирай шмотки и уебывай. Видеть тебя больше не хочу.

Как только машина Родиона разъяренно срывается с места, ноги перестают меня держать, и оседаю на асфальт рядом с сумкой, набитой одеждой. Еще никогда в жизни я не ощущала себя настолько жалкой, униженной и сбитой с толку. Одна мысль о том, что Родион не наврал и его отец каким-то образом получил запись нашего с Севером интима, приводит меня в ужас. Как она вообще могла появиться? За Севером кто-то следил, чтобы ему навредить? Но почему именно так? Он свободный человек и волен заниматься сексом, с кем хочет.

Господи... Прикрыв глаза дрожащей рукой, я тщетно пытаюсь проглотить подкатывающую истерику. За что? Разве можно обходиться с людьми так низко? Пусть я не обзавелась друзьями, но я не сделала ничего для того, чтобы занять врагов. Не совершила ничего плохого, чтобы такое заслужить. Какое теперь имеет значение, что я собиралась расстаться с Родионом? В глазах Винокуровых я беспринципная дрянь, предавшая их доверие.

Завидев меня, сидящую на корточках возле подъезда, проходящая мимо соседка косится с удивлением и настороженностью. Я заставляю себя поздороваться с ней, и подхватив сумку, медленно поднимаюсь. Нужно поскорее уехать отсюда. Погоревать можно и потом. Никто не говорил, что

путь в новую жизнь будет легким.

Позволив слезам вытечь, я достаю телефон и набираю номер Севера. Услышать его голос мне жизненно необходимо, чтобы напомнить себе, что все не зря.

Несмотря на попытку говорить спокойно, при звуке его голоса слезы удваивают свой напор и слова выходят вместе со всхлипыванием.

– Привет... Как ты? У меня все плохо. Я приехала собрать вещи, и встретила Родиона... Хотела поговорить об отмене свадьбы и обо всем остальном... Без подробностей и имен, конечно... А он стал на меня кричать... Обзывался. Сказал, что его отцу прислали видео, где ты и я... Очень личное и интимное видео, как ты понимаешь. Я звоню, чтобы тебя предупредить... Если оно было снято в твоём доме, значит где-то стоит камера и за тобой следят...

– Ты где сейчас? – перебивает он металлическим голосом.

– Около дома... Около бывшего. – Всхлипнув, я поворачиваюсь, чтобы в последний раз оглядеть сверкающий фасад с накладными балконами.

– Сможешь на такси до отеля доехать? Я буду там минут через двадцать.

Я трясусь головой в знак согласия.

– Да, конечно. Сейчас вызову. Только приезжай поскорее, пожалуйста.

По пути в гостиницу неожиданно раздаётся звонок от папы. Я в нерешительности смотрю на экран, и занеся дрожа-

щий палец, сбрасываю вызов.

«Прости, пап, – выговариваю одними губами. – Просто не сейчас».

Он наверняка спросит, как дела со свадьбой, а я не готова ни врать, ни говорить правду. Я имею право побыть наедине с собой, когда это кажется таким необходимым. Наберу его адвоката позже и попрошу организовать разговор. Папа обязан меня понять.

Поднявшись в номер, первым делом умываю лицо ледяной водой. Оскорбительные слова Родина въелись в кожу, требуя снять причиняемый зуд.

В идеально убранной, охлажденной кондиционером комнате становится немного легче и спокойнее. В будущем нужно обязательно озаботиться собственным жильем, чтобы иметь возможность побыть в уединении и ни от кого не зависеть.

Выпив воды, я присаживаюсь на кровать, принимаясь ждать. Каждая минута, проведенная в тишине, оказывается безжалостной, заполняя сознание стыдом и чувством вины. Сложно поверить, что еще вчера, застав Родиона с друзьями, я чувствовала себя обманутой стороной. Сегодня любой вправе бросить в меня камень. Шлюха, развратница, изменщица... И неважно, что я загодя решила отменить свадьбу и расстаться. Винокуровы никогда мне не поверят. А даже если и поверят, все равно не простят.

Представив шокированное лицо Леоны Андреевны, я бо-

лезненно кривлюсь. Почему-то именно ее реакция заботит меня больше всего. Наверное, потому что я полюбила ее как мать, с которой вынуждена перестать общаться.

Сейчас моя новая жизнь ощущается как разверзающаяся пропасть под ногами, в которую проваливается все, что когда-то было ценным. Этот разлом мог бы легко поглотить и меня саму, если бы не Север. Ради любви к нему я устою и справлюсь, как бы тяжело не было.

Входная дверь хлопает, заставляя меня вскочить. Я настолько себя накрутила, что готова слабовольно броситься к Северу на шею и разрыдаться.

– Привет... – Вглядевшись в его лицо, я машинально обнимаю себя руками. Порыв найти утешение в его объятиях исчезает. Не потому, что я в утешении я больше не нуждаюсь, а потому что попросту его не найду. Уж слишком закрытым выглядит он выглядит.

– Ты как? – Оценивающе пробежавшись по мне глазами, он смотрит на сумку. – Он тебя не тронул, надеюсь?

Я мотаю головой.

– Нет. Родион бы не стал... Просто наговорил ужасных вещей.

– Ясно.

– Что думаешь? – Я нервно кусаю губу. – По поводу записи? Догадываешься, кто ее снял?

Север смотрит на меня в упор, не моргая.

– Знаю.

Я вздрагиваю. Знает? И так спокойно об этом говорит?

– И кто это?

Его взгляд заметно тяжелеет, сверля точку в моей переносице. Нервные окончания вспыхивают, превращая тело одну большую раневую поверхность. Коснись меня чуточку небрежнее – скончаюсь от болевого шока.

– Скажи что-нибудь, – умоляюще сиплю я, внезапно потеряв голос. – Что угодно. Обещаю, я поверю.

В глазах Севера мелькает серебряная тень, щека странно дергается.

– Малая... – Он тоже звучит хрипловато. – Дело вообще не в тебе. Все началось гораздо раньше. Ты хорошая девочка и по-своему мне дорога, но я имею обязательства перед другими людьми, с которым был знаком задолго до тебя. Если бы были другие способы на твоего отца надавить – я бы выбрал, какой угодно, но не этот.

64

Окружающие предметы приобретают резкие очертания и меняют цвет. Суть сказанного Севером лишь частично добирается до разума, однако тело успевает среагировать. В ушах поднимается гул, мышцы деревенеют так сильно, что двигать губами выходит с трудом.

– Причем здесь мой папа?

Нестерпимая боль вспыхивает в левой половине груди, за-

ставляя дернуться и машинально отступить назад. Начинает тошнить. Никто за Севером не следил – он сам и снял это видео. Ему было что-то нужно от моего отца, а я – всего лишь рычаг давления. Все эти разговоры, внимание, встречи и даже помощь с работой – всего лишь часть плана. В его жизни есть люди гораздо важнее.

Человек, в которого я так сильно влюбилась и ради которого отказалась от прошлой жизни, попользовался мной, словно одноразовой резиновой перчаткой.

– У меня с твоим отцом есть неразрешенное дело, из-за которого когда-то пострадало много людей. – Север продолжает смотреть на меня в упор. – Часть из них мертвы. Еще до посадки, я приходил к нему и просил исправить содеянное. Он отказался. В моем мире свои законы, малая, и крысятничества там не прощают. Твой отец прекрасно об этом знал.

– Зачем ты это делаешь? – хриплю я, сосредоточившись на вороте его свитера. – Зачем пытаешься очернить моего папу? Недостаточно было раздавить меня?

– Хочу, чтобы ты хотя бы попыталась понять. У твоего отца была реальная возможность тебя уберечь от случившегося. Просто отдать деньги.

– У папы нет денег. У нас все забрали по вине его бухгалтера, не заплатившего налоги.

Лицо Севера кривится.

– У твоего отца никогда не было бухгалтера, потому что он ему не нужен. В цифрах он и сам гений. И в здравом уме

Мудрый бы никого не допустил к своим деньгам.

– У нас нет денег, – упрямо повторяю я. – Даже квартиру, машину и дачу конфисковали.

– Это капля в море. Денег у твоего отца больше, чем он сможет потратить до конца своей никчемной жизни. И за этого я больше всего его презираю. Столько людей кинуть, включая единственную дочь.

Выругавшись сквозь зубы, он выуживает из кармана смятую пачку и прикуривает сигарету. Наблюдая, как облако серого дыма растекается по воздуху, я недоумеваю, почему до сих пор свободно дышу. Кажется, со мной что-то непременно должно случиться: обморок, судороги, временная остановка сердца... что угодно. Боль такого масштаба не может остаться без последствий.

– А я так долго сопротивлялась чувствам к тебе. – Слова каплют из меня тихо и на удивление спокойно, и даже голос не дрожит. – Пыталась избегать встреч, запрещала себе о тебе думать. Мучилась виной перед Родионом, ощущая себя безнравственной обманщицей... Потому что для меня все было по-настоящему.

– Малая...

Нахмурившись, я мотаю головой, не желая его слышать.

– Я не разрешаю тебе так себя называть. Сегодня утром, несмотря ни на что, я ощущала себя счастливой. Казалось, что возможность любить тебя без угрызений совести стоит потери всего, что у меня было. А теперь я не знаю, что де-

лать. Ведь ты определенно не заслуживаешь моей любви.

– А как много ты потеряла своего, не навязанного? – Голос Севера звучит грубее и настойчивее. – Половину жизни прожила по указке своего отца, вторую половину пришлось бы жить под пяткой Винокурова.

– Ты делал все, чтобы я втянулась, – продолжаю я, игнорируя его замечание. – Провоцировал, флиртовал...

– И при этом я никогда не обещал тебе ни любви, ни отношений.

Сглотнув едкую горечь, забившую горло, я киваю.

– Да, ты всегда подразумевал только секс. Но при этом ты ни разу озвучил, что собираешься заснять его на видео, чтобы шантажировать моего отца. Если бы ты это сделал, это бы наверняка отбило у меня желание строить воздушные замки и видеть в тебе спасителя в сияющих доспехах. Можешь себя поздравить. Все вышло точь-в-точь, как ты сказал. Я сама к тебе пришла. Наивная идиотка.

– Линда, хватит! Если бы был другой способ решить проблему, я бы его нашел. Но его не было. Отмотай время назад, я бы все повторил. У меня действительно нет другого пути.

Вздвогнув, я обнимаю себя руками.

– Ты отвратителен.

– В твоих глазах наверняка. Но так вышло, что сейчас я единственный, кто может тебя защитить. Все, кого кинул твой отец, будут рады свести с ним счеты через тебя.

– Мне не нужна твоя защита. Вот... – Опустив заледенев-

шую руку в карман, я вытаскиваю несколько купюр и кладу их на журнальный столик. – С процентами возвращаю то, что дал мне в день нашего знакомства. Я больше ничего тебе не должна.

Эти деньги – половина моих скромных сбережений, но сейчас мне плевать. Выживу как-нибудь. Хуже, чем сейчас, в любом случае уже не будет.

– Забери. – Голос Севера звенит металлом. – Хватит дурить.

– Я тебе больше ничего не должна, – упрямо повторяю я, закидывая на плечо сумку. – Попробуешь меня тронуть – я закричу.

– Послушай меня, дурочка... – Стремительно шагнув вперед, Север хватает меня за плечи. – Отец твой умыл руки, понимаешь? Ты теперь сама по себе. Оставайся здесь. Я за тобой присмотрю.

Его прикосновения провоцируют новый приступ боли. Сжавшись, я мотаю головой и пячусь назад.

– Я все равно уйду. Рядом с тобой невозможно...

Пусть и задержкой, но Север меня отпускает. Легче дышать, увы, не становится. Когда я вылетаю из номера, грудь раздирает так сильно, что в пору завывать. Закончилась не только моя старая жизнь, но и едва начавшаяся новая.

По пути к лифту раздается телефонный звонок. На экране мигает номер папы.

Сдавлив рот мокрой от слез рукой, я принимаю вызов.

– Почему не берешь трубки? – грубо рокочет динамик. – И чем ты, блядь, думала, прыгая в койку хер пойми с кем? Что я тебе всю жизнь вдалбливал? Никому нельзя доверять! Ты хоть понимаешь, что наделала?

До крови закусив губу, я наблюдаю, как двери металлической кабины разъезжаются, и, не дождавшись моей реакции, равнодушно закрываются. Слезы свободно стекают по лицу, заливая ворот футболки. Почему они все такие жестокие? Даже папа.

– Извини, сейчас я не могу разговаривать, – глухо выговариваю я и сбрасываю вызов.